

Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского

ANTIQUITAS IUVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под ред. Е.В. Смыкова и А.В. Мосолкина

Саратов 2006
Издательство “Научная книга”

УДК 9(3)(063)
ББК 63.3(0)3я43
А62

Редакционная коллегия:

к.и.н. доц. *О. Л. Габелко* (отв. редактор),
асп. *В. А. Леус*, к.и.н., асс. *А. В. Мосолкин* (науч. ред.),
асп. *А. А. Савинов*, студ. *Н. Е. Самохвалова*,
к.и.н., доцент *Е. В. Смыков* (науч. ред.),
к.и.н. доц. *А. А. Сеницын* (отв. секретарь),

А62 **Antiquitas Iuventae:** Сб. науч. тр. студентов и аспирантов / Под ред.
Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. — Саратов: Изд-во “Научная книга”,
2006. — 252 с.; илл.
ISBN 5-9758-0077-3

Данный сборник содержит материалы научной студенческо-аспирантской конференции «Новый век: История глазами молодых», проводившейся на историческом факультете СГУ 27–29 апреля 2006 г. Представленные в сборнике статьи посвящены различным аспектам истории античной Греции, Рима и Северного Причерноморья.

Сборник рассчитан на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей древнего мира.

Работы изданы в авторской редакции

УДК 9(3)(063)
ББК 63.3(0)3я43

ISBN 5-9758-0077-3

© Кафедра истории древнего
мира СГУ, 2006
© Коллектив авторов, 2006

ОТ РЕДАКТОРОВ

Вы держите в руках второй сборник научных статей молодых ученых, которые принимали участие в студенческо-аспирантской конференции «Новый век: История глазами молодых», проходившей на историческом факультете Саратовского университета с 27 по 29 апреля 2006 г.

Если первый выпуск сборника *Antiquitas Juventae* можно назвать «опытом», то второй уже можно называть «началом традиции». Если первая книжка была плодом достаточно безумной фантазии тех, кто удумал такой проект, то вторая уже должна претендовать на некую большую взвешенность, если угодно – академичность. При редактировании первой *Ювенты* можно было легко воспарить в небо, а собирая вторую, мы были обременены грузом предыдущей. В общем, редколлегия оказалась в кругу тех ограничений, который принес этот корпус работ молодых авторов. За прошедший год наша *Ювента* «обросла» новыми членами редколлегии, куда вошли не только аспиранты (Александр Савинов, Владимир Леус), но и студентка (Наталья Самохвалова), что уже заставляет даже говорить о преемственности. За прошедший год появился сайт в Интернете, посвященный данному корпусу статей. Эту непосильную ношу взвалил на себя один из авторов и участников редколлегии – В. Леус, который заочно знакомился с теми студентами и аспирантами, кто прислал свои труды для той книжечки, что вы держите сейчас в руках.

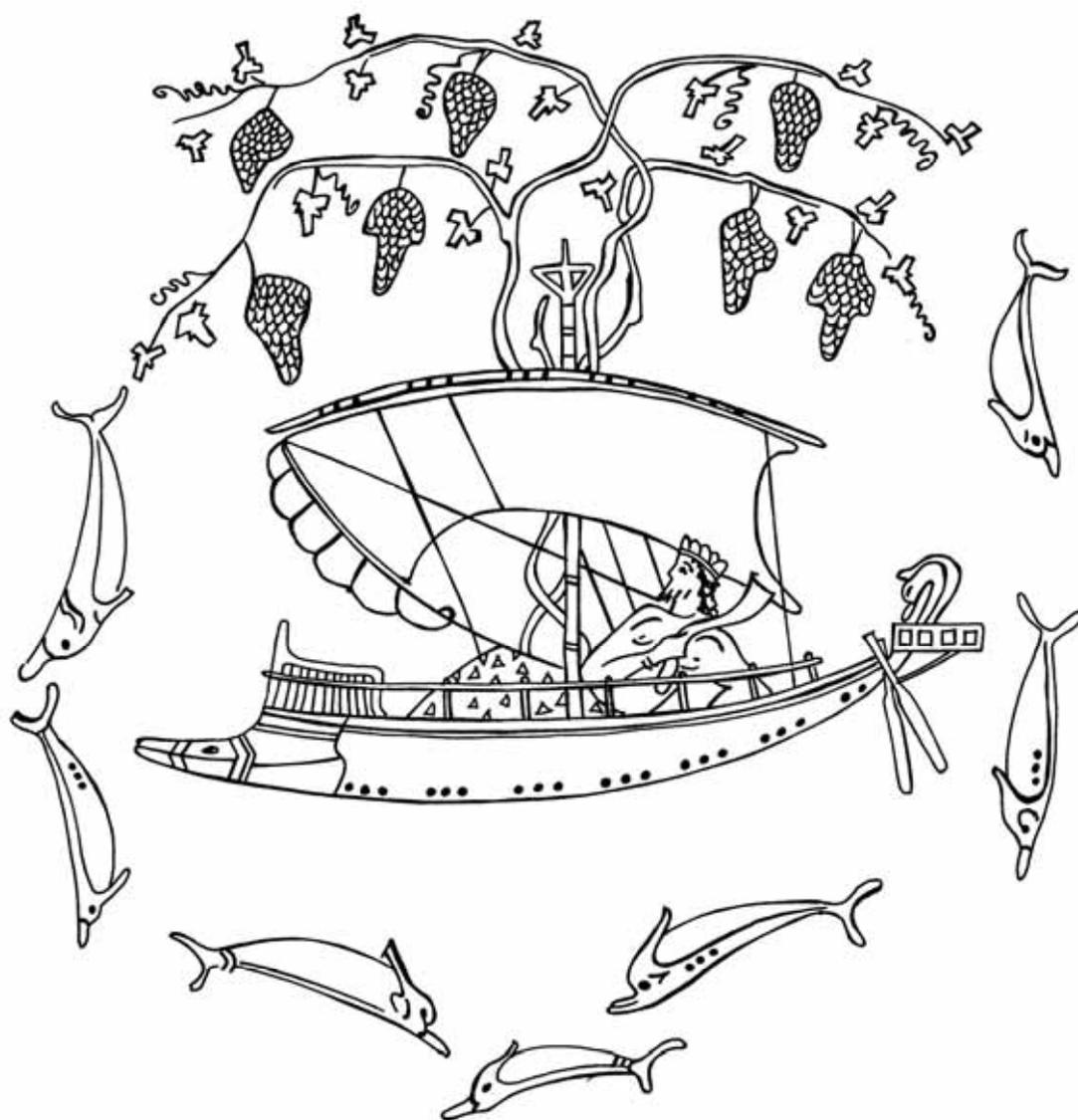
Нашу идею поддержали. Уже с ноября 2005 г. студенты и аспиранты Астрахани, Казани, Москвы, Перми и Самары, т. е. почти всех центров антиковедения нашей страны, стали проявлять интерес к будущей конференции и к условиям грядущей публикации.

Занятие историей древности – дело малопонятное и тривиально – с точки зрения текущей практики! – бесполезное. И у многих

начинающих исследователей поздно или рано где-то начинает за-
нозить мысль: а для чего нужно все то, чему я так много уделяю
времени, коли это не имеет никого современного приложения?
Это, быть может, лейтмотив душевного настроения тех, кто связывает
свою жизнь не только с историей, но и вообще с фунда-
ментальными науками. Более того, у всякого античника подчас
возникает впечатление, что то, чем была античность, и то, что мы о
ней пишем – все это не имеет между собой ничего общего. Есть сам
предмет, а есть наш взгляд на него. И, может, нам никогда не по-
нять, что двигало древними в их поступках, в их намерениях: мы
слишком непреодолимо разные. Таким образом, современный ис-
следователь не столько описывает их, сколько описывает самого се-
бя, помещая в какую-то невероятную, даже фантастическую куль-
турную среду, лишенную всей современной атрибутики. Как
трудно ухватить разумом это отличие. И уж тем более его описать!

В заключении хотим исполнить приятный долг и принести ис-
кренние слова благодарности тем коллегам, которые способствова-
ли тому, чтобы статьи их студентов увидели свет в этой книжке:
проф. Н. В. Брагинской (Москва), доц. И. Е. Ермоловой (Москва),
проф. Т. А. Михайловой (Москва), проф. И. Г. Гурину (Самара);
нашим старым и добрым друзьям: проф. А. В. Подосинову (Моск-
ва), доц. О. Л. Габелко (Казань), доц. Ю. Н. Кузьмину (Самара);
коллегам с кафедры история древнего мира СГУ, а также всем тем
людям, которые своим добросердечием и советами нас поддержи-
вали.

ГРЕЦИЯ

САВИНОВ А. А. (САРАТОВ)

Hdt. I.19-22:

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКА

олнота понимания античной истории формируется только тогда, когда оставшееся в веках слово античного автора соприкасается с только что поднятой из земли находкой недоверчиво глядящего археолога. Именно такой симбиоз дает весьма туманную надежду на правильность понимания жизни древних¹.

При изучении греческой религии видное место занимают крупные святилища и храмовые комплексы, которые, как правило, играют важную роль не только в религиозной, но и в политической жизни своего региона. Подобно тому как при рассмотрении греческого полиса на материале наиболее освещенных источниками Афин и Спарты, мы забываем, что они, скорее, исключения, основываясь на которых нельзя построить некой средней модели, так и в том случае, когда внимание обращается на храмы эллинов, в поле зрения оказываются Парфенон, храм Аполлона в Дельфах или Зевса в Олимпии. Именно их особенности впоследствии и станут некоей усредненной нормой для храмов не столь значительных, но все же представляющих определенный интерес, поскольку именно эти индивидуальные черты не дают возможность приравнять большинство мест культа к единой структурной модели².

¹ Osborne R. Archeology, the Salaminioi, and the Politics of Sacred Space in Archaic Attica // Placing the Gods. Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxf., 1994. P. 143.

² Савинов А. А. «Отсутствующая структура» Олимпа // Res cogitans. Теоретический альманах. Саратов, 2005. № 1. С. 85–88.

Крайне интересной кажется религиозная ситуация на побережье Малой Азии, а именно в Ионии³, ставшей в архаический период политическим⁴, культурным и торговым⁵ центром Эллады. Развитие культов в данном регионе привлекает внимание в первую очередь своим расположением между двумя мощными культурами: эллинской и восточной, являя пример взаимодействия этих культур. Поистине «жемчужиной» этих мест был полис Милет, известный философской школой, обилием выводимых колоний и другими приметными событиями.

Однако речь пойдет о менее величественном и ярком месте культа, но не слишком далеком от полиса милетян. В качестве примера обратимся к малоизвестному храму Афины Ассесии, который датируется примерно VII в. до н. э. и расположен где-то в Ионии, «в земле милетян»⁶. При внимательном рассмотрении сюжета связанного с храмом Афины любопытными оказываются ряд вопросов: о датировке этого святилища, исходя из сообщений главным образом Геродота; о месте его нахождения; о том был ли близ Милета один храм Афины или их было несколько.

Впервые о святилище Афины Ассесии мы узнаем от Геродота. Он пишет, что во время войны лидийцев с Милетом, царь Алиатт сжег храм Афины по прозвищу Ассесия (ἄψατο ἡοῦ Ἀθηναίης ἐπίκλησιν Ἀσσησίης – I.19). По возвращению в Сарды Алиатт занемог и отправил послов в Дельфы узнать причину недуга. Пифия дала ответ, что бог не даст им прорицания, пока они не восстановят сожженный храм Афины, что у Ассеса в земле милетян (χώρης τῆς Μιλησίης ἐν Ἀσσησῶ – I.19). Впоследствии Алиатт воздвиг два храма Афины Ассесии вместо одного (καὶ δύο τε ἀντὶ ἐνὸς ἡοῦς τῆ Ἀθηναίῃ οἰκοδόμησε ὁ Ἀλυάττης ἐν τῇ Ἀσσησῶ – I.22) и исцелился от недуга.

³ *Akurgal E.* The Early Period and the Golden Age of Ionia // *AJA.* 1962. Vol. 66. No. 4. P. 369–379.

⁴ *Wycherley R. E.* The Ionian Agora // *JHS.* 1942. Vol. 62. P. 21–32.

⁵ *Roebuck C.* The Economic Development of Ionia // *CPh.* 1953. Vol. 48. No. 1. P. 9–16.

⁶ *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911. Bd. I. s. v. Assesos.

Приведенная история представляется интересной, во-первых, потому, что сам «отец истории» называет Ассессию прозвищем (ἐπίκλησις) Афины, и, во-вторых, поскольку возникает вопрос: насколько достоверен рассказ галикарнасского писателя о двух храмах, поставленных Алиаттом?

Свое прозвище божество, безусловно, получило от названия города, однако заслуживает внимания тот факт, что ни один древний автор, рассказывая про город, не обходит молчанием этот храм⁷. Поэтому, скорее всего, перед нами показательный факт: именно святилище божества (если быть точным – сожжение святилища) и придало известность этому полису.

Какие еще встречаются сообщения в источниках относительно Ассеса или данного эпитета Афины? Геродиан в произведении «О прозвищах» сообщает очень небогатую информацию про «город в земле милетян» (s. v. Ἴσσησός): «Ассес город в земле милетян. Основатель Ассесий. Также Ассесия Афина, основываясь на сообщении Геродота» (Ἴσσησός πόλις Μιλησίας γῆς. ὁ οἰκῆτωρ Ἴσσησιος. καὶ Ἴσσησία Ἰσσησῶν παρ' Ἡροδότῳ).

Полиэн же, напротив, дает развернутый рассказ об обороне Милета тираном Фрасибулом от лидийского царя Алиатта (*Strat.* VI.47):

Θρασύβουλος Μιλησίων τύραννος Ἰσσησῶν
πολιορκούντος Μίλητον καὶ λιμῶ τὴν πόλιν αὐρήειν
μέλλοντος, πέμψαντος δὲ κήρυκα περὶ σποιδῶν, ἕως ἂν
τὸν νεῶν κατασκευάσῃ τῆς Ἰσσησίας Ἰσσησῶν,
προσέξεν τοῖς πολίτας, ὅσον ἕκαστος ἔχοι σῖτον πάντα
ἐξενεγκεῖν εἰς τὴν ἀγορὰν καὶ κατακειμένους
εὐωχεῖσθαι. ὁ κήρυξ ταῦτα ἰδὼν ἠγγειλεν Ἰσσησῶν ὁ δὲ

⁷ Greaves A. *Milet: A History*. L., 1998. P. 74–131; Gorman V. *Miletos: The Ornament of Ionia*. L., 2001. P. 167–179.

ὡς ἀφθόνων τροφῶν παρασκευῆν Μιλησίων ἔχόντων
διέλυσε τὴν πολιορκίαν.

Этот фрагмент ничем неприметен, вольный пересказ Геродота Полиэном совершенно спокойно можно было бы оставить без особого внимания и продолжать рассмотрение античных авторов, если бы не очень любопытный перевод его на русский язык⁸. Вот что предлагает в качестве перевода А. Б. Егоров: «Фрасибул, тиран милетян, когда Алиатт осаждал Милет и собирался взять город голодом, послав вестника для переговоров до тех пор пока не будет приготовлен корабль Афины Ассесии, приказал гражданам весь хлеб, который каждый из них имел, свести на агору и угощать лежащих на земле. Вестник, видя это, сообщил Аллитту. Он же, поскольку милетяне имели обильные запасы продовольствия, прекратил осаду». Смею внести ряд корректив в данный перевод. Сюжет с кораблем богини представляется очень спорным и его с огромным трудом можно обнаружить в греческом тексте. Фразу ἕως ἂν τὸν νεῶν κατασκευάσῃ τῆς Ἀσσησίας Ἀθηναῶν вовсе нельзя считать адресованной кораблю, скорее, здесь имеется в виду храм (νεῶς = ναός) Афины Ассесии. Помимо этого особое внимание стоит уделить примечанию 156, в котором дается перевод эпитета богини: Афина Ассесия – «Афина Спешащая»⁹, причем никаких комментариев по поводу этимологии предложено не было. Вероятнее всего, в качестве исходного глагола был взят αἵσσω, означающий «устремляться, бросаться, потрясать, размахивать». Возможно, лексическое значение данных слов сходно, однако такая этимология кажется по меньшей мере спорной. В целом, как уже говорилось, сообщение Полиэна скорее всего представляет собой несколько измененный рассказ Геродота (I.23–24).

⁸ Полиэн. *Стратегемы* / Общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. Во избежание путаницы следует уточнить, что перевод и комментарий интересующей нас VI книги осуществлял проф. А. Б. Егоров.

⁹ Там же. С. 493. Прим. 156.

Стефан Византийский в труде, посвященном различным народам, не обходит вниманием интересующий нас полис (*Ethnica*. s. v. Ἴσσησός):

Ἴσσησός, πόλις Μιλησίας γῆς. Θεόπομπος Φιλιππικῶν εἰκοστῇ τετάρτῃ. ὁ οἰκῆτωρ Ἀσσήσιος. καὶ Ἴσσησία Ἰσσησίου παρ' Ἡρόδοτῳ.

Как видно из небольшого рассказа лексикограф прямо ссылается на источник своих знаний о Ассесе.

Свидетельства античных авторов, касающиеся сюжета, связанного с храмом Афины Ассесии, немногочисленны и имеют под собой один источник. Суммируя эти данные, мы получаем, что о храме Афины в Ассесе известно (основываясь в первую очередь на сообщении Геродота), что расположен он в земле милетян и был сожжен Алиаттом, а затем его отстроили заново. Возможно даже, что лидийский царь построил не один храм, а сразу два. Рассмотрев свидетельства античных авторов, мы вернулись практически к тому, с чего начали.

Оставив на какое-то время в стороне нарративные источники, обратимся к данным археологии.

Раскопки Милета и его окрестностей ведутся с 1903 г. Материал за пять лет (1903–1908 гг.) был опубликован А. фон Герканом¹⁰: в книге «Калабектепе, храм Афины и его окрестности» дается развернутый топографический план как самого Милета, так и прилегающих к нему территорий, включая все храмовые комплексы. Однако прямого и ясного ответа на вопрос о расположении храмового строения, упомянутого в труде Геродота, мы здесь не находим.

Примерно в конце 30-х гг., а затем снова в 1955–1957 гг. экспедицией, проводившей раскопки Милета, руководил К. Вайкерт, он

¹⁰ *Gerkan, von A. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung*. Berlin, 1925.

занимался систематизацией материала и создавал картотеку по данному памятнику¹¹.

Нельзя не отметить монографию М. М. Кобылиной, посвященную Милету¹², поскольку храмовым комплексам, как на территории полиса, так и за его пределами, в ней уделяется большое внимание¹³. Однако построения автора основываются в первую очередь на материалах, собранных еще Гарканом, поэтому данная монография носит, скорее, обобщающий характер и не ставит перед собой цели дать точную локализацию и определить хронологические рамки существования храмов, описание которых мы находим у Геродота.

В 1968 г. свет увидела крупная статья двух авторов А. Малвица и В. Ширинга под названием «Древний храм Афины близ Милета»¹⁴, в которой ключевое место занимает датировка храма архаической эпохи. Авторы статьи склоняются к версии о времени существования храма примерно во второй половине – конце VII в. до н. э., это утверждение авторы основывают на археологическом материале, найденном и опубликованном в период с 1925 по середину 60-х гг. XX века. Спустя 7 лет А. Малвиц публикует новую работу, в которой пытается разобраться не столько в датировке храмов Афины, сколько в их убранстве и интерьере¹⁵. Между тем он предлагает измененные хронологические рамки: древнейший храм относится им к IX в. до н. э., а датировка архаического переносится в самое начало VI в до н. э.

В 2000 г. появляется вторая часть «Исследований Милета», которая представляла собой монографию В. Хелда «Храм Афины в

¹¹ К сожалению, опубликованный материал, относящийся к данному промежутку времени, мне недоступен. О работе К. Вайкерта см.: *Held W. Das Heiligtum der Athena in Milet // Milesische Forschungen. Mainz, 2000. S. 12–15.*

¹² *Кобылина М. М. Милет. М., 1965.*

¹³ Там же. С. 83–89.

¹⁴ *Mallwitz A., Schiering W. Der alte Athenatempel von Milet // IstMitt. 1968. Bd. 18. S. 87–160.*

¹⁵ *Mallwitz A. Gestalt und Geschichte des jüngeren Athenatempels von Milet // IstMitt. 1975. Bd. 25. P. 67–90.*

Милете»¹⁶, в которой наиболее широко представлен археологический материал по храмовым сооружениям, и, что немаловажно, наряду с подробным описанием искусствоведческого характера, автор делает аргументированные попытки датировки всех трех святилищ Афины.

Обобщая данные археологии, можно представить следующую картину: в самом Милете и окрестностях в разное время располагались, по крайней мере, три святилища Афины. Самое древнее из них датируется примерно IX в. до н. э., причем эту цифру принимают практически все археологи¹⁷. Гораздо сложнее обстоит дело с более поздним храмом Афины. Время его строительства колеблется от конца VII в. до н. э.¹⁸ до начала¹⁹ или даже первой трети VI в. до н. э.²⁰

Таким образом, мы видим, что рассказ, касающийся сожжения храма Афины Ассесии (Hdt. I.19–22), был широко известен уже в античности. Целесообразно предположить, что древний храм относился примерно к IX в. до н. э. и, вероятнее всего, был сожжен лидийским царем. Гораздо интереснее дело обстоит со святилищем, по словам Геродота, восстановленным после войны. Алиатт вел войну с Милетом примерно с 590 г. до н. э. по 585 г. до н. э., то есть храм мог быть восстановлен после 585 г. до н. э.; примерно такую же датировку (конец VII в. – первая треть VI в. до н. э.) дают нам археологические материалы. Перед нами случай, когда данные античного автора и результаты многолетней работы археологов не противоречат друг другу.

¹⁶ *Held W.* Das Heiligtum der Athena in Milet // *Milesische Forschungen*. Mainz, 2000.

¹⁷ *Mallwitz A.* Op. cit. S. 67–70; *Mallwitz A., Schiering W.* S. 87–92; *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 83.

¹⁸ *Gerkan, von A.* Op. cit. S. 91–99.

¹⁹ *Mallwitz A.* Op. cit. P. 67–70.

²⁰ *Held W.* Op. cit. S. 43–47.

СИРОТКИНА С. Ю. (КАЗАНЬ)

АФИНЫ И СПАРТА В ПЕРВОЙ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ

онец VI в. до н. э. – период значительного роста популярности дельфийского святилища и пилейско-дельфийской амфикистии, религиозно-политического объединения, важнейшими функциями которого являлись совместные культовые действия и забота о святилище Аполлона¹. Возрастающий авторитет и доходы Дельфийского оракула обусловили стремление отдельных членов амфикистии использовать Дельфы в своих интересах². Дельфийский храм с его сокровищами становится своеобразным яблоком раздора, разворачивается настоящая борьба за господство над оракулом, результатом которой был ряд так называемых Священных войн.

Начало первой Священной, или Крисейской, войны (Κρισαῖος πόλεμος) датируется приблизительно 595 г. до н. э.³ Судя по всему, в этот период дельфийский оракул находился под контролем фокидского приморского города Крисы⁴. Непосредственные причины войны описываются в источниках по-разному: Страбон говорит о высоких поборах, которыми облагали паломников жители Крисы, контролировавшие сухопутный и морской пути в Дельфы (IX.4), Павсаний сообщает о захвате крисейцами части священной земли (X.37.5–8), Эсхин ограничивается туманными замечаниями о нечес-

¹ Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 123.

² Кулишова О. В. Указ. соч. С. 194; Глушкина Л. М. Политические тенденции Гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // ВДИ. 1956. № 4. С. 13–24.

³ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 86.

⁴ Об этимологии названия города см.: Лихачева Л. А. Первая Священная война в истории пилейско-дельфийской амфикистии // Историк и его дело. Ижевск, 2003. С. 59–61; Глушкина Л. М. Политические тенденции... С. 24.

тии крисейцев по отношению к храму и амфикионии (III.107). Таким образом, по всей видимости, конфликт был спровоцирован именно Крисой. Каких либо сведений о времени окончания первой Священной войны нет. Вероятно, война носила затяжной характер. Павсаний пишет об упорном сопротивлении жителей Крисы, которые длительное время выдерживали осаду города (X.37.5–8). Примерной датой окончания войны можно считать 590–586 гг.⁵, когда проводились первые Пифийские игры, которые, как пишет Павсаний, были учреждены сразу после победы над Крисой (X.7.4). По окончании войны Криса и ее гавань были разрушены, жители обращены в рабство, а плодородная Крисейская равнина была объявлена священной, с запретом ее обрабатывать (Aeschin. III.108; Paus. X.37.4–5).

На защиту храма выступила дельфийская амфикиония. Среди активных участников коалиции, воевавшей против Крисы, античные авторы называют Фессалию, Сикион и Афины (Paus. X.5–8; Diod. IX.16), а Эсхин и вовсе приписывает Афинам саму инициативу выступления против Крисы (III.107). Единодушные источники, сообщающих об активном участии Афин на стороне коалиции, позволяет говорить о сравнительно раннем вхождении Афин в дельфийскую амфикионию⁶. Очевидно, это произошло до начала Священной войны, а, значит, не позднее VII в. до н. э. Напротив, Л. М. Глушкина считает, что Афины присоединились к амфикионии гораздо позднее, уже после Священной войны, ссылаясь, прежде всего, на распределение голосов в совете амфикионов после победы над Крисой⁷. В то время как все участники совета имели по два голоса, у Афин был только один, один голос также получила Спарта, вовсе не участвовавшая в конфликте. Л. М. Глушкина находит весьма странным то, что Афины, являясь инициатором войны,

⁵ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 202; Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 213–221; Лухачева Л. А. Указ. соч. С. 55–64; Lehmann G. A. Der "Erste Heilige Krieg" – eine Fiktion? // Historia. 1980. Bd. XXIX. Hf. 2. S. 243.

⁶ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 183.

⁷ Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны... С. 216.

удостоились такой же награды, что и Спарта, которая была, в общем-то, нейтральным государством. Исходя из этого, исследовательница делает вывод, что распределение голосов в амфикионии произошло несколько позднее Священной войны, следовательно, Афины одновременно со Спартой были включены в состав амфикионии, когда вступили в более тесную связь с Дельфами, но случилось это уже после Крисейской войны⁸.

На наш взгляд, распределение голосов в амфикионии произошло до начала войны. Афины действительно могли обладать всего одним голосом в силу своего довольно позднего вхождения в состав амфикионии. Образование союза относится к IX–VIII вв. до н. э. Двенадцать племен, первоначально входивших в состав амфикионии, получили по два голоса, поэтому нет ничего удивительного в том, что Афины, присоединившиеся к союзу приблизительно в конце VII в. до н. э., т. е. гораздо позже остальных, получили всего один голос. Что касается Спарты, то она, несомненно, вошла в состав амфикионии позже Афин. Получение ею одного голоса, даже несмотря на нейтралитет, связано, скорее всего, с переориентацией Дельф на Спарту после событий первой Священной войны. В ходе войны Афины весьма усилили свои позиции в амфикионии, что, несомненно, не устраивало дельфийцев, а Спарта, обладая голосом в совете, могла выступать своеобразным противовесом растущему могуществу афинян.

Наибольшие разногласия вызывает вопрос, связанный с тем, кто именно представлял Афины в первой Священной войне. Описываемые события пришлось на время архонства Солона⁹. В связи с этим источники довольно часто уполномоченным от Афин называют именно его. Эсхин говорит о том, что Солон был автором решения о начале войны с Крисой (III.108). Павсаний сообщает, что амфикионы пригласили Солона в качестве советника и именно он порекомендовал в соответствии с оракулом посвятить Аполлону плодородную Крисейскую равнину (X.37.5–8). Павсаний приписы-

⁸ Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны... С. 217.

⁹ Lehmann G. A. Op. cit. S. 242.

вает Солону военную хитрость, благодаря которой была успешно закончена осада Крисы. В частности, писатель утверждает, что Солон велел отравить воду реки Плейстра, которая текла по каналу в город осажденных (X.37.5–8). И, наконец, об участии Солона в войне сообщает Плутарх. Согласно его свидетельству, Солон произнес речь, в которой высказал мнение о необходимости охранять дельфийский храм и оказать помощь дельфийцам в борьбе с Крисой. Плутарх, ссылаясь на Аристотеля, также говорит, что амфикионионы начали войну по совету Солона (*Sol.* 11). Однако Л. М. Глушкина отрицает участие Солона в военной операции, ссылаясь на тенденцию греческих историков приписывать все деяния прошлого знаменитым людям¹⁰. Но это вряд ли может служить доказательством. Скорее, наоборот, у Солона были веские причины участвовать в конфликте. Вероятно, к этому времени у него уже созрела идея проведения реформ в Афинах. Однако для воплощения реформ в жизнь требовалась религиозная санкция, и здесь услуги дельфийского храма как наиболее авторитетного святилища в греческом мире были просто необходимы¹¹.

Следует заметить, что отношения между Солоном и Дельфами до этого момента были достаточно натянутыми. Это связывают с тем, что в то время в Дельфах у власти стояла группировка, поддерживающая Крису и негативно относившаяся к Солону и Афинам, именно она ранее санкционировала выступление олимпийца Килона. В такой ситуации, обратившись с запросом в Дельфы, Солон имел все шансы получить отрицательный ответ, чем поставил бы под угрозу проведение реформ. Неслучаен тот факт, что для очищения Аттики и содействия в проведении первых религиозных реформ в области погребальных обрядов Солон пригласил не дельфийца, как чаще всего делалось в подобных случаях, а Эпименида, занимавшего антидельфийскую позицию¹². Из вышесказанного следует, что Солон был заинтересован в свержении «крисей-

¹⁰ Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны... С. 215.

¹¹ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства... С. 89.

¹² Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства... С. 89–90.

ской» группировки в Дельфах. Смена власти в Дельфах способствовала бы освящению и поддержке оракулом реформ Солона. Участие Афин в Священной войне повышало престиж государства и теснее связывало его с оракулом¹³.

Таким образом, мы считаем, что Солон являлся «официальным» представителем Афин в первой Священной войне. Однако он не был главнокомандующим афинского гарнизона. Об этом говорит Плутарх, ссылаясь на дельфийские источники (*Sol.* 11). По его же словам, афинским главнокомандующим в дельфийских документах назван Алкмеон, представитель династии Алкмеонидов, находившихся в тот момент в изгнании (*Sol.* 11). Алкмеон действительно мог принимать участие в войне, поскольку отношения Дельф и Алкмеонидов были достаточно тесными и восходили к глубокому прошлому (*Thuc.* II.102; *Hdt.* VI.125; V.63; *Strabo.* IX.421; *Paus.* IX.36.4–5). Близость Алкмеонидов и Дельф могла быть обусловлена еще и общностью культа. Наиболее важным культом аттической Паралии, области, с которой связывали свою деятельность Алкмеониды, был культ Аполлона¹⁴. У Алкмеонидов были все основания выступить в данном конфликте. «Крисейская» группировка, находившаяся у власти в Дельфах, практически инициировала выступление Килона в 636 г. до н. э., получив благоприятный оракул. Эта же группировка, опираясь на авторитет храма в области «скверн» и очищений, подняла вопрос об «оскверненности» Алкмеонидов, что привело к их первому изгнанию из Аттики. Таким образом, у Алкмеонидов были особые счеты с «крисейскими» Дельфами, что обусловило их активное участие в войне¹⁵. Смена власти в Дельфах привела бы к культовому очищению Алкмеонидов от «скверны», а поскольку причина изгнания устранялась, становилось возможным их возвращение в Афины.

¹³ *Его же.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 137; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв.). СПб., 2002. С. 208–209.

¹⁴ *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 141.

¹⁵ Там же.

В пользу активного участия Алкмеона в войне говорит и родство Алкмеонидов с Клисфеном, тираном Сикиона, который был еще одним активным участником конфликта¹⁶. Однако к началу Священной войны Алкмеониды находились в изгнании, поэтому они, видимо, выступали в войне по собственной инициативе¹⁷. Вряд ли Солон огорчился, получив такую внушительную поддержку, поскольку позиции афинского архонта и Алкмеонидов в данном случае совпадали. Известно, что отношения Солона и Алкмеонидов были довольно «теплыми» (Plut. Sol. 12). Алкмеониды активно поддерживали нововведения Солона, а тот, в свою очередь, платил им взаимностью, выступив посредником в деле о возвращении Алкмеонидов и добившись политической, юридической и религиозной реабилитации «оскверненного» рода¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что Солон и Алкмеониды в Священной войне выступали совместно: Солон как представитель Афин в роли советника, а Алкмеон с одобрения Солона в роли главнокомандующего афинским гарнизоном. Как было сказано ранее, в ходе первой Священной войны Криса потерпела поражение. «Крисейская» группировка в Дельфах была уничтожена, что привело к налаживанию афино-дельфийских связей. Оракул полностью поддержал законодательную и реформаторскую деятельность Солона. В связи с этим Плутарх передает известный оракул, который Солон получил в Дельфах (Sol. 14):

ἦσο μέσην κατὰ νῆα, κυβερνητήριον ἔργον
εὐθύνων· πολλοί τοι Αθηναίων ἐπίκουροι¹⁹.

Солон в свою очередь отвечал Дельфам взаимностью: именно при Солоне в Афинах была учреждена коллегия экзегетов-

¹⁶ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 199.

¹⁷ Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны... С. 216.

¹⁸ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 140–150.

¹⁹ «Смело средину заняв корабля, управляй им спокойно.

Верных помощников в том ты найдешь среди многих афинян»
(перев. С. И. Соболевского).

пифохрестов, назначавшихся с санкции Дельфийского оракула и призванных толковать его прорицания. Была введена присяга, приносимая архонтами при вступлении в должность: они обязывались в случае нарушения ими законов посвятить в Дельфы золотую статую (Plut. *Sol.* 25). Все это, несомненно, знаки почтения дельфийскому Аполлону²⁰. Алкмеониды получили культовое очищение, а значит, право на возвращение в Афины²¹. После войны также упорочилось положение Афинского государства и в пилейско-дельфийской амфиктионии.

Другим, пожалуй, не менее интересным вопросом является вопрос об участии, а вернее, о неучастии Спарты в первой Священной войне. Действительно, ни один из античных авторов не упоминает Спарту среди участников коалиции, выступившей против Крисы. В свою очередь О. В. Кулишова возводит установление дельфийско-спартанских связей к очень раннему времени²². Прежде всего исследовательница ссылается на знаменитый оракул Ликургу о заложении основ государственного устройства Спарты (Hdt. I.65; Plut. *Lycurg.* 5; Diod. VII.12), а также на особо дружественное отношение Дельф к институту царской власти в Лакедемонии (Hdt. VI.52; Paus. III.1.5).

Однако обращения в Дельфы по законодательным вопросам были характерны не только для Спарты. Достаточно вспомнить переданный Плутархом оракул Тесею об устройении государственных дел в Афинах (*Thes.* 24.5). Несмотря на мифологический характер данного сообщения, афинское законодательство также можно связать с Дельфами. Здесь следует отметить оракулы о государственном устройстве Кирены (Hdt. IV.150–161) и др. Таким образом, вряд ли стоит говорить о каких-либо особо тесных взаимоотноше-

²⁰ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства... С. 92.

²¹ Его же. Из истории греческой аристократии... С. 140–150.

²² Кулишова О. В. Указ. соч. С. 206–207.

ниях между Дельфами и Спартой применительно к VIII в. до н. э. Скорее всего, отношения Дельф и Спарты в этот период ничем не отличались от отношений святилища с другими полисами. Даже если допустить наличие тесных связей между ними в столь раннее время, кажется довольно странным отсутствие Спарты среди амфикионов. Невероятным представляется то, что государство, взявшее на себя роль покровителя святилища, оказывается абсолютно равнодушным в столь критический для Дельф момент. Попытка объяснить отсутствие Спарты среди амфикионов достаточно сложной для лакедемонян в то время внешнеполитической ситуацией не является убедительной²³. Скорее всего, тесная связь между Дельфами и Спартой возникла после Священной войны²⁴. К тому времени, вероятно, относится и вступление Спарты в амфикионию. Дельфы были обеспокоены излишним рвением противников Крисы. Наличие у членов союза собственных целей и интересов в отношении храма, а также усиление позиций Афин и Фессалии ставило под угрозу гарантию безопасности святилища. В связи с этим произошла переориентация Дельф на Спарту, поскольку, находясь под покровительством сильного и надежного союзника в лице Спарты, Дельфы могли обеспечить себе независимую позицию²⁵.

Спарту с Дельфами сближал и целый ряд других факторов. Консервативность спартанского государства привлекала дельфийское жречество, особенно консервативность политических традиций. Спарта тяготела к старинной системе воспитания и образования, духовным традициям, в отличие от всегда непредсказуемых Афин²⁶. Однако сближение между святилищем и Спартой было вы-

²³ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 206–207.

²⁴ Глушкина Л. М. Дельфы в период первой Священной войны... С. 215.

²⁵ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 205.

²⁶ Кулишова О. В. Указ. соч. С. 205.

годно не только Дельфам. Религиозный и политический авторитет Дельфийского святилища был необходим Спарте для осуществления внешнеполитических акций, чего лакедемоняне и добились, надолго заручившись поддержкой дельфийского оракула. Таким образом, к началу VI в. до н. э. как следствие Священной войны начался процесс складывания тесных дельфийско-спартанских отношений, которые наблюдались на протяжении VI–V вв. до н. э. и достигли своей кульминации во время Пелопоннесской войны²⁷.

²⁷ Там же.

ГЕОРГИЕВ П. В. (КАЗАНЬ)

**НАРОДОПРАВСТВО ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?
ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
«НАДГРОБНОЙ РЕЧИ» ПЕРИКЛА В «ИСТОРИИ»
ФУКИДИДА**

Одним из источников в формировании представлений об афинской демократии в современной историографии, несомненно, является знаменитая «Надгробная речь» в «Истории» Фукидида, где устами Перикла дана характеристика существовавшего тогда в Афинах государственного строя. Интересно отметить, что в отечественных переводах речи Перикла, сделанных разными авторами в разное время, имеются свои особенности, проявившиеся в различных подходах к переводу тех или иных ключевых древнегреческих терминов, что имеет принципиальное значение при восприятии государственного строя Афин того времени. В частности, это касается различий при использовании переводчиками терминов *демократия* и *народоправство* в характеристике, даваемой Периклом государственному устройству Афин. Различие, кажущееся на первый взгляд незначительным, оказывается, однако, при более глубоком рассмотрении заслуживающим самого пристального внимания. Достойны специального рассмотрения и некоторые другие расхождения в переводах. Несомненно, интересным сопоставить и проанализировать существующие русские переводы «Речи», взяв за основу небольшой ее отрывок, а именно 37 главу II книги, так как именно здесь содержатся наиболее принципиальные оценки афинского государственного строя в том виде как их излагает Перикл. Неслучайно, что тут же наблюдаются весьма значительные различия в словоупотреблении, что, скорее всего, является отражением не только изменения и развития русского литературного и научного языка в XIX–XX вв., но и

различия общественно-политических взглядов российских исследователей.

В отечественной историографии имеются три полных русских аннотированных перевода «Истории» Фукидида: Ф. Г. Мищенко (1887)¹, С. А. Жебелева (1915)², Г. А. Стратановского (1981)³. Однако ранее перевод «Речи» попытался выполнить и представить широкой русской публике П. И. Люперольский в «Очерке государственной и частной жизни Перикла», докладе, сделанном в 1876 г. на годовичном акте историко-филологического института в г. Нежине⁴.

Интересно отметить несколько критических замечаний по поводу этого перевода, сделанных позднее учителем и наставником П. И. Люперольского М. С. Куторгой. Отмечая заслугу П. И. Люперольского в том, что тот дал первый литературный перевод знаменитой речи Перикла, М. С. Куторга предлагает свой перевод некоторых ее фрагментов⁵ и, в частности, замечает, что следовало бы вместо термина *демократия* (там, где Перикл характеризует современный ему строй Афин: καὶ ὄνομα μὲν διὰ τὸ μὴ εἶς ὀλίγους ἀλλ' εἰς πλείονας οἰκεῖν δημοκρατία κέκληται) использовать термин *полития*⁶, т. к. именно в таком смысле, по мнению М. С. Куторги, нужно понимать данное место в тексте. Государственное устройство Афин при Перикле представляло собой, как считал ученый, именно политию, а не демократию⁷. Указывая на то, что в тексте Фукидида употреблен именно термин «демократия», а не «полития», М. С. Ку-

¹ Фукидид. *История Пелопоннесской войны в 8 книгах* / Перев. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисловием, примечаниями и указателем. М., 1887. Т. I–II.

² Фукидид. *История* / Перевод Ф. Мищенко в переработке с примечаниями и вступительным С. Жебелева. М., 1915. Т. I–II.

³ Фукидид. *История* / Перевод Г. А. Стратановского. М., 1981.

⁴ Как отмечал сам П. И. Люперольский, обращение к теме Перикла и его знаменитой речи было вызвано начатками самоуправления в России, данных реформами Александра II (*Люперольский П. И. Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла* // Известия историко-филологического института им. Кн. Безбородко. 1877. С. 73).

⁵ *Куторга М. С.* Новая книга о Перикле // Русский вестник. 1880. Т. 145. С. 816–817.

⁶ Там же. С. 817.

⁷ Там же.

торга пояснял, что «полития Перикла являлась преобразованием и усовершенствованием демократии, но существенно от нее отличалась, однако древние авторы иногда называют ее демократией, подобно тому, как в наше время правление парламентское именуется конституционным»⁸.

Еще одно критическое замечание М. С. Куторги касалось фразы Перикла об отношении государственного строя Афин к соседним государствам (χρώμεθα γὰρ πολιτεία οὐ ζηλοῦσιν τοὺς τῶν πέλας νόμους)⁹. Перевод П. И. Люперского был: «Наше государственное устройство не заимствовано нами от соседей»¹⁰. М. С. Куторга охарактеризовал его как неточный, т. к. он делает из Перикла революционера, противопоставившего себя и Афины всей Греции¹¹. Намек, вероятно, на то, что П. И. Люперский, вслед за Дж. Гротом, чей взгляд на афинскую демократию, по его же словам, был для него определяющим¹², считал Перикла собственно автором демократии и воспринимал его деятельность как демократическую революцию¹³.

Сам М. С. Куторга полагал, что Перикл был лишь преобразователем демократии, которая до него уже существовала во многих греческих городах; потому он предложил следующий перевод: «Наша гражданская община не завидует законодательству соседей»¹⁴. Надо заметить, что глагол ζηλόω допускает перевод как «завидовать», так и «заимствовать», но интерпретация П. И. Люперского несколько меняет смысл сказанного Периклом.

Таким образом, в подходах к переводу речи Перикла у П. И. Люперского и М. С. Куторги видны весьма принципиальные различия. П. И. Люперский рассматривает афинскую демократию как «неограниченную политическую власть афинского

⁸ Куторга М. С. Новая книга о Перикле... С. 818.

⁹ Там же. С. 816–817.

¹⁰ Люперский П. И. Указ. соч. С. 63.

¹¹ Куторга М. С. Указ. соч. С. 817.

¹² Люперский П. И. Указ. соч. С. 43.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Куторга М. С. Указ. соч. С. 817.

демоса»¹⁵ и подчеркивает ее исключительное положение по отношению к остальной Греции¹⁶. Взгляд М. С. Куторги более консервативен. Сама идея о политике как альтернативе мятежной демократии¹⁷, тесно связанная с политическими взглядами исследователя¹⁸, весьма заметно меняет его подходы к переводу «Речи», так как вместо несовершенной демократии он видит во времени Перикла некую идеальную политику.

Некоторые принципиальные особенности можно найти и в других русских переводах «Речи».

В переводе Ф. Г. Мищенко Перикл характеризует афинский строй как «народоправство», а не как демократию¹⁹. Можно предположить, что использование термина «народоправство» было не случайным, а связано с субъективным восприятием переводчика государственного строя Афин при Перикле или даже с какими-то политическими симпатиями или антипатиями, тем более, что и в других случаях Мищенко чаще использует термин «народоправство», а не «демократия». Примечательно, что Мищенко, в отличие от большинства историков, считал Фукидида сторонником народного правления: «Противником народоправства не может быть писатель, –

¹⁵ Люперольский П. И. Указ. соч. С. 42.

¹⁶ Люперольский П. И. Указ. соч. С. 42.

¹⁷ Куторга М. С. Собр. соч. Т. II. СПб., 1896. С. 342-343; *его же*. Борьба Демократии с Аристократией в древних эллинских республиках перед персидскими войнами // Русский Вестник. 1875. Т. 120. С. 5-61; *его же*. О науке и ее значении в Государстве. М., 1879. С. 38-40.

¹⁸ Мадиссон Ю. Молодой Куторга (К вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического ф-та. 1956. Вып. 43. С. 5-6; Алатов М. А. Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории Древней Греции // ВДИ. 1955. № 3. С. 189-190; Константинова А. Д. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1967. Вып. 2. С. 117-120.

¹⁹ Фукидид. *История Peloponnesской войны в 8 книгах*. Т. I. С. 208.

отмечал он, – который так возвеличил Перикла, содействовавшего упрочению в Афинах политического равенства и свободы»²⁰.

Отвергал Ф. Г. Мищенко и существование так называемой радикальной или необузданной демократии, равно как и олигархической партии в рамках народного самоуправления в Афинах при Перикле²¹, что, возможно, как-то противопоставляет народоправство демократии, поскольку новое значение этого термина подразумевает некую партийную борьбу, а не просто правление народа.

Несомненный отпечаток бурного развития политической жизни в России, появления партийной борьбы несет на себе перевод С. А. Жебелева.

Вот так, например, подходит С. А. Жебелев к переводу: «Называется этот строй *демократическим*, потому что зиждется не на меньшинстве, а на большинстве... Что же касается *политического значения*, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает *та или иная политическая партия...*»²² (здесь и далее по тексту выделено мною – П. Г.).

У Ф. Г. Мищенко таких современных терминов нет, и перевод звучит иначе: «Что же касается *почета*, то в государственной жизни один пользуется значением перед другим не в силу принадлежности к известному классу, а по способностям». Таким образом, *почет* (так Ф. Г. Мищенко переводит *κατὰ τὴν ἀξίωσιν*) С. А. Жебелев переводит как *политическое значение*, а *ἀπὸ μέρους τὸ πλεόν ἐς τὰ κοινὰ* (по Ф. Г. Мищенко – *принадлежность к известному классу*) – как *поддержка той или иной политической партии*.

²⁰ Мищенко Ф. Г. Фукидид и его сочинение // Фукидид. *История Пелопоннесской войны* в 8 книгах. Т. I. С. СXLIX; его же. Фукидид – сторонник афинской демократии // ЖМНП. 1890. Июль–август. С. 33–49.

²¹ Мищенко Ф. Г. Фукидид – сторонник афинской демократии. С. 39. Например, П. И. Люперольский вслед за Гротом видит в Афинах две партии во главе с Кимоном и Периклом. См.: *Люперольский П. И.* Указ. соч. С. 15.

²² Фукидид. *История*. Перевод Ф. Мищенко в переработке примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева. Т. I. С. 102.

Полагаю, что здесь С. А. Жебелев все же отдал дань современной ему политической жизни в России, так как его перевод явно модернизирует античную действительность.

Однако в переводе Г. А. Стратановского (1981 г., второе издание – 1991 г.), третьем по счету в отечественной историографии, снова вместо демократии находим *народоправство*²³, хотя этот термин звучит несколько архаично для конца XX в. В переводе Г. А. Стратановского отсутствуют и словосочетания *политическое значение* и *поддержка той или иной партии*, вместо этого соответственно употреблены выражения *государственное значение* и *принадлежность к определенному сословию*.

Перевод Г. А. Стратановского данной части речи Перикла лишен прежней политической модернизации в чем, возможно, отразились и особенности советской историографии, которая, как известно, не склонна была модернизировать античную историю. Сам Г. А. Стратановский особо отмечал, что политических партий в современном смысле в Афинах не существовало, поэтому нельзя использовать этот термин применительно к античности²⁴. Можно предположить, что и термин «народоправство» в переводе Г. А. Стратановского также неслучаен, а отражает взгляд советской историографии на Перикла как народного вождя²⁵.

Таким образом, вопрос об особенностях отечественных переводов «Речи Перикла» является иногда решающим в понимании некоторых специфических оттенков при восприятии афинского государственного строя времени Перикла в отечественной историографии.

²³ Фукидид. *История* / Перев. Г. А. Стратановского. М., 1999. С. 106.

²⁴ Стратановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. *История*. М., 1999. С. 567; ср.: Утченко С. Л. Классы в античном рабовладельческом обществе // ВДИ. 1951. № 4. С. 9.

²⁵ Арский Ф. Н. Перикл. М., 1971. С. 91, 208–209; Мишулин А. В. Рабовладельческая демократия времени Перикла и Пелопоннесская война. М., 1940. С. 6; Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 170.

РУДЕНКО М. Н. (АСТРАХАНЬ)

**ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОППОЗИЦИИ
В МАКЕДОНСКОЙ АРМИИ В 334–330 ГГ. ДО Н. Э.**

отечественной и зарубежной историографии признается наличие бесспорных связей между двумя явлениями – завоевательными планами Александра Македонского и оппозицией, возникшей в его армии в ходе Восточного похода. Причем планы выступают в качестве одной из главных причин распространения оппозиционных настроений среди македонян, составлявших основу армии, завоевавшей всю известную тогда ойкумену почти целиком¹. В данной статье я постараюсь доказать, что кроме приведенной выше связи, оппозиция может служить четким индикатором для выявления масштабов завоевательных планов Александра, когда он готовился к вторжению в пределы державы Ахеменидов, уходившей в необъятные и столь мало известные грекам просторы Востока.

Также важным представляется проанализировать и другие факты, способные прояснить замыслы македонского царя. В первую очередь, это касается стратегии предстоящего Восточного похода. Она поможет нам сначала выяснить минимальный объем завоевательных планов, вытекавший из этой стратегии, затем рассмотреть оппозиционные настроения, что поспособствует полному восстановлению картины первоначальных планов.

Конечно, все это не идет дальше гипотетических предположений, что во многом обуславливается характером источников об эпохе Александра. Все они датируются периодом не ранее I в. до

¹ Шофман А. С. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра // Ученые записки КГУ. 1957. Т. 117. Кн. 9. С. 65–71.

н. э., то есть создавались по прошествии нескольких столетий после его смерти на основе первичных источников, до нас недошедших. Поэтому опираться на прямые высказывания Александра, касающиеся завоевательных планов, необходимо с известной степенью осторожности, ибо поздним авторам был прекрасно известен результат Восточного похода и они, вольно или невольно, могли исказить общую картину². Главная роль должна отводиться, все-таки, различным косвенным данным – стратегии Александра и оппозиции в его армии.

Итак, для достижения поставленной цели следует начать с рассмотрения стратегических планов Восточного похода. Это ставит вопрос о степени преемственности между завоевательной политикой отца и сына – Филиппа II и Александра. Действительно ли Александр просто унаследовал уже готовую стратегию или радикально изменил ее? Обычно считается доказанным присутствие у Филиппа весьма ограниченных планов, охватывавших лишь прилегавшие к Эгееде территории Малой Азии. Стратегические замыслы македонского царя также отличались осторожностью и традиционностью. Это находит проявление в широком привлечении к предстоящему походу контингентов греческих союзников. Греция IV в. до н. э. действительно могла предоставить в распоряжение амбициозного вождя большую массу достаточно умелых и профессиональных воинов, особенно это касалось наемников³. Если сообщение Юстина о численности греческих вооруженных сил Коринфской лиги (до 200 тысяч пехотинцев и 15 тысяч всадников – Just. IX.5.6) и является преувеличением позднего автора, то это не

² Хотя такой авторитетный исследователь, как Н. Хэммонд отстаивает точку зрения, согласно которой речи Александра, приводимые Аррианом, восходят к первичным источникам и поэтому достоверно излагают факты и царские планы. См.: *Hammond N. G. L. The Speeches in Arrian's Indica and Anabasis // CQ. 1999. Vol. 49. P. 238–253.* Анализ речей см.: *Tarn W. W. Alexander the Great. Sources and Studies. Cambr., 1950. Vol. II P. 286–296, Bosworth A. B. From Arrian to Alexander. Oxf., 1988. P. 94–135.*

³ *Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 215 сл.*

меняет сути. Филипп планировал максимально использовать военный потенциал Эллады, даже если ставить под сомнение конкретные цифры, приводимые Юстином. Это также в полной мере относится к военно-морским силам греческих полисов, союз с которыми был необходимым для борьбы с мощным флотом персов и обеспечения коммуникаций, без чего поход, с большой долей вероятности, оказывался обреченным на неудачу. М. Маркл в статье о стратегии македонского царя задается вопросом – почему при значительном военном превосходстве над важнейшим греческим полисом Афинами Филипп неизменно стремился к заключению с ним мира, причем это было частью его стратегии. По мнению М. Маркла, данный факт легко объяснить, если принять во внимание желание македонского царя использовать афинский флот в войне с Ахеменидами, неизбежность которой была ясна даже в 346 г. до н. э.⁴ Именно эти 300 триер с уже подготовленными экипажами, чье содержание не ложилось на казну Македонии, и заставляли Филиппа деликатно относиться к Афинам.

Возможно, еще одним косвенным подтверждением стратегии царя и показателем его планов может являться публицистическое наследие Исократов. Как известно, одной из главных идей последнего была неоднократно высказываемая им в своих речах мысль о необходимости прекращения бесконечных военных конфликтов между греческими полисами, объединения их усилий и завоевания части Персидской империи, чьи ресурсы помогли бы Греции решить ее экономические и социальные проблемы. При этом замыслы Исократов не простирались дальше Малой Азии, хорошо знакомой эллинам (*Isocr. Phil.* 120). Анализу речи «Филипп» посвящены несколько работ С. Перлмана⁵, в которых он предлагает отказаться от общепринятого взгляда, будто Исократ стремился убедить Фи-

⁴ *Markle M.* The Strategy of Philip in 346 B. C. // *CQ.* 1974. Vol. 24. № 2. P. 252–268.

⁵ *Perlman S.* Isocrates “Philippus” and Panhellenism // *Historia.* 1969. Bd. 18. H. 3. P. 370–374; *idem.* Isocrates, ΠΑΤΡΙΣ and Philip II // *Ancient Macedonia. Thessaloniki,* 1983. Vol. 3. P. 211–227.

липпа действовать в интересах всей Эллады, и считает, что речь, несмотря на первый поверхностный взгляд, написана с проафинских позиций. Аргументы Исократов, обращенные к Филиппу, были призваны не только направить его усилия на объединение греков и возглавить поход на Персию, но и заставить царя привлечь греческие, особенно афинские, силы. Таким образом, оратор стремился доказать македонскому царю необходимость рассматривать эллинов как равноправных партнеров⁶.

Обычно при рассмотрении творчества Исократов делаются попытки оценить только степень его влияния на царей Македонии⁷. Но, возможно, оратор лишь озвучивал замыслы Филиппа, дошедшие до греков из македонского лагеря и, таким образом, наличие обратное влияние. Именно на этом настаивают Дж. Коуквелл и Дж. Р. Эллис, относящие возникновение плана Восточного похода к периоду до 346 г. до н. э.⁸ Однако это мнение подвергается справедливой критике М. Эррингтона, который формирование замысла похода датирует временем окончательного подчинения Греции после победы македонян при Херонее в 338 г. до н. э. До этого у Филиппа, занятого войной с греческими государствами, просто не было возможности разрабатывать более глобальные планы⁹. Таким образом, степень влияния Исократов на Филиппа была незначительной и идеи оратора нельзя привлекать для определения планов царя.

Видимо, следует вообще отказаться от точного определения планов Филиппа, из-за отсутствия необходимой для этого источни-

⁶ *Perlman S.* Isocrates "Philippus"... P. 373.

⁷ *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики // *Исаева В. И.* Исократ. М., 1994. С. 170–172; *Markle M.* Support of Athenian Intellectuals for Philip. A Study of Isocrates Philippus and Speusippus Letter to Philip // *JHS.* 1976. Vol. 96. P. 80–99.

⁸ *Errington R. M.* Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II // *AJAH.* 1981. Vol. 6. № 1. P. 69–88.

⁹ *Errington R. M.* Op. cit. P. 76–78; *idem.* A History of Macedonia. Berkeley, 1990. P. 88. А. Босворт также предлагает позднюю дату – 341 г. до н. э. См.: *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1988. P. 18.

ковой базы¹⁰. Однако, по моему мнению, можно говорить о желании македонского царя сделать ресурсы Греции инструментом для достижения своих целей, причем с максимальной полнотой.

Что касается Александра, то здесь картина совершенно меняется. Его стратегические замыслы характеризуются отказом от широкого применения греческих контингентов и отказ этот не оставляет никаких сомнений в своей осознанности. Для предстоящего похода Александр привлек всего 12 тыс. пехотинцев эллинов и 600 всадников. Насколько незначительно был использован военный потенциал Греции, становится понятным при сравнении с размерами пополнений, полученных в ходе кампании. А. С. Шофман определяет численность дополнительных контингентов, состоящих из эллинов и прибывших на Восток в основном после 331 г. до н. э., в 43 тысячи 750 человек, не считая того, что большая часть подкреплений из наемников также приходилась на греков¹¹. Потери среди действующей армии, по-видимому, были крайне незначительны и подкрепления не использовались для активных боевых действий¹². На них ложилась функция несения гарнизонной службы, контроля за приобретенными территориями и обеспечения коммуникаций.

Но и те греческие силы, которые находились в армии с самого начала, никогда не использовались македонским царем в сражениях. Для гоплитов, считавшихся одними из лучших воинов в тогдашнем

¹⁰ *Sakellariou M. B. Panhellenism: From Concept to Policy // Philip of Macedon. Athens, 1992. P. 146.*

¹¹ *Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 281–283.*

¹² Н. Хэммонд, например, оценивает потери среди собственно македонян примерно в три тысячи человек. См.: *Hammond N. G. L. Casualties and Reinforcements of Citizen Soldiers in Greece and Macedonia // JHS. 1989. Vol. 109. P. 68.* Противоположное мнение отстаивает А. Б. Босворт, считающий возможным говорить о катастрофических потерях в македонской армии и, соответственно, увеличивающий количество пополнений на основе привлечения источников, критически настроенных к Александру. См.: *Bosworth A. B. Alexander the Great and the Decline of Macedon // JHS. 1986. Vol. 106. P. 1–12.* Оба мнения критикуются Р. А. Биллоузом, определяющим македонские потери в 5–7 тысяч человек, то есть 12–20 % от всей армии. См.: *Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, 1995. P. 186–189.*

мире и составлявших, в том числе, наиболее боеспособную часть войска его противника Дария, Александр не видел более достойного применения, чем прикрывать обоз за спинами македонян.

Таким образом, можно смело говорить о главной роли именно македонян в завоевании Востока и лишь о вспомогательном значении греков. Конечно, совершенно прав П. А. Брант, делающий ударение на недоверии, которое испытывал Александр к эллинам¹³. Но, как кажется, речь должна идти не только об этом. Александр, бесспорно, считал македонян лучшими воинами в мире и, похоже, всем это хотел доказать, сознательно не привлекая греческие контингенты к военным действиям. Есть много свидетельств тому, как в военных операциях Александр зачастую руководствовался вовсе не рациональными мотивами, а какими-то собственными представлениями о ходе событий. Показательный пример – судьба греческих наемников, сражавшихся на стороне персов в битве при Гранике в 334 г. до н. э. Иранские военачальники разместили греков за колоннами своей конницы, не давая возможности сразу вступить в бой. Такое неудачное расположение персидской армии вызывало много недоумений у военных историков¹⁴. А между тем все становится ясным, если допустить нежелание наемников сражаться с воинами Александра, вторгшегося в Азию с панэллинскими лозунгами. Поэтому сатрапы Дария попытались решить исход битвы только с помощью иранских всадников, не привлекая ненадежные эллинские силы. Анализ сообщения Арриана об этой битве доказывает полное отсутствие всякого сопротивления со стороны наемников, рассчитывавших, вероятно, коллективно сдаться Александру (*Anab.* I.16.2–3). Но он поступил совершенно неоправданно, приказав начать массовую бойню, так как считал греков, находившихся на службе у царя Дария, предателями. В работе Х. Парка, посвященной греческим наемникам, делается предположение, что, дей-

¹³ *Brunt P. A. The Aims of Alexander // GR. 1965. Vol. 12. № 2. P. 206.*

¹⁴ Различные мнения о причинах подобного построения см.: *Hammond N. G. L. The Battle of the Granicus River // JHS. 1980. Vol. 100. P. 73–88.* Анализ хода сражения см.: *Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 40–43.*

ствуя подобным образом, Александр пытался предотвратить поступление эллинов на службу к персидскому царю¹⁵. Но при этом во время осады Милета 300 греческих наемников, которые поразили Александра своей храбростью, были зачислены в его армию – лишнее доказательство действий царя в зависимости от ситуации и отсутствия четкой политической линии, которая выдерживалась бы постоянно. Развитие событий на реке Граник имело интересные последствия. В решающих столкновениях с македонянами при Иссе и Гавгамелах Дарий без всяких колебаний располагает греческие силы в центре своей армии, где они принимают на себя удар македонской фаланги и мужественно сражаются, заставляя чашу весов некоторое время колебаться в ту или иную сторону. И все потому, что Александр своим необдуманном решением не оставил эллинам иного выбора, что послужило ярким показателем полного пренебрежения военно-стратегической целесообразностью.

В отношении военно-морских сил замыслы Александра также отличались необычностью. Флот из 160 триер и многочисленных транспортных судов использовался для переправы армии через Геллеспонт, но затем, дойдя до Милета, Александр принимает решение о его роспуске. Уже Арриан четко формулирует стратегию царя – не вступать в сражение с персидским флотом, а нейтрализовать его путем захвата сухопутных военно-морских баз, находившихся в Финикии, корабли которой составляли основу морской мощи Ахеменидов (*Anab.* I.20.1)¹⁶. В связи с этим совершенно непонятны утверждения некоторых историков, что Александр в начале похода стремился подчинить себе только часть Малой Азии¹⁷. Ведь изобретенный им способ борьбы с флотом противника свидетельствует о планах, простиравшихся, как минимум, до Финикии.

¹⁵ Parke H. W. *Greeks Mercenary Soldiers*. Oxf., 1933. P. 181.

¹⁶ Ср. сообщение Арриана и анализ его текста: Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону, 1996. С. 168–169.

¹⁷ Шофман А. С. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского // ВДИ. 1969. № 4. С. 99.

Стоит обратить внимание на еще одно обстоятельство. Арриан связывает роспуск флота под Милетом с его малочисленностью, которая не позволяла противостоять персам на море. Однако если вспомнить, что Александр удосужился мобилизовать только 20 афинских триер, то эта малочисленность предстает как результат сознательной стратегии, а вовсе не слабости. Тем более, персидский флот являлся уже далеко не такой силой, какой был при Ксерксе, чтобы опасаться открытого столкновения с ним – ведь к Милету подошло всего 300 персидских судов (*Anab.* I.18.5).

Таким образом, стратегия Восточного похода Филиппа и Александра радикально различались. А это, в свою очередь, наводит на мысль и об отсутствии преемственности в завоевательных планах, которые у сына были более глобальны. Во всяком случае, как мы уже убедились, они не могли не включать захват Сирии и Финикии. Но только ли этим хотел ограничиться Александр?

Исследователи пытаются привлечь еще целый ряд фактов, позволяющих обосновать масштабность первоначальных планов Александра. В частности, разбору символических действий, совершенных македонским царем во время переправы через пролив, посвящена специальная работа Х. Инстински «Александр Великий и Геллеспонт»¹⁸. В ней за архетип жертвоприношений Александра в проливе Геллеспонт, на реке Гидасп в Индии и при выходе в Индийский океан принимается принесение жертв царем Ксерксом, сопровождавшее переправу из Азии в Европу в 480 г. до н. э. Во всех случаях речь идет о торжественном возлиянии и бросании в воду драгоценных предметов. Соответственно, Х. Инстински рассуждает следующим образом: подобно тому, как Ксеркс, считая себя владыкой Азии, претендовал на господство над всей Европой, так же и Александр похожими жертвоприношениями пытался обеспечить завоевание всей Азии. Однако, несмотря на внешнее сходство ритуалов, влияние персидского царя на македонского за-

¹⁸ *Instinsky H. U. Alexander der Grosse am Hellespont. Wurzburg, 1949. S. 72.*

воевателя ничем не подтверждается, кроме домыслов автора, за что работа и подвергается справедливой критике Ф. Уолбанка¹⁹.

Но переправа через пролив завершилась еще одним символическим актом. По сообщению Диодора Сицилийского, перед высадкой на азиатский берег Александр, метнув в него копье, объявил, что Азия дарована ему богами (XVII.17.2). Данное сообщение было подробно проанализировано Е. Фредриксмейером. Рассматривая его как историчное, он не может не признать того факта, что сам термин «Азия» имел в греческом мире слишком неопределенное значение, которое могло меняться в зависимости от конкретной ситуации²⁰. Таким образом, сведения Диодора на самом деле мало информативны в смысле определения границ завоеваний, планируемых македонским царем.

Еще один эпизод связан с провозглашением Александра «царем Азии» (βασιλεὺς δὲ τῆς Ἀσίας Ἀλέξανδρος ἀνηγορευμένος), которое случилось после решающей победы над Дарием осенью 331 г. до н. э. (Plut. *Alex.* 34). Ряд ученых считает возможным говорить об официальном характере данной церемонии, происходившей на армейском войсковом собрании²¹. Этот титул свидетельствовал о претензиях на покорение обширных территорий и подтверждается

¹⁹ См. рец. Ф. Уолбанка в JHS. 1950. Vol. 70. P. 79–81.

²⁰ *Fredricksmeier E. A. Alexander, Zeus Ammon and the Conquest of Asia // TAPhA. 1991. Vol. 121. P. 202–203.* О значении термина «Азия» см.: *Oost S. I. The Alexander Historians and Asia // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 265–282*, где убедительно оспаривается мнение У. Тарна об эквивалентности этого понятия Персидской империи. С. Оост полагает, что под Азией мог пониматься как континент, неопределенный географический регион на востоке греческого мира, так и Персидская империя и в большинстве случаев невозможно сказать, какое из значений преобладает. Историчность сообщения Диодора принимается также А. Босвортом. См.: *Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 38.*

²¹ *Шахермаеър Ф. Александр Македонский. С. 249–250; Wilcken U. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931. S. 137; Hammond N. G. L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. L., 1981. P. 150–151.* Дж. Р. Гамильтон признает сам факт, однако отрицает официальный характер провозглашения. См.: *Hamilton J. R. Plutarch: Alexander. A Commentary. Oxf., 1969. P. 90.*

посвятительной надписью на дарах, посланных Александром в храм Афины в городе Линд на острове Родос²².

Однако положение о включении в официальную титулатуру определения «царь Азии» ставится под сомнение Р. Локком. Во-первых, в сообщении Плутарха не говорится исключительно о македонянах, что было бы естественным если провозглашение осуществлялось на народном собрании. Во-вторых, в надписи из Линда титул Александра заметно отличается от приводимого Плутархом и звучит как «владыка Азии» (*κύριος τῆς Ἀσίας*). Это, по мнению Локка, может быть не более чем отражением действительного покорения Азии, а вовсе не официального употребления титула²³.

С моей точки зрения, наиболее убедительным доказательством наличия у Александра глобальных планов может служить возникновение оппозиционных настроений в македонской армии. Как уже было определено, завоевания должны были доходить, по меньшей мере, до Сирии – Финикии. Здесь, во время семимесячной осады Тира (февраль–август 332 г. до н. э.), к Александру прибыло посольство от Дария с условиями мира, по которым Персия отказывалась от всех земель к западу от Евфрата и выплачивала сумму в 10 тысяч талантов (Арг. *Anab.* II.25.1). На совете гетайров, где обсуждалось это предложение, произошло первое открытое проявление оппозиции со стороны Пармениона, пытавшегося настаивать на отказе от дальнейшего продвижения на Восток и принятии персидских условий²⁴. Возможно, Парменион был ориентирован на завоевательные цели Филиппа, но это лишь предположение, которое сложно доказать. Этот аристократ занимал в македонской армии ведущее после царя положение и с помощью своих сыновей контролировал все наиболее важные ко-

²² *Fredricksmeier E. A. Op. cit.* P. 207–208.

²³ *Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // CPh. 1977. Vol. 72. № 2. P. 99–100.*

²⁴ *Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // ВДИ, 1946. № 3. С. 46–56; Tarn W. W. Alexander: Conquest of Persia // САН. 1953. Vol. VI. P. 376.*

мандные посты²⁵. Не затрагивая сейчас вопроса о распространенности взглядов Пармениона в среде аристократии, хочется отметить другое обстоятельство. Наши источники ничего не говорят о наличии недовольства у рядовых воинов, возникновение которого стоило ожидать если бы предложения Дария соответствовали поставленным перед македонянами задачам. Учитывая степень демократизма, присущую македонскому обществу, царь не мог принимать важных решений в обход народного собрания, а цели Восточного похода к числу таковых решений, безусловно, относились. Македонское армейское собрание хотя и собиралось редко, но было постоянно функционировавшим институтом в правление Александра. Всего подобных собраний было проведено не менее семи²⁶. Поэтому если завоевательные планы Александра не доходили до территорий западнее Евфрата, то после посольства Дария возникла бы потребность обосновывать перед армией необходимость дальнейшего продолжения похода. Но этого царю делать не пришлось, а значит, македонские войны в Финикии знали, что конечная цель еще не достигнута.

Итак, не Сирия – Финикия, а, по меньшей мере, земли за Евфратом. Именно там располагались стратегические объекты, которые изначально интересовали Александра – столицы державы Ахеменидов. После их покорения Александр пытается продолжить движение на Восток, но впервые встречает сопротивление собственной армии (Plut. *Alex.* 47). Для разрешения данной ситуации в августе 330 г. до н. э. в Парфии проходит народное собрание²⁷. О том, какие вопросы на нем обсуждались, нас информирует Плутарх: Александр убеждал воинов в необходимости подчинения восточных сатрапий Персидской империи (*Alex.* 47). Таким образом, когда старые завоевательные цели себя исчерпали, царь сформулировал их модифицированный вариант.

²⁵ *Badian E.* The Death of Parmenio // TAPhA. 1960. Vol. 91. P. 328.

²⁶ *Faure P.* La vie quotidienne des armées d'Alexandre. P., 1982. P. 125–129.

²⁷ *Ibid.* P. 126.

Наличие оппозиционных настроений наиболее логично было бы связать именно с тем, что македоняне после сожжения Персеполя считали поход завершённым. Больше причин для волнений в армии просто не было, так как восточная политика Александра, вызвавшая столько недовольства впоследствии, к лету 330 г. до н. э. по сути еще не начала проводиться. Но Александр сумел использовать институты македонского народного собрания в собственных интересах, заставив его утвердить новые завоевательные планы. Эти представления безболезненно укладываются в рамки модели функционирования народного собрания, предлагаемой Р. Локком. Он не приписывает данному органу четко определенных правовых полномочий или жесткой процедуры проведения. Македонские цари обращались к народному собранию по мере необходимости для одобрения своих действий и придания им дополнительной легитимности²⁸.

По моему мнению, нельзя отказываться от попыток выяснить масштабность планов Александра в начале похода. Такому пути следует, например, У. Тарн, находящий у царя отсутствие четких замыслов и, соответственно, стремление действовать по обстоятельствам. Когда поход стал складываться удачно, постепенно в голове Александра появилась идея о покорении всей Персидской империи, возможно, не ранее победы над Дарием при Иссе²⁹. В целом поддерживает У. Тарна и А. Босворт, отрицающий наличие каких-либо указаний для определения имперских амбиций Александра³⁰.

Может быть, такая точка зрения вполне оправдана по отношению к отдельной личности, но едва ли ко всей армии, которая

²⁸ *Lock R.* Op. cit. P. 91–107. Точку зрения Р. Локка разделяет Е. Борза. Дискуссию о политических институтах Македонии времен Филиппа II и Александра см.: *Borza E. N.* In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 230–248. Анализ политического строя Македонии, подтверждающий мнение Р. Локка, см.: *Errington R. M.* The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // *Chiron*. 1978. Vol. 8. P. 77–133; *idem.* A History of Macedonia... P. 218–229.

²⁹ *Tarn W. W.* Alexander the Great. Narrative. Cambr., 1948. Vol. I. P. 8–9; *idem.* Alexander: Conquest of Persia // САН. 1953. Vol. VI. P. 353, 378.

³⁰ *Bosworth A. B.* Conquest and Empire... P. 38.

должна быть информирована о целях предстоящей войны. Именно к такому взгляду приводит анализ возникновения оппозиционных настроений среди македонских воинов. Стратегия Александра, использованная им для нейтрализации персидского флота, показывает, что захват Сирии – Финикии не мог не планироваться с самого начала. О наличии у Александра масштабных планов говорят зафиксированные в источниках факты отсутствия оппозиции в армии при отказе от мирных предложений Дария в Финикии и возникновение недовольства при попытке продолжать поход в восточные сатрапии в 330 г. до н. э. Первоначальной стратегической целью был полный военный разгром державы Ахеменидов и захват ее столиц. После ее достижения царь на народном собрании сформулировал новые, уже более глобальные завоевательные планы.

СОКОЛОВ И. Ю. (САРАТОВ)

К ВОПРОСУ О ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ В КОННИЦЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Интерес историков к вопросам, связанным с конницей Александра Великого вполне объясним. Дело в том, что именно в IV в. до н. э. происходит постепенное увеличение роли конницы в сражениях¹, а к периоду Восточных походов Александра значимость этого рода войск достигает своего апогея. Тем не менее, в данной теме все еще остается ряд спорных или нерешенных моментов, многие из которых напрямую связаны с контингентом *πρόδρομοι*, который будет здесь рассмотрен. Это подразделение очень любопытно хотя бы потому, что нет такого вопроса, связанного с ним, по которому у исследователей было бы единое мнение. Поэтому историография проблемы представляется очень сложной и в ней превалирует принцип – «сколько людей, столько и мнений». Не решен вопрос, связанный с этнической принадлежностью этих всадников. Есть мнение, что это сугубо как македонское подразделение, как, например, считал И. Г. Дройзен², но некоторые исследователи полагают, что оно частично или полностью набиралось из северных варварских племен³. Больше взгляды историков расходятся в вопросах об их экипировке и вооружении. Разные исследователи по-разному представляли себе состав этого контингента: от вооруженных тяжелым копьем и надежно

¹ Блаватский В. Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 101–102.

² Дройзен И. Г. История эллинизма. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 134.

³ Tarn W. W. Alexander the Great. Oxf., 1950. Vol. II. P. 156–158; Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars, 359 B. C. to 146 B. C. Goring-by-Sea, 1982. P. 104–105; Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М., 2001. С. 73.

защищенных доспехами всадников до легковооруженных конных отрядов с метательным оружием⁴. Следовательно, задачей данной работы будет изучение уже обозначенных вопросов, а также рассмотрение ряда проблем, связанных с терминологией.

К сожалению, сохранилось очень мало письменных свидетельств об этом подразделении, поэтому информацию, в основном, приходится получать из нескольких отрывков, дошедших до нас благодаря Арриану.

Из первого отрывка мы видим, что существует некое подразделение, занимающееся разведкой – σκοποί (Arr. *Anab.* I.12.7):

Σκοποὶ δὲ αὐτῷ ἐπέμποντο πρὸ τοῦ στρατεύματος· καὶ τούτων ἡγεμῶν ἦν Ἀμύντας ὁ Ἀραβαίου, ἔχων τῶν τε ἐταίρων τὴν ἴλην τὴν ἐξ Ἀπολλωνίας, ἧς ἰλάρχης ἦν Σωκράτης ὁ Σάθωνος, καὶ τῶν προδρόμων καλουμένων Ἴλας τέσσαρας⁵.

Термин ὁ σκοπός переводится следующим образом: «наблюдатель, надсмотрщик, страж, лазутчик, соглядатай» и т. д. Однокоренным словом является существительное ἡ σκοπή – «возвышенное место, с которого можно обозревать все вокруг находящееся, или сторожевая башня» и глагол σκοπιάζω, имеющий значение «наблюдать, подсматривать, подстергать»⁶. Отсюда получаем, что σκοποί – это подразделение, которое находится в визуальном контакте с противником, для них важно получать информацию при помощи зрения, именно эта функция практически исключает непосредст-

⁴ Коннолли П. Указ. соч. С. 73.

⁵ «Перед его [sc. Александра] войском были высланы разведчики. Вел их Аминта, сын Арабея. Под его началом находились гетайры, ила из Аполлонии, предводителем которой был Сократ, сын Сафона, и так называемые продромы, в количестве четырех ил».

⁶ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. 1–3. P., 1968. s. v. σκέπτομαι.

венное боевое столкновение с врагом⁷. В их состав входят гетайры и так называемые «продромы». Это тоже конница, так как применительно к ним употребляется термин «ила», обозначающий конный отряд.

Второй отрывок представляет нам следующую картину (Арг. *Anab.* I.13.1–2):

Τοὺς δὲ προκατασκευσμένους τὰ τῶν πολεμίων ἦγεν αὐτῷ Ἠγέλοχος, ἰππέας μὲν ἔχων τοὺς σαρισσοφόρους, τῶν δὲ ψιλῶν ἕς πεντακοσίους. Καὶ Ἀλέξανδρος τε οὐ πολὺ ἀπέιχε τοῦ ποταμοῦ τοῦ Γρανίκου καὶ οἱ ἀπὸ τῶν σκοπῶν σπουδῆ ἐλαύνοντες ἀπήγγελλον ἐπὶ τῷ Γρανίκῳ πέραν τοὺς Πέρσας ἐφεστάναι τεταγμένους ὡς ἐς μάχην⁸.

Итак, разведчиков ведет Гегелох. С ним скачут всадники, вооруженные сариссами, и 500 человек легковооруженных. Следовательно, можно предположить, что если состав разведчиков был постоянным, то эти всадники могут быть либо гетайрами, либо продромами. Отсюда, кстати говоря, а также потому, что эллинистические катафракты использовали копья, обозначаемые в источниках термином «сарисса» в англоязычной историографии идет

⁷ Речь идет о корне *οπ-*, от которого происходят такие формы как *ὀπτική* («наука о зримых образах»), *ὀπτός* («видимый, зримый»), *δίοπτος* («осуществляющий надзор»), *διοπτήρ* («соглядатай, разведчик») и другие. См., напр.: *Chantraine P.* Op. cit. s. v. ὀπτωτα.

⁸ «Первых из разведчиков (*προκατασκευσμένους*) вел у него [*sc.* у Александра] Гегелох, вместе с которым были всадники, вооруженные сариссами, и пятьсот легковооруженных. Александр находился уже недалеко от реки Граник, когда к нему прискакали разведчики с известием, что за Граником стоят персы готовые к бою».

традиция, по которой копия конницы «друзей» Александра называют тем же термином⁹.

В третьем отрывке это подразделение уже не называется *σκοποί* (Arr. *Anab.* I.14.1–2):

Ἄμύντας δὲ ὁ Ἀρραβαίου τοὺς τε σαρισσοφόρους
ἵππεας ἔχων Φιλώτα ἐπετάχθη καὶ τοὺς Παίονας καὶ τὴν
ἴλην τὴν Σωκράτους¹⁰.

Как можно видеть, оно находится в строю македонского войска перед боем. Ими по-прежнему командует Аминта, сын Аррабея. Под его началом находятся всадники вооруженные сариссами, пеонийцы и ила Сократа.

Четвертый отрывок демонстрирует первую атаку в битве при Гранике (Arr. *Anab.* I.14.6):

Τοὺς μὲν προδρομοὺς ἵππεας καὶ μὴν καὶ τοὺς
Παίονας προεμβαλεῖν ἐς τὸν ποταμὸν ἔχοντα Ἄμύνταν
τὸν Ἀρραβαίου <ἔταξε> καὶ τῶν πεζῶν μίαν τάξιν, καὶ
πρὸ τούτων τὴν Σωκράτους ἴλην Πτολεμαῖον τὸν
Φιλίππου ἄγοντα, ἣ δὴ καὶ ἐτύγχανε τὴν ἡγεμονίαν τοῦ
ἵππικοῦ παντὸς ἔχουσα[ν] ἐκείνη τῇ ἡμέρᾳ¹¹.

⁹ См., напр.: *Markle M. M. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // AJA. 1977. Vol. 81. № 3. P. 323–339; Worley L. J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder; San Francisco; Oxf., 1994. P. 156.*

¹⁰ «Аминта, сын Аррабея, со всадниками, вооруженными сариссами, пеонийцами и илой Сократа стоял рядом с Филотой».

¹¹ «Первыми через реку Александр послал продромов, а также пеонийцев. Предводителем у них был Аминта, сын Аррабея, командовавший одним отрядом пехоты. Перед ними же переправлялась ила Сократа, под началом Птолемя, сына Филиппа».

Здесь уже появляются продромы, присутствуют пеонийцы и «друзья», но нет сариссофоров. Таким образом, получается, что *πρόδρομοι* и *σαρισσοφόροι ἵππεῖς* – это одно и то же подразделение, так как о перестроении нет никаких сведений, да и времени на их осуществление у Александра, скорее всего, не было; к тому же маловероятно, чтобы Арриан ничего не сообщил об этом (Арг. *Anab.* I.14.6).

Термин *πρόδρομοι* переводят по-разному. Например, М. Е. Сергеев – как «бегуны»; иногда его передают как «разведчики». Такой перевод позволяет понять, что этот отряд делает во время марша войска: он следует впереди армии, играя роль авангарда, и несколько раз историк упоминает о том, что воины из этого отряда докладывают Александру о приближении противника и его численности (I.12.7; I.13.1–2; III.7.7).

Логично предположить, что подразделение, осуществляющее разведку, должно быть легковооруженным. Этим воинам нужно находиться впереди войска и собирать сведения о дорогах, переправах, местах стоянок, засадах и при этом, избегая прямого столкновения с противником, поддерживать связь с остальным войском, докладывая об увиденном. Поэтому следует обратиться к рассмотрению вооружения этих всадников. На их основное вооружение указывает термин *σαρισσοφόροι*, то есть «несущие сариссу». Здесь, вероятно, речь идет о каком-то длинном копье или пике.

Достаточно подробно вооружение и внешний облик воинов этого подразделения рассматривает Д. Хэд¹². В его работе также представлена реконструкция вооружения этого всадника (рис. 1). Здесь изображен воин на фреске из так называемой «гробницы Кинча», датируемой временем около 300 г. до н. э. (рис. 2). Считается, что это и есть всадник из отряда *πρόδρομοι*¹³. По мнению

¹² *Head D.* Op. cit. P. 105.

¹³ Хотя не все исследователи видят в нем именно продрома, некоторые склонны полагать, что это македонский всадник; см., напр.: Кузьмин Ю. Н. Армия эллинистической Македонии в III–II вв. до н. э.: История и военная организация // Воин. Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 5.

Д. Хэда, воин, вероятно, одет в две туники. Верхняя крепится поясом, который ее же и укорачивает. Она окрашена в серый цвет за исключением верхней части и рукавов, которые окрашены в бледно-желтый цвет. Пола нижней туники розовая. Плащ, перевязанный пурпурной лентой, темно-красный. Пояс светло-коричневый, обувь темно-коричневая. Седельная подстилка сделана из шкуры, вероятно, льва, кроме того просматривается ее крепление.

Теперь непосредственно обратимся к вооружению. Голову всадника защищает шлем, возможно, «фракийского» типа, на изображении его верхняя часть окрашена в малиновый цвет. В правой руке всадник держит достаточно длинное копье, как кажется, с двумя наконечниками¹⁴. Выводы Д. Хэда во многом соотносятся с археологическими находками на территории древней Фракии периода IV в. до н. э. Например, достаточно широко в данном регионе были распространены шлемы так называемого «фракийского» (или «фригийского») типа. Также, наряду со скифскими акинаками, широкое распространение имели мечи греческих типов (τὸ ξίφος и ἡ μάχαρα). Кроме того, на самой фреске копье, видимо, имеет два наконечника, что также подтверждает принадлежность всадника к фракийцам, которые не использовали втоки, а сами наконечники по форме представляли собой узколистовидное или ланцетовидное перо, по всей длине которого проходит высокое ребро, переходящее во втулку. Считается, что они являются исключительно фракийскими¹⁵. Маловероятно, чтобы всадник вообще не имел защитного вооружения (кроме шлема), ведь в этот период известны находки и фракийских защитных доспехов. Скорее всего, то, что Д. Хэд принял за верхнюю тунику, является панцирем, который также был широко распространен вместе с греческими образцами, но который не имеет аналогов ни в эллинской, ни в соседней скиф-

¹⁴ Head D. Op. cit. P. 105.

¹⁵ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 196–211 (см.: рис. 3).

ской культурах¹⁶. Вероятнее всего, он появился во Фракии из Восточного Средиземноморья. Этот кожаный доспех – на фреске он серого цвета – имеет сплошную металлическую пластину, которая защищает верхнюю часть груди, иногда к ней примыкал металлический бортик, защищавший шею, который, как кажется, просматривается на изображении в гробнице¹⁷. На фреске же эта пластина, вероятно, покрыта тканью, которая отличается от панциря по цвету (она желтая) и служит для предотвращения коррозии металла, так как последняя часто делалась из железа, а иногда для знатных воинов покрывалась позолотой или полностью делалась из золота либо состояла из двух частей, на которые наносился орнамент. Кроме того, в одной из фракийских гробниц близ болгарского города Казанлыка (около 330–320 гг. до н. э.¹⁸), можно увидеть подобных всадников (рис. 4), но, к сожалению, изображений, которые могли бы пролить свет на вопрос о панцирях, в ней нет¹⁹. Зато есть изображения, которые дают некоторую информацию о копьях. Судя по этим данным, фракийские копья действительно имели большую длину, но вряд ли они сильно отличались в этом от подобного вооружения македонских гетайров²⁰.

Таким образом, мы подошли к вопросу об этническом происхождении контингента. Некоторые исследователи считают их македонским подразделением с возможными варварскими вкраплениями²¹. При этом они исходят исключительно из термина *σαρισσοφόροι*, утверждая, что *σαρίσσα* – термин македонский²². Но, вероятно, они не учитывают тот факт, что наши источники, по сути

¹⁶ Хотя бытует мнение, что продромы панцирей не носили (см., напр.: *Se-kunda N. The Army of Alexander the Great. Oxf., 1986. P. 37–38*).

¹⁷ Мелюкова А. И. Указ. соч. С. 203–205.

¹⁸ Мавродинов Н. Живопись античной гробницы в Казанлыке // ВДИ. 1954. № 2. С. 152–173.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Д. Хэд полагает, что копья продромов были длиннее, чем у других варварских контингентов и потому их называли сариссами (*Head D. Op. cit. P. 105*).

²¹ *Brunt P. A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. 1963. Vol. 83. P. 27–28.*

²² См., напр.: *Head D. Op. cit. P. 105.*

дела, македонские²³, и вероятнее всего, это лишь некое название, которое дали им сами македоняне. Имеется еще ряд сообщений о наличии у фракийской пехоты копий, называемых сариссами, и данные о кампании Филиппа во Фракии 339 г. до н. э., где на него напали трибаллы и он был сброшен с лошади ударом сариссы, как об этом рассказывает Дидим (*In Demosth.* col. 13. v. 3–7)²⁴. М. Маркл считает, что в это время македонские всадники еще не были вооружены длинными копьями и что именно после этого инцидента конница «друзей» получила подобное оружие²⁵.

Кроме того, есть сообщение Диодора, где он перечисляет контингенты армии Александра, переправившиеся в Азию, и πρόδρομοι, которые указываются вместе с пеонийцами, открыто называются фракийцами – Θράκες δὲ πρόδρομοι καὶ Παίονες ἐννακόςιοι (*Diod.* XVII.17.4–5). Тем не менее, некоторые исследователей не склонны доверять этому сообщению и для ясности иначе интерпретируют текст, добавляя в него союз καί, между словами Θράκες и πρόδρομοι, тем самым разделяя два эти термина (Θράκες δὲ καὶ πρόδρομοι καὶ Παίονες ἐννακόςιοι)²⁶. Однако причин для этого, как кажется, нет. Если обратиться к различным изданиям текста «Исторической библиотеки» Диодора, то рассматриваемый отрывок (XVII.17.3–5) действительно содержит ряд разночтений, но фрагмент о продромах везде одинаков. Кроме того, его часто понимают достаточно буквально без учета особенностей авторского стиля. Первое, что вызывает сомнения, это общая численность, казалось бы, абсолютно разных контингентов, а также общее командование. Союз καί соединяет два этника, один из которых имеет определение. Но ес-

²³ Так как Арриан пользовался трудами Птолемея и Аристобула; подробнее см., напр.: Маринович Л. П. *Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма)*. М., 1982. С. 29–35, 60–61.

²⁴ *Head D.* Op. cit. P. 105.

²⁵ *Markle M. M.* The Use Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // *AJA*. 1978. Vol. 82. № 4. P. 489–490.

²⁶ *Brunt P. A.* Op. cit. P. 27–28; *Milns R. D.* Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus XVII.17.4 // *JHS*. 1966. Vol. 86. P. 167–168; *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Oxf., 1979. Vol. II. P. 408.

ли это определение распространяется и на однородный с ним член предложения (то есть на Παίονες), то тогда их общая численность представляется вполне логичной, а приведенный вывод согласуется с данными Арриана. Так в одном из отрывков историк напрямую указывает на то, что пеонийцы входили в состав πρόδρομοι (*Anab.* III.8.1). Но следует еще отметить, что есть два фрагмента, где пеонийцы упоминаются рядом с продромами (I.14.6; III.12.3), и в одном месте – с сариссофорами (I.14.1–2). При этом, исходя из контекста, можно с уверенностью утверждать, что в отрывке III.7.7 термин πρόδρομοι подразумевает в том числе и пеонийцев, так как его логическим продолжением является фрагмент III.8.1. К тому же, есть место, где это понятие употребляется отдельно, и нельзя с уверенностью сказать, что под ним понимается в данной ситуации (I.12.7). То же происходит и с термином σαρισσοφόροι (I.13.1–2), хотя в этом случае можно предположить, учитывая обычную численность разведывательных отрядов войска Александра, что речь идет здесь и о пеонийцах.

В итоге следует прийти к заключению, что фракийские и пеонийские контингенты постоянно действуют вместе, а значит, и первые и вторые выполняют функции продромов. Вероятно, этим обстоятельством объясняется некоторая сбивчивость наших источников. Из этого же можно сделать вывод о сходстве вооружения обоих отрядов. Более того, не стоит забывать, что вместе с ними была и ила «друзей» из Аполлонии. Именно поэтому П. Брант считает продромов македонским подразделением²⁷. Но ведь у них есть много общего, в частности, основное наступательное вооружение. Кроме того, у гетайров и πρόδρομοι есть еще одно сходство: и те и другие использовали построение клином²⁸, которое, кстати говоря, считается скифским²⁹. И именно потому, что «друзья» не относились к продромам, источники всегда однозначно отделяют их от всех остальных контингентов.

²⁷ *Brunt P. A. Op. cit. P. 27–28.*

²⁸ *Worley L. J. Op. cit. P. 156–158.*

²⁹ *Коннолли П. Указ. соч. С. 73.*

Остается вопрос о различии терминов *σκοποί* и *πρόδρομοί*. Термин *πρόδρομοί* происходит от слова *δρόμος* – «бег, скачка, бегом, беглым маршем, состязание в беге, место для бега, скачки, состязаний»³⁰. А приставка *πρό-* имеет значение – «делать что-то раньше, быстрее, находиться впереди»³¹. Таким образом, *πρόδρομος* – это «бегущий впереди, передовой, предтеча»³², а однокоренное с ним *πρόδρομή* переводится как «выбег, нападение, атака»³³. Отсюда *πρόδρομοί* – это отряды, которые идут впереди войска и используются для рекогносцировки или перестрелок с противником, выполняя функцию застрельщиков³⁴. В итоге получаем, что *πρόδρομοί* – это еще, возможно, и отряды, первыми вступающие в бой. В этой связи хотелось бы обратиться к истории сражений, данных Александром. Наиболее ярко эта их функция проявилась уже в первых двух крупных битвах Восточного похода – при Гранике и Иссе.

Была весна 334 г. до н. э., когда Александр подошел к Гранику. Вода в реке поднялась, но перейти ее все же было возможно в нескольких местах (*Plut. Alex.* 16)³⁵. На правом берегу реки расположились персы. Непосредственно у берега находилась конница, а за ней стояли греческие наемники (*Arr. Anab.* I.14.4)³⁶. План Александра заключался в немедленной переправе через реку и удару по врагу (I.6–7). Для этого было необходимо первой атакой заставить противника оттянуть свои силы на левый фланг (I.14.4; I.15.2), а за-

³⁰ *Chantraine P.* Op. cit. s. v. *δραμεῖν*.

³¹ *Ibid.* s. v. *πρό*.

³² *A Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddel, R. Scott, rev. by H. S. Jones. Repr. of 9th ed. Oxf., 1996.* s. v. *πρόδρομεύω*.

³³ *A Greek-English Lexicon.* s. v. *πρόδρομεύω*.

³⁴ *Ibidem.* s. v. *πρόδρομεύω*.

³⁵ *Фуллер Д.* Военное искусство Александра Великого. М., 2003. С. 164; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1999. Т. 1. С. 144.

³⁶ У Диодора картина несколько иная: персы стоят на некотором отдалении от берега реки и поэтому Александр успевает без трудностей переправиться и выстроиться для боя (XVII.19.1–3). В данном случае события излагаются в освещении Арриана, поскольку у Диодора практически нет сведений о дальнейшем ходе сражения.

тем, атаковав ближе к центру, подготовить плацдарм для переправы остального войска (I.15.4). Крайне интересно то, что подразделением, первым атаковавшим персов, был как раз отряд Аминты (I.14.6). Он столкнулся здесь с достаточно сильной группировкой противника под предводительством Мемнона Родосского, и в результате воины Аминты были отброшены обратно в воду (I.15.2). Но именно это и позволило Александру переправиться во главе конницы гетайров и успешно атаковать уже поредевший центр персидской позиции. За ним переправилось и все войско. Персидская конница после гибели большинства наиболее авторитетных командиров обратилась в бегство, а греческие наемники были окружены воинами Александра (I.16.1–2).

В битве при Иссе происходит примерно то же самое. На правом крыле концентрируется конница «друзей» и πρῶδρομοι (II.9.2). Причем при атаке последние шли впереди гетайров. В этом контексте особенно интересна теория Л. Уорли. Он предполагает, что σαρισσοφόροι так называются потому, что их копья были такой длины, что позволяли им атаковать пехоту фаланги, по крайней мере греческой³⁷. Напомним, что в битве при Иссе Александр прорвал строй персов, но по всему фронту у Дария, если верить источникам, находились именно греческие наемники и так называемые кардаки, которые причисляются Аррианом к гоплитам³⁸ (II.8.6). Сюда же можно отнести и сообщение Геродота, относящееся к событиям 510 г. до н. э., о том, что спартанцы, чтобы обезопасить себя от атаки фессалийцев, вырыли перед строем фаланги подобие волчьих ям, что и сорвало атаку конницы (V.63–68). Безусловно, эта теория спорна и часто подвергается критике³⁹, но все же можно констатировать, что πρῶδρομοι первыми вступали в битву, чтобы подготовить

³⁷ Worley L. J. Op. cit. P. 156.

³⁸ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 148. Л. Уорли считает их пельтастами: Worley L. J. Op. cit. P. 165.

³⁹ Подробнее об этом и о книге в целом см.: Нефедкин А. К. [Рец.:] Worley L. J. Hippias: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare) Boulder; San Francisco; Oxf., 1994 // ВДИ. 2000. № 3. С. 194–201.

следующий за этим основной удар, который наносила конница «друзей».

Не все так просто и с термином *σarissofóroi*. Схожее по конструкции слово *δоруφόρος* кроме значения «копьеносец» еще переводится как «телохранитель» (более позднее – «римский преторианец»)⁴⁰. Глагол *δоруφορέω* означает «быть копьеносцем, телохранителем, сопровождать или охранять кого-либо»⁴¹. Велика вероятность того, что наименование *σarissofóroi* имело тот же спектр значений. Следовательно, они получили это название не только из-за длинных копий, которыми вооружались воины, а еще потому, что сопровождали и охраняли все войско от засад противника на марше и, первыми вступая в бой, проверяли силы врагов на прочность, опять же предостерегая остальных от разного рода неожиданностей в первые минуты сражения.

Таким образом, получаем, что *πρόδρομοι* и *σarissofóroi* *ἵππεις* – это одно и то же подразделение, которое входит в состав *σκοποί*. Продромы выполняли ряд важных функций в армии Александра, связанных в первую очередь с разведкой и рекогносцировкой. Они первыми начинали сражение, подготавливая тем самым основной удар конницы «друзей», который, как правило, и являлся решающим. Эти контингенты были легковооруженными, о чем свидетельствуют данные источников и сам род занятий продромов. Их вооружение состояло из длинного копья, меча, «фракийского шлема» и, возможно, какого-то легкого панциря. На основании этого можно сделать вывод, что эти подразделения набирались из соседних с Македонией варварских областей. Что же касается терминологии, то ее разнообразие, вероятно, является следствием стремления античных авторов к максимальному обозначению тех функций, которые выполняло данное подразделение.

⁴⁰ *Chantraine P. Op. cit. s. v. δόρυ.*

⁴¹ *A Greek-English Lexicon. P. 446 s. v. δоруφορέω.*

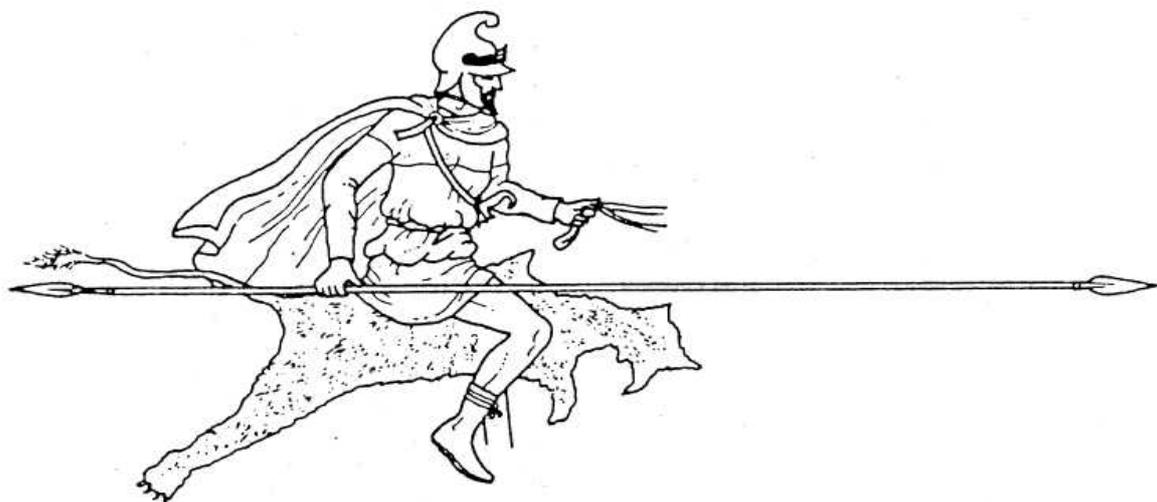

Рис. 1. Реконструкция вооружения и внешнего облика продрома.
Взято из: *Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars, 359 B. C. to 146 B. C.* Goring-by-Sea, 1982. P. 105.

Рис. 2. Фреска из гробницы Кинча.
Взято из: *Кузьмин Ю. Н. Армия эллинистической Македонии в III–II вв. до н. э.: История и военная организация // Воин. Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 5.*

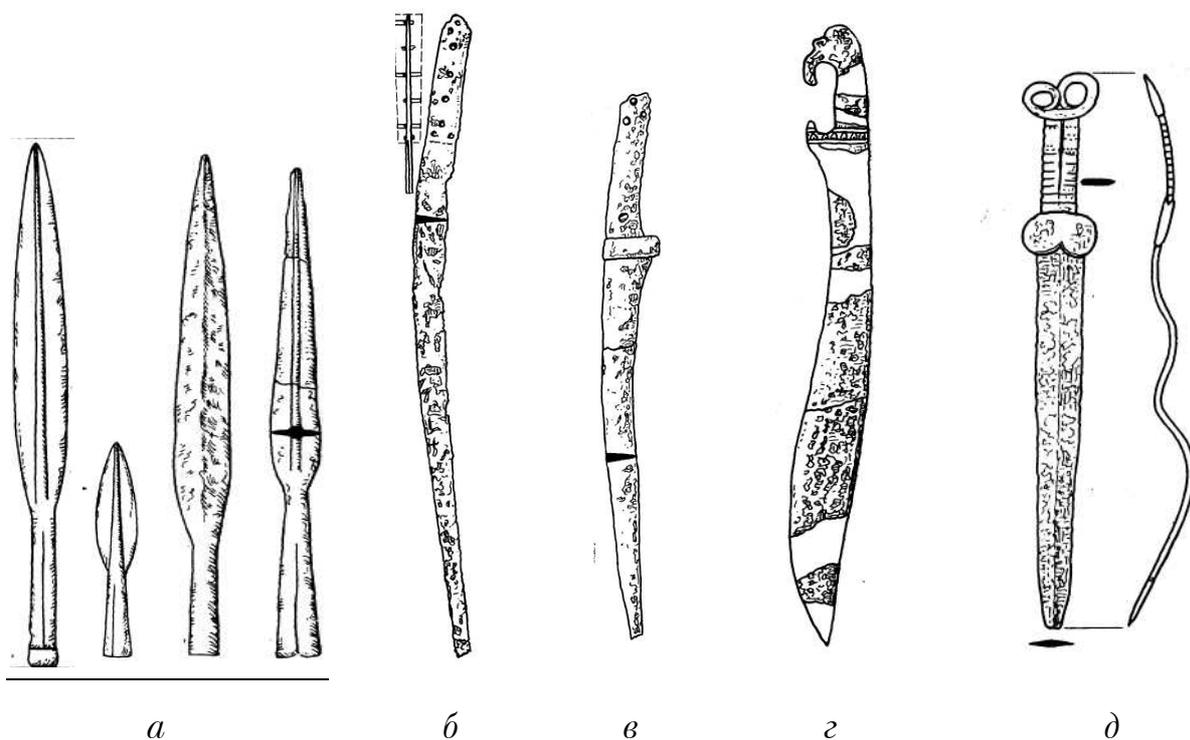

Рис. 3. Археологические находки вооружения на территории Фракии:

- a* – наконечники копий;
- б, в* – фракийские образцы мечей;
- г* – греческая махайра;
- д* – скифский акинак.

Взято из: Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 96, 98, 100.

Рис. 31–33.

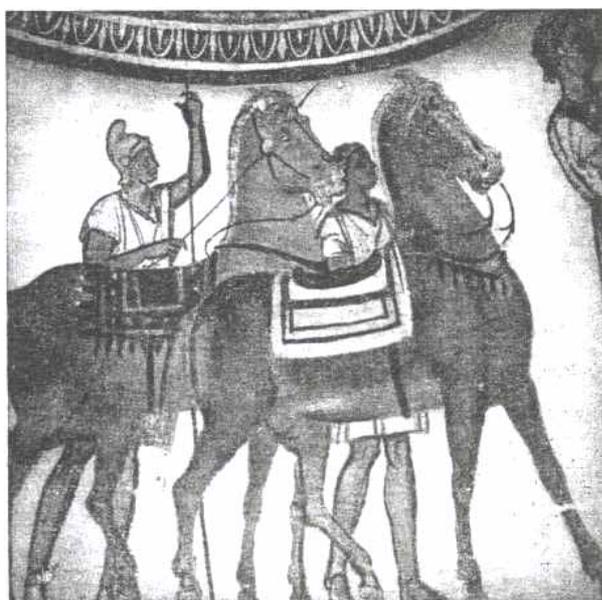

Рис. 4. Фрагмент росписи
Казанлыкского склепа
(фигуры конюхов).

Взято из: Мавродинов Н. Живопись
античной гробницы в Казанлыке //
ВДИ. 1954. № 2. Рис. 15.

СЕМЕНОВ С. В. (САМАРА)

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЛИТТА
В СЕРЕДИНЕ III В. ДО Н. Э. И ЕГО БОРЬБА
ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КРИТА**

220–219 гг. до н. э. в результате т. н. Критской войны кноссиями был разрушен Литт – один из крупнейших полисов Крита (Polyb. IV.54). Страбон, говоря о времени, предшествовавшем данным событиям, ставил Литт (Ликт) четвертым по значимости городом острова после Кносса, Гортины и Кидонии (X.4.7). Отсутствие источников не позволяет выявить истоки конфликта между Кноссом и Литтом, однако, на наш взгляд, все же существует небольшое число сведений о стремлении Литта к гегемонии в центральной части Крита, относящихся к середине III в. до н. э.

В связи с этим особый интерес имеют несколько эпиграфических документов. Один из них содержит текст договора между селевкидским царем Антиохом II Теосом (261–246 гг. до н. э.) и жителями Литта (Inscr. Cret. I.XVIII.8 = SVA. III.486). Из надписи становится ясно, что Селевкид возобновил союзное соглашение с Литтом, которое ранее заключил с городом его отец Антиох I Сотер (из текста надписи непонятно, кто стал инициатором возобновления договора: литтийцы, или Антиох II). Договор точно датирован 62 годом селевкидской эры – 250 г. до н. э. (Inscr. Cret. I.XVIII.8 = SVA. III.486 v. 12)¹.

Географическое расположение Литта (на северо-востоке центральной части Крита) обеспечивало ему важное стратегическое

¹ Willets R. F. *Aristocratic Society in Ancient Crete*. L., 1955. P. 230; Schmitt H. H. *Die Staatsverträge des Altertums*. München, 1969. Bd. III. P. 157; Grainger J. D. *A Seleukid Prosopography and Gazetteer*. Leiden; N. Y.; Köln, 1997. P. 14.

значение. Северо-западнее от него находится Кносс, а на юго-западе – Гортина. На востоке серьезную военную силу представляли Итан и Олунт, с начала 260-х гг. до н. э. оккупированные войсками Птолемея II Филадельфа². Трудно сказать, какое из эллинистических государств в рассматриваемый период состояло в союзе с крупнейшим городом Крита Кноссом. Гортина же, судя по всему, в конце 270-х–260-е гг. до н. э. была союзником Спарты (Plut. *Pyrrh.* 27.2).

Заклучив военный союз с Литтом, Антиох Теос, а до него Антиох Сотер устанавливали отношения не только с этим городом, но и с дружественными ему критскими полисами. В гортинской надписи, содержащей текст договора между Милетом и Гортиной о запрете покупки граждан и рабов этого малоазийского полиса, кроме Литта упоминаются жители еще трех критских городов: Аркадии, Арии (Арви), Гирты. Локализация первого известна: он находился южнее Литта; местоположение Арии на юго-восточном побережье центральной части Крита, на наш взгляд, убедительно доказал К. Ф. Китчелл³; локализовать Гирту крайне сложно из-за отсутствия дополнительных сведений. Интересно, что Литт, Аркадия и Ариа располагаются вдоль условной линии, отделяющей центральную часть острова от восточной. Вероятно, перечисленные полисы входили в число «других союзников» Литта, упоминаемых в договоре с Антиохом II (Inscr. Cret. I.XVIII.8 = SVA. III.486 v. 5). Таким образом, Антиох II приобрел важного союзника, распространив свое влияние на территории, прилегающие к оккупированным Птолемеями Олунту и Итану.

Что касается самого Литта, то своим участием в коалиции городов во главе с Гортиной он явно противопоставлял себя Кноссу. Судя по договору Кносса с Милетом (Inscr. Cret. I.VIII.6), заклю-

² См. подробнее: *Spyridakis S.* Ptolemaic Itanos and Hellenistic Crete. Berkeley, 1970. P. 69-80.

³ *Kitchell K. F.* New Evidence for Cretan ΑΡΙΑΙΟΙ Coinage // *AJA.* 1983. Vol. 87. P. 217-218.

ченному около 260 г. до н. э.⁴, в сфере влияния крупнейшего города Крита находилось гораздо большее число городов-государств (в надписи упоминаются жители 20 критских полисов). Характерно, что в их число входил и Итан, находившийся под египетским влиянием.

По-видимому, именно после заключения военного союза с Антиохом I и его возобновления с Антиохом II Теосом, Литт начал более активно проводить политику, направленную на достижение гегемонии (в союзе с Гортиной или без нее) в центральной части Крита. Об этом, на наш взгляд, может свидетельствовать и начало чеканки Литтом в начале 260-х гг. до н. э. нового типа бронзовых монет с изображением головы Зевса в профиль на аверсе и сидящего орла с полураскрытыми крыльями на реверсе⁵. Любопытно, что уже во II в. до н. э. знаменитый альянс двух критских городов Кносса и Гортины чеканил бронзовую монету, символизирующую гегемонию этих полисов – изображение на аверсе и реверсе данных монет практически в точности повторяло литтский вариант⁶.

Таким образом, есть основания полагать, что, по меньшей мере, с середины III в. до н. э. Литт стал активнее вмешиваться в борьбу за гегемонию в центральной части Крита. И одной из основных причин этого стало, на наш взгляд, заключение военного союза с государством Селевкидов.

⁴ См.: *Willets R. F.* Op. cit. P. 117; *Kitchell K. F.* Op. cit. P. 217; *Хаджидаки Э.* Критское эллинистическое пиратство // ВДИ. 1992. № 2. С. 155.

⁵ *British Museum Catalogue of Greek Coins.* L., 1886. Vol. IX. № 23.

⁶ *Sear D. R.* *Greek Coins and Their Values.* L., 1978. Vol. I. P. 294 (№ 3229).

ЮРИН А. И. (САРАТОВ)

ПОЛОЖЕНИЕ МАКЕДОНИИ ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ ПИДНЕ

Битва при Пидне 22 июня 168 г. до н. э. определила исход третьей Македонской войны. Окончание ее явилось важнейшим рубежом в истории не только Македонии, потерявшей, можно сказать, свою независимость, но и в истории всего Средиземноморья.

Большинство как зарубежных, так и отечественных исследователей по праву считают эту дату ключевой в развитии взаимоотношений между Римом и эллинистическими государствами, так как с этого времени Рим стал общепризнанным хозяином Средиземноморского бассейна¹.

Римляне вели свою третью войну против македонских царей с твердым намерением упразднить институт монархии в Македонии. По окончании войны устройство Македонии претерпело радикальные изменения: она была разделена на четыре самоуправляющиеся республики, формально свободные, но фактически находившиеся в зависимости от Рима. Подробнее это и другое мероприятие будут рассмотрены ниже. Прежде всего, следует разобратся, почему здесь не была образована провинция, как это практиковалось с другими завоеванными территориями, хотя сенат принял решение ликвидировать прежнее государство.

На решение данного вопроса существует несколько точек зрения. Советские историки полагали, что причины этому следует искать как в Македонии, так и в Риме. Ситуация в Македонии была

¹ См.: *Errington R. M.* The Dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. L., 1971. P. 221; *Briscoe J.* Rome and the Class Struggle in the Greek States 200-146 B. C. // РР. 1967. № 36. P. 3-20; *Шофман А. С.* История античной Македонии. Казань, 1963. Ч. 2. С. 296.

слишком взрывоопасной, чтобы устанавливать прямое римское управление. С другой стороны, не существовало единства в сенате по вопросу о будущем побежденного государства. Сенаторы были разделены на борющиеся между собой группы нобилитета и всадников. Существовала и третья сила в лице М. Порция Катона и его последователей. В итоге отечественные исследователи приходят к выводу, что решение сената по поводу устройства Македонии было компромиссным².

Английский исследователь Х. Х. Скаллард³, используя просопографический метод, делает заключение, что в это время в сенате существовало противостояние нескольких групп: эмилиано-сципионовской группы (Л. Эмилий Павел и др.), представителей «плебейских» вождей (Попилии, Лицинии и др.) и М. Порция Катона со сподвижниками. Х. Х. Скаллард пишет, что в 168 г. до н. э. большинство должностей получили представители эмилиано-сципионовской группы. Но из-за того, что они, по большей степени, были вне Рима, то не могли влиять на решения сената, где усиливаются в это время так называемые «плебейские» вожди. В итоге в сенате были выбраны десять легатов с инструкциями (Liv. XLV.17–18) к Л. Эмилию Павлу, победителю последнего македонского царя Персея, чтобы совместно выработать требования к побежденной стороне. Из десяти легатов, возможно, лишь несколько имели отношение к Эмилию Павлу⁴.

Так или иначе, несмотря на внутрисенатскую борьбу, возоблудала точка зрения Катона, считавшего, что Рим не в состоянии сам непосредственно управлять столь отдаленной территорией.⁵ Это отнюдь не означало дарование полной независимости Македонии. Она должна была стать настолько слабой, чтобы не вызывать беспокойства римлян.

² Шофман А. С. Указ. соч. С. 271–275. О борьбе нобилитета и всадников см.: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986.

³ Scullard H. H. Roman politics, 220–150 B. C. Oxf., 1952. P. 207–214.

⁴ Ibid. P. 212.

⁵ Errington R. M. Op. cit. P. 221.

Итак, какие решения приняли десять легатов вместе с Л. Эмилием Павлом?

Во-первых, македонянам объявлялось о свободе, «праве владеть своими городами и землями, жить по своим законам, должностных лиц избирать ежегодно» и платить Риму подать, вдвое меньшую по размерам, чем царский налог (Liv. XLV.29.4). «Свобода» в данном случае означала освобождение от царской власти и отсутствие непосредственного римского управления.

Во-вторых, объявлялось о разделении Македонии на четыре республики, каждая со своей столицей, собранием, казной и выборами (XLV.29.5–9). Затем были ограничены экономические и социальные отношения между только образовавшимися республиками: запрещалось вступать в брак, а так же продавать и покупать землю и здания между представителями других республик (XLV.29.10).

Многие исследователи, исходя из этого, делают далеко идущие выводы. Они считают, что республикам было полностью запрещено иметь какие-либо экономические и социальные отношения⁶. Возможно, они основываются на косвенных данных у Ливия (XLV.30.2): *regionatim commercio interruptis ita uideri lacerata <Macedonia>*⁷. Но представляется, что в данном случае слово *commercium* следует переводить не как «торговые отношения», а в более узком значении: «право приобретать собственность»⁸. То же суждение справедливо и в отношении брака: запрет вступать в брак с представителем другой республики не означает полностью отмены социальных отношений.

Представляется, что дело здесь заключается в следующем. Разделение Македонии на четыре части означало не просто дробление одного государства, а образование вместо одного сразу четырех новых политических единиц. Республики Один, Два, Три и Четыре были такими же государствами, как, например, Пергам, Родос и

⁶ Errington R. M. Op. cit. P. 223; Scullard H. H. Op. cit. P. 213.

⁷ «...разрыв торговых связей между областями...» (здесь и далее перев. О. В. Левинской).

⁸ См.: Oxford Latin Dictionary by P. G. W. Glare. Oxf., 1968. s. v. *commercium*.

держава Селевкидов. В этом свете запрет на куплю-продажу земли и зданий между представителями разных государств не кажется таким уж жестоким ограничением. Браки же между представителями различных государств до сих пор не очень распространенное явление.

Помимо вышеуказанного, македонянам запрещалась добыча золота и серебра, разрешалась – железа и меди, а налог с дохода составлял половину бывшего царского налога (Liv. XLV.29.11). Запрещался и ввоз соли (XLV.29.11). Не совсем ясно, для чего вводилась эта санкция⁹, поскольку Третья республика точно, а остальные вероятно тоже имели места добычи соли.

Интересен и последующий фрагмент у Ливия (XLV.29.12–13), где говорится, что Эмилий Павел не отдал дарданам Пеонию, которую они требовали. Взамен он «предоставил им право покупать соль и распорядился, чтобы третья область свозила соль в пеонийские Стобы, и сам установил для нее цены». Однако некоторые исследователи полагают, что лишь дарданам предоставлялось исключительное право ввозить соль¹⁰. На самом деле Ливий свидетельствует (XLV.29.13): *post non impetratam Paeoniam salis commercium dedit; tertiae regioni imperavit, ut Stobos Paeoniae deueherent, pretiumque statuit*¹¹. Но здесь слово *commercium* следует переводить, как «право торговать». Из последующего же контекста ясно видно, что дарданы закупают соль в Стобах, то есть экспортировали соль, но никак не ввозили. Что касается города Стобы, то точное место расположения его установить сложно. Он находится в Пеонии на стыке трех областей (Второй, Третьей и Четвертой). Следуя установке римлян сократить до минимума контакты между республиками были минимальными, следует предположить, что город Стобы при-

⁹ Большинство исследователей просто констатируют этот факт.

¹⁰ Derow P. S. Rome, the Fall of Macedon and the Sack of Corinth // САН². P. 318; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. III. P. 567.

¹¹ «Не отдав дарданам Пеонии, он [sc. Эмилий Павел] предоставил им право покупать соль и распорядился, чтобы третья область свозила соль в пеонийские Стобы, и сам установил для нее цену».

надлежал Третьей республике. Кроме того запрещалась вырубка корабельного леса «и самим македонянам... и другим» (Liv. XLV.29.14).

Разделены были республики и в военном отношении. Трем республикам (Первой, Второй и Четвертой) разрешалось иметь небольшие гарнизоны, поскольку они граничили с варварами. Третья область вовсе не имела войска.

Теперь рассмотрим, какое устройство было установлено в новообразовавшихся областях Македонии. В современной историографии закрепилось мнение, что они являлись республиками, главным органом которых было собрание (τὸ συνέδριον или *concilium*) представителей *civitas*¹². Не следует все же отвергать точку зрения Ф. К. Папазоглу¹³, которая, ссылаясь на сведения Диодора (XXXI.8.7), полагала, что каждая из четырех республик управлялась магистратом, которому в свою очередь помогал совет из представителей *civitas*.

Следует рассмотреть также вопрос, по какому принципу Эмилий Павел с легатами сената разделили Македонию.

К Первой республике¹⁴ отходили северо-западные земли Македонии между реками Нестом и Стримонем, а также «селения, крепостцы и города» к востоку от Неста, кроме Эна, Маронеи и Абдер. Области Бисалтика и Синтика к западу от реки Стримон также отходили к первой республике (Liv. XLV.29.5–6). Населяли этот регион бисалты, синты, одоманты и эдоны¹⁵ (XLV.30.3). Столицей республики был город Амфиполь.

Второй республике принадлежали территории, с востока граничившие с первой областью. Западная граница проходила по реке Аксию. Столицей здесь были Фессалоники (XLV.29.7; 29.9).

¹² *Larsen J. A. O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 103–104; Derow P. S. Op. cit. P. 318.*

¹³ Подробнее см.: *Шофман А. С. Указ. соч. С. 291–292.*

¹⁴ Официально они назывались: *Regiones* у Ливия и Μέρη у Диодора (ср.: τὸ μέρος - «часть, доля, отделение»).

¹⁵ Здесь и далее состав населения указывается без учета греко-македонского населения.

Третья республика состояла из земель между Аксием с востока, Пенеем с юга и горой Бора на северо-западе. Столицей для этой области Эмилий Павел назначил Пеллу. Населяли эти земли пеонийцы, ветты¹⁶, галлы и иллирийцы (Liv. XLV.29.8–9; 30.5).

Четвертая республика находилась между Эпиром, Иллирией и Третьей республикой. Столицей была Пелагония (ср.: Strabo. VII.7.8–9). Население, по данным Ливия, состояло из пеонийцев эордеев, линкестов, пелагонов, атинтанов, тимфейцев и элимеев (XLV.29.9; 30.6).

Следовательно, разделение Македонии носило не географический характер. Из всех географических границ точной можно назвать лишь реку Аксию, разделявшую Вторую, Третью и Четвертую республики. Границы республик, скорее всего, образовывали по этническому принципу. Жители определенного племени принадлежали лишь одной республике. Исключение составляли пеонийцы. Пеония находится на севере Македонии; географически ее разделяет Аксию на две части. Земли к востоку от Аксиа, как указано выше, отходили Второй республике. Земли к западу делились между Третьей и Четвертой республикой, причем Третья не имела границ с варварской, не македонской, Пеонией, поскольку у нее не было гарнизона для защиты от варваров.

Почему подобным образом нарушили единство пеонийцев?

В целом, деление Македонии производилось с определенными целями, главной из которых было ослабление государства путем образования четырех республик, этнический состав которых был бы различным. Каждую республику населяли несколько небольших племен. Пеонийцы же были крупным этническим образованием и, что важнее всего, достаточно сильным и сплоченным. Следовательно, разделение Пеонии, собственно как и разделение Македонии, служило цели ослабления внутреннего единства. Ясно, что в результате такого деления все республики оказались в неравном экономическом положении.

¹⁶ Н. Хэммонд предполагает, что это были жители Ботиэи. См: *Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 565.*

Самой сильной в этом отношении становилась Первая республика: она была богата природными ресурсами – плодородной землей и залежами металла около Пангея¹⁷. Важными городскими центрами здесь были Амфиполь, Гераклея, Филиппы и др. Вторая республика тоже обладала плодородными землями (в Паллене) и крупными городами, такими как Фессалоники, Кассандрея (Liv. XLV.30.4), города Халкидики и др. Третьей республике, как отмечает Ливий (XLV.30.5), принадлежали знаменитые города: Пелла, Пидна, Беройя, Эдесса, Дий, Стобы. Южная область Пиерия располагала к занятию земледелием. Самой отсталой становилась Четвертая республика. Это была гористая область с более суровым климатом, нежели в остальных частях Македонии. По большей части здесь не занимались земледелием, предпочитая скотоводство. Считается, что в силу своей отсталости этот регион имел мало городов и они были небольшими, хотя у Страбона содержатся иные сведения о числе городов (VII.7.9). Он называет Пелагонию (Трехградье), Брианий, Алалкомены, Стибары, Кидры, Эгиний, Оксиния и др.

Крайне важным является вопрос о роли городов в Македонии, их положении при царской власти и после ее падения. Эти города делились на собственно македонские и на греческие колонии, хотя последние со временем теряли свою политическую роль, сохраняя лишь самоуправленческие функции. У части македонских городов, как напр. Фессалоника, было свое управление, а часть находилась под управлением царских чиновников¹⁸. Теперь же, после ликвидации царской власти центр политической власти переходит к собраниям (τὸ συνέδριον, или *concilium*) в столицах республик. Что касается остальных городов, то они, скорее всего, сохраняли самоуправление, заключавшееся в использовании прежних законов и выборах магистратов (Liv. XLV.29.4; Just. XXXIII.2.7; Plut. *Aem.*

¹⁷ Шофман А. С. Указ. соч. С. 280–281; Хаммонд Н. История древней Греции. М., 2003. С. 564.

¹⁸ Шофман А. С. Указ. соч. С. 370. См. также: Oliver J. H. Civic Constitutions for Macedonian Communities // CPh. 1963. Vol. 58. P. 164–165.

Paul. 28). Что это были за магистраты, как их выбирали и в чем заключались их функции, можно только догадываться.

В экономическом отношении города были важными центрами ремесла и торговли. Отмечая достаточно большое число городов, А. С. Шофман полагал, что внутренняя торговля не получила широкого развития по сравнению с внешней и транзитной¹⁹, причем торговали в основном рудой, лесом, смолой, скотом, вином и зерном.

Важным маршрутом транзитной торговли является дорога между Аполлонией, Диррахием и Фессалониками. Установлено, что она существовала уже во времена Полибия. Представляется, что путь этот, столь важный для транзитной торговли, существовал и до 148 г. до н. э. Помимо этого процветала торговля и вдоль самой этой дороги.

Кажется маловероятным, что с разделением Македонии прекратила свое существование и торговля, как считают многие исследователи. Они отмечают, что полностью запрещались экономические отношения между республиками. Прямого упоминания об этом в источниках нет, как и о том, что жителям одной республики нельзя было покидать ее пределы. Можно, конечно, сделать предположение, что торговля между представителями разных республик велась через посредников, в качестве которых, безусловно, могли выступать римляне. Так было, например, с торговлей солью между дарданами и Третьей республикой, у которых не было общих границ.

Неясна и ситуация с внешней торговлей. Отменялась торговля корабельным лесом как для самих македонян, так и для кого-либо еще (*Liv.* XLV.29.14). Что касается остальных предметов экспорта и импорта, то у Ливия о них нет никаких сведений. Следовательно, можно предположить, что экономические связи сохранялись. Отныне каждая республика торговала сама по себе с другими государ-

¹⁹ Шофман А. С. Указ. соч. С. 403–404.

ствами. С другой стороны, ничто не мешало, например, Первой республике торговать со Второй как с другим государством.

И все же в целом положение Македонии ухудшилось. Разделение ее сильно ударило по чувству единства македонян и других народов, населявших государство, которое складывалось столетиями вокруг личности монарха. В политическом отношении страна была ослаблена. Во-первых, вводились новые – республиканские – принципы управления, которые были непривычны македонянам (Polyb. XXXI.2.12). Во-вторых, вместе с Персеем и его семьей Эмилий Павел забрал в Рим всех тех, кто занимал какие-либо должности при царе (Liv. XLV.32.3-6), то есть, страна по сути дела лишалась каких бы то ни было управленцев. Более того, заложниками оказались и их дети, достигшие пятнадцатилетнего возраста, именно те, кого, скорее всего, готовили для будущих государственных постов²⁰. В Македонии оставались лишь чиновники городов, обладавших самоуправлением и несвязанных с царем. Македония ослабла и в экономическом отношении: закрывались золотые и серебряные рудники, запрещалась торговля землями и зданиями между представителями разных республик, Рим облагал население ежегодным налогом, правда, вдвое меньшим, чем при Персее. К тому же Македония в ходе и после войны подверглась разорению²¹. Так были разграблены Пидна, Синтика, Эгиний, Агассы и др. (Liv. XLIV.45; XLV.27). О том, какие богатства вывез из страны Эмилий, ярче всего свидетельствует его триумф (Plut. *Aem. Paul.* 38; Liv. XLV.40), в котором, по словам Ливия, пронесли 120 млн. сестерциев и прочих ценностей, а Плутарх упоминает еще большие богатства.

О последующем почти двадцатилетнем периоде четырех республик со дня их образования и до восстания Андриска сохранилось ма-

²⁰ Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 566.

²¹ Ibid. P. 559; Harris W. V. On War and Greed in the Second Century B. C. // АНР. 1971. Vol. 76. P. 7. У. Харрис полагает, что именно по этой причине налоги и были снижены вдвое. К тому же, надо было платить налог правительствам четырех республик и трем армиям. Ср.: Crawford M. H. Rome and the Greek World: Economic Relationship // ЕНР. 1977. Vol. 30. P. 42–52.

ло сведений в письменных источниках²². Одним из них является упоминание Полибия, относящееся к 163 г. до н. э. Историк пишет, что македоняне, не привыкшие к республиканской форме правления, находятся в состоянии *гражданской войны* (πολιτείας στασιάζειν – Polyb. XXXI.2.12). Далее идет речь о некоем Дамазиппе, который перебил членов совета в Факусе (крепость Пеллы), где проходили собрания Третьей республики (XXXII.17.2). Причины подобных событий нам неизвестны, как и следствия их. Можно лишь предположить, что они как-то связаны между собой.

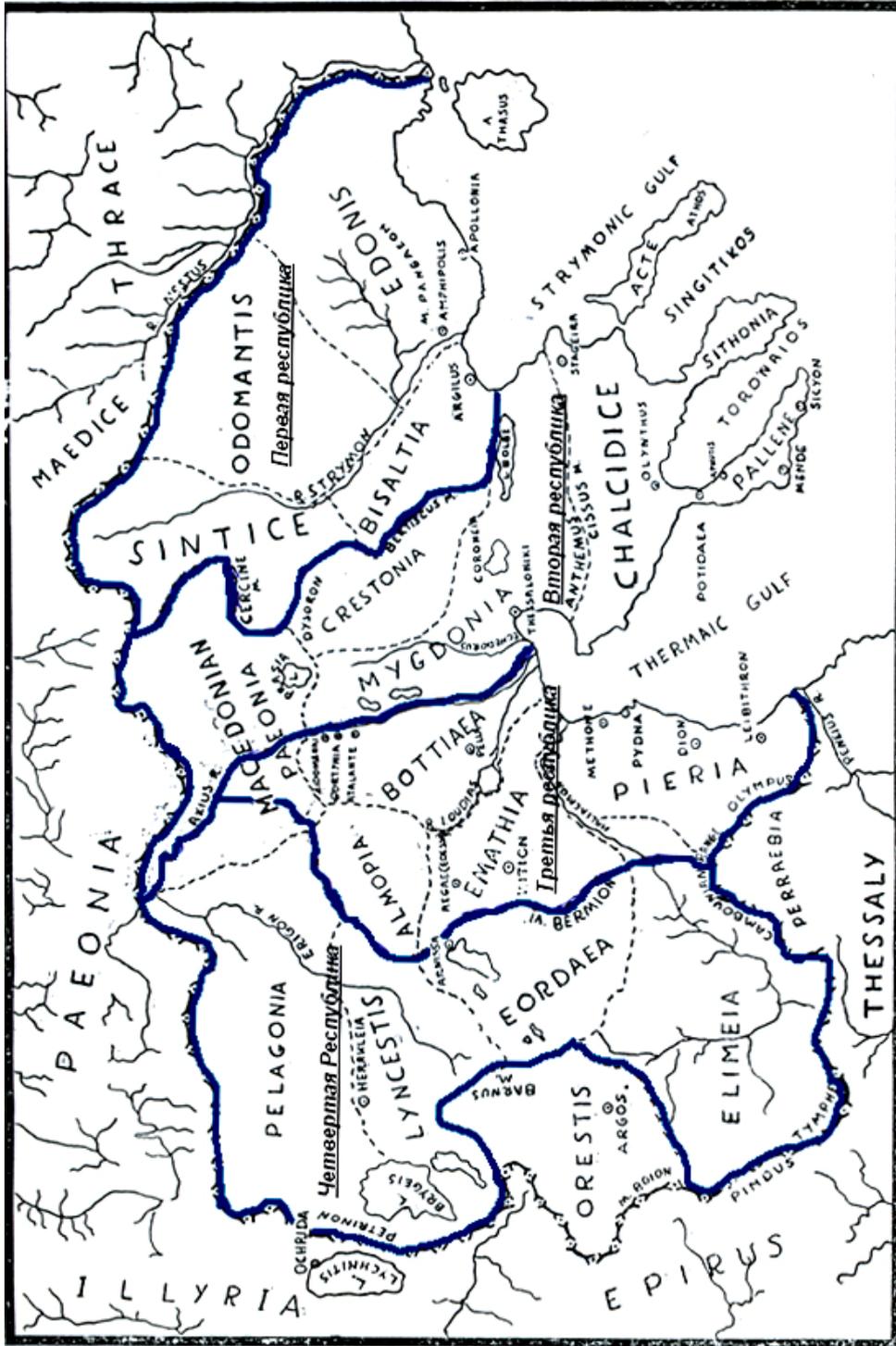
В 158 г. до н. э. было разрешено вновь разрабатывать золотые и серебряные рудники. Правда, воспользоваться этим смогли лишь Первая и Вторая республики, поскольку только у них таковые имелись²³. Неясно, в чем заключались причины этого шага римлян. Возможно, это было сделано для того, чтобы македоняне лучше платили подать Риму.

В 151 г. до н. э. македоняне приглашали Сципиона Эмилиана для разрешения какие-то распрей (XXXV.4.10–11). Но Сципион отправился в Иберию, а о судьбе Македонии в связи с этим эпизодом более ничего неизвестно. Ясно лишь, что в Македонии вновь было неспокойно.

По большому счету Рим добился своей цели: Македония ослабла настолько, что жители ее были неспособны поднять оружие против римлян. Но опасность для Рима в следующий раз пришла извне. После подавления восстания Лже-Филиппа в лице самозванца Андриска 150–148 гг. до н. э. четыре македонские республики были обращены в римскую провинцию.

²² Пролить свет на положение в Македонии могла бы информация об Иллирии в этот период, поскольку здесь проводились аналогичные мероприятия (Liv. XLV.18.1–7). Но об этой области у нас еще меньше сведений. Известно, что и в Иллирии внутренняя обстановка обстояла не лучшим образом. Иллирийцы не раз отправляли в Рим послов за помощью от вторжений далматов (Polyb. XXXII.18.23). Очевидно, что внутреннее положение трех иллирийских республик (Иллирия по аналогии с Македонией была разделена на несколько частей) было тяжелым, если они не могли обеспечить безопасности своих границ.

²³ Errington R. M. Op. cit. P. 230.

Карта Македонии II в. до н. э.

ТЕЙТЕЛЬБАУМ Е. Г. (КАЗАНЬ)

ВЗГЛЯДЫ ПОЛИБИЯ НА УЧАСТИЕ ПОЛКОВОДЦА В СРАЖЕНИИ

произведении древнегреческого историка Полибия «Всеобщая история» значительное место занимают описания войн и рассуждения о военном деле. Это не является случайностью, так как греческий историк был профессиональным военным и, бесспорно, хорошо разбирался в теории и практике военного дела¹. Существует даже точка зрения, что Полибий – наиболее компетентный из всех античных авторов по этому вопросу². Особенную роль на войне он отводил военачальнику. В размышлениях Полибия о роли полководца одно из главных мест занимает вопрос о его поведении в сражении.

Греческий историк много рассуждал о том, должен ли полководец лично сражаться или же исключительно командовать войсками. Мы попытаемся разобраться, был ли Полибий в этом вопросе приверженцем традиционного героического этоса или же он считал, что дело военачальника – осуществлять только командные функции.

В вопросе о том, как относился Полибий к участию военачальника в сражении, существуют две основные точки зрения. Первую представляет Ф. Уолбанк, а вторую – А. Экстайн. Согласно взглядам английского ученого, представленным в знаменитом «Историческом комментарии к Полибию», греческий историк был своеобразным «макиавеллистом» в военных и политических вопросах и считал, что настоящий военачальник должен, прежде всего, сосредоточиться на командовании войсками даже в ущерб личному

¹ Самохина Г. С. Полибий: Эпоха, судьба, труд. СПб., 1995. С. 22–23.

² Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военной истории. М., 2001. С. 63.

мужеству³. В этих своих построениях английский историк опирался, в первую очередь, на рассуждения, содержащиеся в книгах десятой (13.1; 33.1–7) и одиннадцатой (2.9–11) «Всеобщей истории». Действительно, значительная часть «макиавеллистских» пассажей содержится именно в этих частях труда Полибия. Эти мысли четко выражены греческим историком и как бы лежат на поверхности. Вместе с тем, на наш взгляд, Ф. Уолбанк не уделяет достаточного внимания тем мыслям Полибия о военном деле и конкретным примерам, которые содержатся в других книгах и во многом опровергают представления об авторе «Всеобщей истории» как о своеобразном «макиавеллисте».

Монография А. Экстайна посвящена моральным взглядам греческого историка. Весьма ценно для нас то обстоятельство, что исследователь подробно анализирует взгляды Полибия на военное командование и участие полководца в сражении. Данный анализ является, пожалуй, наиболее детальным во всей литературе, посвященной этому греческому историку⁴. Основная идея книги А. Экстайна состоит в том, что Полибий был приверженцем традиционного аристократического воинского этоса. Исходя из этого, американский антиковед считает, что взгляды Полибия на участие полководца в битве более сложны, чем думает Ф. Уолбанк, и, напротив, античный писатель всячески превозносил проявление военачальником личного воинского мужества в бою⁵. Действительно, заслуга А. Экстайна состоит в том, что он нашел и прокомментировал в тексте Полибия такие места (III.17.8; III.116.3–4; XI.17–18; II.1.7–8; XVI.5.1–7; X.48.8–13), где тот оправдывает и находит достойным проявление полководцем отваги в ходе непосредственного участия в сражении. Этот подход представляется более взвешен-

³ *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybios. Oxf., 1968. Vol. II. P. 199, 244, 480.*

⁴ Рассмотрение представлений Полибия о личной храбрости полководца во время битвы: *Eckstein A. Moral Visions in The Histories of Polybios. Berkeley; Los Angeles; L., 1995. P. 28–40; о полководческом искусстве в целом см.: p. 161–193.*

⁵ *Ibid. P. 30.*

ным, но, на наш взгляд, выводы американского исследователя также могут и должны быть уточнены.

Таким образом, обе точки зрения лишь отчасти позволяют прояснить взгляды Полибия на участие полководца в битве. Для более детального рассмотрения проблемы стоит вникнуть в предысторию вопроса.

По мнению У. Тарна, в изучении военного дела античности вопрос о роли военачальника является одним из основных⁶. В гомеровскую, архаическую и классические эпохи роль полководца сводилась к выбору места и времени сражения, а также отдаче распоряжений перед битвой. Когда начиналось сражение, военачальник вставал в первые ряды своего войска и сражался в бою, как простой воин. Никто не пытался нарушить это правило, так как его обвинили бы в трусости. Причиной формирования таких взглядов была необходимость следовать правилам воинского этиоса и преобладание в обществе агонального духа⁷.

Кроме того, в тех условиях, когда враждующие армии состояли в основном из двух линий фалангитов, сражающихся лицом к лицу, и в отсутствие резервов, в руководстве со стороны военачальника не было особой нужды. Нельзя сбрасывать со счетов и тот моральный эффект, который производило на воинов личное участие стратега в сражении⁸. Впрочем, это правило не могло не иметь негативных последствий: частыми были случаи гибели полководца. Изменения начали происходить лишь со времени походов Александра Великого. Конечно, он, отдавая дань прежней традиции, принимал личное участие в большинстве сражений. Вместе с тем были случаи, когда он дожидался решающего момента и только после этого бросался в бой во главе своих отборных войск (Исс и Гавгамелы). Тем не менее, он сохранял контроль и над остальными частями своей армии⁹.

⁶ *Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Development. N. Y., 1966. P. 30.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid. P. 31.*

⁹ *Ibid. P. 33.*

В эпоху эллинизма сформировалось правило, согласно которому военачальник командовал одним из флангов своего войска, не будучи прикрепленным к определенному месту, и появляясь там, где этого требовала ситуация. Вместе с тем многие военачальники воевали, лично сражаясь среди своих воинов, о чем есть прямое указание Полибия, причем историк не одобряет такую практику (X.24.2–3). Но даже тогда было далеко до той ситуации, когда полководец не участвует непосредственно в сражении, а находится в отдалении и оттуда следит за ходом битвы¹⁰.

При чтении «Всеобщей истории» складывается двойственное впечатление. С одной стороны, сложно пройти мимо тех моментов в тексте, где Полибий осуждает проявляемое полководцами неумеренное личное мужество. Пассажи, в которых Полибий четко и недвусмысленно говорит об этом, нередко включаются им в контекст более обширных рассуждений (X.24.2–5, 32.9–11, 33.6; XI.2.11). Так, например, римский полководец М. Клавдий Марцелл отличался, по мнению Полибия, большими талантами, но погиб по причине собственной неосторожности. Выехав на рекогносцировку местности перед сражением в сопровождении только небольшой охраны, он попал в засаду нумидийской конницы (а нумидийцы, как известно, были мастерами военных акций подобного рода) и погиб. Греческий историк назвал такое поведение достойным простака, а не полководца (ἀκακώτερον ἢ σφρατῆρικώτερον – X.32.7).

По мнению Полибия, военачальник не должен принимать участия в мелких стычках. Даже в том случае, когда обстоятельства вынуждают его принять личное участие в случайном столкновении и прежде, чем опасность непосредственно коснется самого полководца, должны пасть все его соратники (X.32.9). Греческий историк специально хвалил ахейского стратега Филопемена за то, что он на поле боя не увлекался проявлением личного мужества, а был сосредоточен, прежде всего, на командовании войсками (X.24.2–5). Впрочем, Плутарх в жизнеописании Филопемена, признавая его

¹⁰ Tarn W. W. Op. cit. P. 37.

выдающимся военачальником, отмечал в ахейском стратеге как раз противоположные черты: по его мнению, Филопемен в сражениях не руководствовался требованиями рассудка и безопасности (οὐχ πάντα λογισμῶ καὶ πρὸς ἀσφάλειαν στρατηγήσας – *Philop. et Flam. софр.* 1), в чем можно увидеть непосредственную причину его гибели¹¹.

Не осуждает Полибий и тот факт, что македонский царь Филипп V не участвовал лично в морском сражении при Хиосе в 201 г. до н. э., ожидая его результата в сопровождении нескольких лодок, расположенных у соседних островов (αὐτὸς ὑπὸ τὰς νησίδας ἀναχωρήσας μετὰ τινῶν λέμβων – XVI.2.8). Действительно, Филипп вряд ли был хорошим адмиралом, так что его личное участие в морском сражении не сильно отразилось бы на его исходе. Кроме того, известно, что македонский наварх был убит в этом сражении, а флагманский корабль македонян потоплен, так что Филипп, находясь он на нем, мог погибнуть сам. А в реальности же тот факт, что царь остался жив, помог македонскому флоту, несмотря на огромные потери, сохранить централизованное командование после битвы и, во всяком случае, организованно уйти с места сражения, исход которого остается под вопросом¹².

По мнению греческого историка, полководец должен охранять себя от напрасной опасности в бою. Полибий считал, что лучше потерять целое войско, нежели хорошего полководца. В случае же гибели военачальника войско уподобляется кораблю без рулевого, и в данной ситуации даже выигранное сражение бессмысленно (X.33.3–5). Именно поэтому греческий историк хвалит Ганнибала, который участвовал в огромном количестве сражений, но остался цел и невредим. Полибий особо отмечал в Ганнибале проицательность (ἀρχίνοια) и заботливость (πρόνοια).

¹¹ Тейтельбаум Е. Г. Образ Филопемена у Полибия // Итоговая научно-образовательная конференция студентов КГУ за 2005 год. Казань, 2005. С. 34.

¹² Коннолли П. Указ. соч. С. 268.

Подобных похвал Полибий удостаивал и Сципиона Африканского Старшего. Например, известно, что при штурме Нового Карфагена он был защищен тремя рядами щитоносцев (X.13.1–2).

Итак, казалось бы, все ясно: Полибий – решительный противник личного участия полководца в сражении. Тем не менее, во «Всеобщей истории» есть немало мест, входящих, на первый взгляд, в некоторое противоречие с этой стройной концепцией. Так, Полибий находит уместным личное участие полководцев в сражении 9 раз (II.1.7–8; III.116.1–5, 17.8; X.49.9, 14; XI.2.1, 18.1–5; XVI.5.1–6, 6.1–6; frg. 159). Кроме того, отдельные отголоски подобных мыслей Полибия сохранились в произведениях Плутарха (*Aem.* 19) и Тита Ливия (XXXI.24.14), которые использовали недошедшие до нас фрагменты «Всеобщей истории» (причем Плутарх в этом месте прямо ссылается на Полибия – *Aem.* 19). Но стоит отметить, что эти взгляды не столь ярко выражены и не имеют характера обобщающих рассуждений, поэтому они менее заметны для исследователя. Необходимо остановиться на некоторых из перечисленных выше случаях.

Так, греческий историк хвалит личное мужество Антиоха III, проявленное этим царем во время его похода в Бактрию и сражения с ее царем Эвтидемом – и это при том, что Антиох отнюдь не был любимым героем Полибия¹³. Селевкидской армии во время этого похода нужно было переправиться через реку, на противоположном берегу которой стояли войска Эвтидема. Антиох понимал, что его войску нужно было выдержать первый натиск бактрийцев. Поэтому первыми переправлялись две тысячи отборных воинов, находившихся при особе царя (X.49.7). Для поддержания их духа Антиох лично возглавил передовой отряд и, как пишет Полибий, сражался в этой битве доблестнее всех своих воинов и даже был ранен (X.49.9–10). Личное участие царя в битве возымело эффект, и в результате бактрийцы были разбиты. Вместе с тем, здесь имел место и тонкий расчет опытного полководца: Антиох переправился

¹³ Welwei K.-W. Königes und Königtum in Urteil des Polybios. Herbede, 1963. S. 63.

через реку на рассвете, когда значительная часть вражеских воинов еще не вернулась из соседнего города, где они ночевали¹⁴.

Один из любимых героев Полибия, Филопеман, лично бросился преследовать спартанского тирана Маханида после того, как лакедемонская армия была разгромлена (XI.18.1–5). Показательно, что несколько раньше историк специально подчеркивал тот факт, что ахейский стратег на поле боя редко проявлял личное мужество (X.24.2). Впрочем, Полибий тут же добавляет, что в той погоне Филопемана сопровождали два его телохранителя-щитоносца (XI.18.2). Нельзя сбрасывать со счетов и исключительность этого случая: предоставлялся шанс убить или пленить главу не только вражеского войска, но и вражеского государства. Кроме того, эта погоня происходила уже после того, как сражение было выиграно ахейцами¹⁵. Впрочем, это не единственный случай, когда Филопеман, будучи одним из руководителей Ахейского союза, вступал в поединок с вражеским военачальником. В плутарховой биографии Филопемана рассказывается о его поединке в сражении с Дамофантом, начальником элейской конницы, из которого ахеец вышел победителем. При этом Плутарх писал, что этолиец сам вызвал Филопемана на поединок¹⁶ (*Philop.* 7). А Плутарх, скорее всего, при рассказе об этом эпизоде, пользовался несохранившимися до нашего времени фрагментами «Всеобщей истории»¹⁷. В указанном месте херонейский историк говорит, что Филопеман мог в равной

¹⁴ Попов А. А. Поход Антиоха III в Греко-Бактрию // *Para Bellum*. СПб., 2002. № 15. С. 34.

¹⁵ А. Экстайн считает (op. cit. P. 32), что в случае гибели Филопемана в этом поединке боеспособность ахейской армии, лишь недавно реорганизованной им, резко упала бы. С другой стороны, в этом поединке ставка была слишком высокой, о чем забывать тоже не следует.

¹⁶ По мнению А. Экстайна (op. cit. P. 31), это лишний раз говорит о том, что Полибий всегда одобрял личное участие военачальника в сражении. Что могло случиться, пишет американский исследователь, в том случае, если бы Филопеман погиб в поединке? Но вопрос можно поставить по-другому: каков был бы исход этого упорного сражения, не прими Филопеман вызова вражеского военачальника? Таким образом, риск в данном случае был вполне оправдан.

¹⁷ Ibid. P. 30.

мере и сражаться, и командовать войском. Скорее всего, эта мысль также взята у Полибия.

В вышеупомянутом сражении при Хиосе Филипп V тоже включился в бой в нужный момент. Увидев флагман пергамского флота, на котором находился царь Пергама, Филипп удачно атаковал его. В результате флагманское судно пергамцев было захвачено, а царь еле успел сбежать. Впрочем, в этой стычке на стороне македонян было большое численное превосходство (XVI.6.1–6). Таким образом, это еще один образец оправданного риска: представился шанс пленить неприятельского военачальника и царя враждебного государства. При описании этой битвы историк хвалит и героизм родосского наварха Феофилиски (XVI.5.1–6). Впрочем, в морских сражениях того времени огромную роль играли abordажные схватки¹⁸, и поэтому даже адмиралам сложно было уклониться от личного участия в бою.

Оправдывает Полибий и личное мужество Гасдрубала, брата Ганнибала, проявленное им в битве при Метавре в Италии 207 г. до н. э. (XI.2.1)¹⁹. Он должен был привести в Италию подкрепление для армии своего знаменитого брата, но римляне вынудили его принять сражение до соединения с войском Ганнибала. Некоторое время исход сражения не был решен, и Гасдрубал не сражался лично, а руководил войсками. Когда же стало ясно, что битва проиграна, Гасдрубал бросился на римлян и геройски погиб в бою. Полибий находит такое поведение достойным подражания. Так, по его мнению, пока исход битвы еще не решен, полководец должен, прежде всего, руководить войском. Но если уже ясно, что битва проиграна и пути к отходу отрезаны, то личное участие военачальника в битве и его геройская гибель являются поступком не только достойным, но и славным (XI.2.9–11). Действительно, в этом случае альтернативой гибели для Гасдрубала являлось только пленение – спастись было невозможно.

¹⁸ Коннолли П. Указ. соч. С. 267–268.

¹⁹ Этот эпизод также анализируется А. Экстайном (р. 43–44), однако он отнесен им в рубрику о «героическом самоубийстве» (р. 40–54).

Похожей была смерть отца Гасдрубала, Гамилькара Барки. Во время одного из походов в Испании он и его войско были поставлены в безвыходное положение численно превосходящим неприятелем и не имели возможности спастись. В этой ситуации Гамилькар обнаружил изумительную отвагу и расстался с жизнью как доблестный воин (II.1.8–9)²⁰.

У Т. Ливия содержится описание одного боя около Афин во время третьей Македонской войны (во фрагменте, скорее всего, заимствованном из несохранившейся части труда Полибия²¹), в котором Филипп V Македонский лично возглавил свое войско. Как пишет римский историк, личное участие Филиппа в сражении вселяло ужас в сердца неприятелей и бодрость в сердца македонских воинов (XXXI.24.14).

В некоторых случаях в опасных местах сражения появлялся и Ганнибал, как, например, при осаде Сагунта (III.17.8–9) и в сражении при Каннах (III.116.4–5). Полибий объясняет это желанием пунийского вождя поднять дух своих войск, а также большими надеждами, которые он возлагал на эти военные операции, нужно отметить, блестяще оправдавшимися.

В плутарховой биографии Эмилия Павла говорится, что Полибий всячески осуждал македонского царя Персея за то, что он оробел во время битвы при Пидне и ускакал в соседний город. Сам же Эмилий доблестно сражался (*Ает.* 19).

Наконец, имеется указание на то, что и сам Полибий вместе со Сципионом Эмилианом принимал непосредственное участие в боевых действиях, открыв ворота Карфагена, правда, в составе подразделения из тридцати воинов и будучи надежно прикрытым. Можно допустить, что этот подвиг был совершен в той ситуации,

²⁰ Любопытно, что Корнелий Непот, высоко оценивающий Гамилькара, не останавливается специально на обстоятельствах его гибели (*Нат.* 4). В современной историографии имеется точка зрения, будто бы излагаемая Полибием версия смерти карфагенянина является приукрашенной (*Walbank F. W. Op. cit. Vol. I. P. 152*).

²¹ *Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambr., 1967. P. 282; Eckstein A. Op. cit. P. 36.*

когда исход штурма казался неопределенным (Amm. Marc. XXIV.16–17). Более подробное описание данного случая наверняка содержалось в XI книге труда Полибия, дошедшей до нас лишь фрагментарно.

Этот эпизод можно поставить в непосредственную смысловую связь с тем местом «Всеобщей истории», где автор прямо говорит, что полководцу ненужно рисковать своей жизнью в мелких стычках, не влияющих на исход войны (X.32.9). Очевидно, в решающих сражениях такой риск допустим, примером чего служит принципиально важный пассаж историка в адрес Сципиона Старшего: зарекомендовав себя храбрым юношей в битве при Тицине, он «впоследствии каждый раз, когда на нем покоились последние надежды отечества (εἰς αὐτὸν ἀναρτηθεῖεν ὑπὸ τῆς πατρίδος αἱ τῶν ὄλων ἐλπίδες), никогда не уклонялся от опасных предприятий, что свойственно вождю рассудительному, а не тому, кто вверяет себя случайности» (X.3.7. Перев. Ф. Г. Мищенко). Как следует вести себя в подобных «опасных предприятиях», греческий историк иллюстрирует на примере все того же Сципиона при штурме Нового Карфагена: военачальник находится на поле сражения, повышая тем самым дух войск и имея возможность видеть изменения ситуации, но не подвергается непосредственной опасности (X.3.5), взгляд Полибия на роль полководца в сражении является довольно сложным и неоднозначным. По его мнению, личное участие или неучастие военачальника в сражении строго зависит от конкретной ситуации. Безоговорочно греческий историк осуждал только личное участие полководца в стычках и плохо обеспеченных охраной рекогносцировках.

Порицал он и того полководца, который необдуманно бросается в бой по каждому поводу. По мнению греческого историка, военачальник должен, прежде всего, руководить войсками. Обязан он и

заботиться о личной безопасности во время сражения, для чего лучше всего подходят телохранители-щитonosцы.

Вместе с тем бывают и такие случаи, когда личное участие полководца в сражении является вполне полезным и даже необходимым. Так, например, если нужно выдержать первый натиск неприятеля, военачальник вполне может возглавить передовой отряд своей армии для поддержания ее духа. В отдельных случаях Полибий восхищался и геройской гибелью военачальника в бою – но только если военачальник погиб в решающем сражении: так, в 159 фрагменте своего сочинения он отмечает геройскую гибель в сражении Клеомброта, Брасида, Эпаминонда и Пелопида; подобное обобщение, кстати сказать, является единичным для его труда. Некоторые современные исследователи вообще придерживаются той точки зрения, что личное участие военачальника в сражении представляет собой последнее, крайнее средство, когда ничто другое не способно переломить исход сражения: с одной стороны, поднимается боевой дух войск, а с другой стороны, сражающийся военачальник теперь гораздо хуже может руководить войсками и менее адекватно оценивает ситуацию. Кроме того, в этом случае гибель военачальника означает проигрыш сражения и полный разгром его армии: нет шансов даже на организованный отход²². Кроме того, в тех сражениях, которые происходили до начала промышленной революции, особенно велик был моральный и личностный фактор, и потому личный пример военачальника мог много значить для солдат. Еще следует отметить, что сражения того времени проходили на ограниченной территории, так что в случае резкой смены ситуации полководцу в любом случае приходилось подключаться к рукопашной схватке.

²² Белкин Ю. Н. Пирр, царь Эпира // Сержант. № 5–6. <http://sergeant.genstab.ru.epir>

Оправданным считает Полибий проявление военачальником личного мужества и в том случае, когда представляется шанс убить или пленить вражеского полководца. Наконец, правомерно – не с практической точки зрения, но в моральном плане – участие военачальника в сражении в такой ситуации, когда битва проиграна, все потеряно и нет шансов спасти войско от уничтожения.

Проведенный анализ позволяет высказать предположение, что Полибий, действительно находясь во многом в рамках традиционной для аристократии воинской морали, нередко рационализирует изложение событий, в которых от полководца требуется сочетание личного мужества с надлежащим исполнением командных функций. Неудивительно, что при обращении к столь сложному предмету, не являющемуся к тому же основным в его сочинении, греческому историку не удалось избежать некоторых противоречий.

С. В. СМЕРНОВ (САРАТОВ)

**ОРЕОЛ МОГУЩЕСТВЕННОГО ПРАВИТЕЛЯ
(К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ЦАРЯ АНТИОХА IV ЭПИФАНА)**

отерявшее бывшее могущество и половину своих территорий государство Селевкидов вступило в период царствования Антиоха IV Эпифана (175–164 гг. до н. э.). Во власти царя находилась держава, которой срочно нужны были реформы, способные удержать ее от распада. Осуществление преобразований стало главной задачей Антиоха, и он принялся за это с особым фанатизмом, снискав у своих приближенных прозвище «Эпиман» («сумасшедший»). Для успешного проведения таких мероприятий необходима была крепкая царская власть; существовавший режим сильно подорвал свой авторитет, во-первых, после поражения Антиоха III в войне с Римом и, во-вторых, после правления предшественника Антиоха IV – Селевка IV, убитого одним из его приближенных. Для самого же Антиоха IV было крайне важным укрепить свой авторитет как в державе, так и на международной арене потому, что царь пришел к власти, свергнув малолетнего сына Селевка IV и его регента. Так что у Антиоха с самого начала его правления могли появиться сильные враги – потомки Селевка IV Филопатора. Поэтому необходимо было создать видимость надежности власти, которая была бы способна привести к укреплению государства¹.

¹ Ряд исследователей XIX – сер. XX вв., основываясь, главным образом, на данные Маккавейских книг и другой иудейской литературы, делали предположения о неких религиозных реформах, проводимых Антиохом Эпифаном, говоря о попытке унификации царем всех культов в державе. Маккавейские книги, ввиду своего специфического характера, весьма субъективны, и поэтому данные этого источника можно интерпретировать неоднозначно. То же характерно и для всей религиозной литературы в целом. Антиэллинские настроения,

В целом, всю внутреннюю политику Антиоха можно разделить на два этапа. Политический курс первого этапа (175 – весна 169 гг. до н. э.) практически полностью совпадает с курсом его предшественника Селевка IV. Хотя можно предположить, что в это время Антиох занимался созданием армии для ведения активных военных действий впоследствии. На другом же этапе (весна 169 – зима 164 гг. до н. э.) царь активно проводит реформы внутри государства. В связи с этим возникает вопрос: что послужило причиной для преобразований?

Коренным переломом во внутренней политике Антиоха IV можно считать его внешнеполитическую акцию – походы в Египет. Совершив два успешных похода, в 169 и 168 гг. до н. э., он не просто пополнил казну, но и укрепил свой авторитет. Богатства, вывезенные Антиохом из Египта, были огромны. Эти средства царь использовал для осуществления реформ. Кроме того, на эти деньги Антиох в 166 г. до н. э. смог организовать масштабные празднества в Дафне, хотя Полибий сообщает, что при проведении торжеств царь использовал и деньги своих приближенных (XXXI.4). Теперь Антиох IV заявил о себе как о сильной личности, способной к ведению активной внешней политики. Но царь не удовлетворился лишь военными победами и богатой добычей. В добавление к своему и без того возросшему престижу Антиох решил стать царем Египта. Мы знаем из рассказа Порфирия, что Антиох Эпифан, поднявшись по Нилу до Мемфиса, короновался там по египетскому

которые превалируют в этих текстах, не раскрывают общей картины событий, а лишь заключают все происходящее в рамки одного географического региона – Иудеи. Подтверждения же этих теорий нельзя найти в других областях державы. По всей видимости, Антиох не хотел проводить религиозную унификацию, а лишь пытался поднять свой авторитет как царя. См.: История израильского народа. М., 1902. С. 163; *Гехт Э.* Очерк по истории еврейского народа. СПб., 1866. С. 7; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 304; *Renan E.* Histoire du peuple d'Israël. P., 1893. Т. 4. P. 347; *Rothschild A.* The History and Literature of the Israelites. L., 1871. P. 194.

обычаю и стал царем², то есть фараоном, что в свою очередь означало прижизненное обожествление. Значит, с этого времени царь имел полное право употреблять по отношению к себе божественную титулатуру. Одновременно Антиох начинает выпуск монет, где он предстает как царь Египта³.

Следовательно, именно эти походы открыли перед Антиохом широкие возможности для проведения преобразований. И именно с этого момента царь начинает целенаправленно проводить курс по созданию ореола могущества вокруг своей персоны. Это стало особенно необходимым после прибытия Г. Попилия в Египет и позорного изгнания оттуда Антиоха (знаменитый «день Элевсина»).

Что же конкретно предпринял Антиох Эпифан для поднятия авторитета царской власти? Во-первых, реорганизовал династический пантеон богов, посредством введения новых и реставрации старых культов. Так, Антиох меняет главное божество этого пантеона: вместо привычного Аполлона появляется Зевс. Лучшее объяснение этому явлению дают нумизматические сведения. К 169 г. до н. э. относится первая муниципальная эмиссия медной монеты Антиоха IV. Отныне на реверсе изображался не Аполлон, а именно Зевс⁴. Появление на монетах верховного олимпийского божества можно расценивать двояко. С одной стороны, он мог появиться здесь вследствие удачного похода в Египет, тогда бог именуется Зевс–Амон. С другой стороны, Антиох вполне мог обратиться к старому культу Зевса–Никефора, которого почитали его предки, первые цари из династии Селевкидов: Селевк I Никатор и Антиох I Сотер. Обновленный культ Зевса отныне становится культом царской ветви Антиоха Эпифана. Конкурирующая же

² *Antiochus... ascendit Memphim, et ibi ex more Aegypti regnum accipiens* («Антиох... поднялся в Мемфис и там, принимая царскую власть по египетскому обычаю» – Porphyg. 260 fr. 49. FgrHist).

³ *Swain J. W. Antiochus Epiphanes and Egypt // CPh. 1944. Vol. 39. P. 82–83.* Помимо этого Дж. Свэйн доказал сам факт коронации Антиоха IV Эпифана в Египте.

⁴ *Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 214–215.*

ветвь Селевка Филопатора впоследствии вновь примет в качестве официального царского божества Аполлона.

О смене главного божества царского пантеона свидетельствуют следующие строки из книги Даниила: «...И о богах отцов своих он не помыслит...» (*Dan.* 11.37). Но о каких богах идет речь? Скорее всего, об Аполлоне, которого возвеличивали ближайшие предки Антиоха Эпифана: старший брат Селевк IV Филопатор и отец Антиох III Великий. В таком случае становится понятно, какого нового бога, по словам все той же книги пророка Даниила, принес Антиох, – это Зевс. Но сам царь никак не отождествлял себя с Зевсом⁵, а значит, не выступал тем лицом, вокруг которого могла бы происходить унификация культов. О. Меркхольм приводит тому ряд доказательств. Эпитет ΝΙΚΗΦΟΡΟΣ, использовавшийся на монетах Антиоха после походов в Египет, никак не указывает на отождествление царя с Зевсом, поскольку существуют монеты с подобным эпитетом царя в легенде, но с изображением Аполлона на реверсе (рис. 4), так что ΝΙΚΗΦΟΡΟΣ можно трактовать исключительно как эпитет царя, связанный с покорением Египта⁶.

Свидетельства поклонения Зевсу можно найти и в Иудее. По приказу Антиоха, два самых больших храма области – в Иерусалиме и в Гаризине были переименованы в храмы Зевса Олимпийского и Зевса Странноприимного соответственно (*II Mach.* 6.1–2). Причины того, почему Антиох обратил свой взор именно на Зевса, до конца непонятны. По мнению О. Меркхольма, Антиоха привлек сам образ Зевса и в этом нужно видеть лишь личные амбиции царя⁷.

Но начало активного внедрения культа Зевса не означает, что царем были забыты остальные династические культы. Старый культ Аполлона, хоть и отошел на второй план, но все же был почитаем Антиохом и его окружением. Так, в 166 г. до н. э. царь уст-

⁵ *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966. P. 130.

⁶ *Ibid.* P. 131.

⁷ *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1963. P. 72.

роил грандиозные празднества в Дафне, пригороде Антиохии. Центральным божеством здесь являлся, конечно, Аполлон. Также Антиох использовал и старый символ Селевкидов – якорь. Все египетские монеты, доставшиеся царю во время его походов в Египет, были отмечены именно этим знаком.

Во-вторых, царь ввел свой собственный культ. Правда, прямых свидетельств тому почти нет, но известен случай поклонения Антиоху в Иерусалиме (*II Mach.* 6.7). Кроме того, очевидно, что на всех монетах Антиоха Эпифана чеканился один и тот же портрет царя⁸. Сам по себе факт унификации изображения правителя, возможно, говорит о попытках централизованного введения культа «сверху».

Определенную информацию по этому вопросу дают монетные легенды. До 169 г. до н. э. легенда была довольно простой: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ – «царя Антиоха» (рис. 1), но затем она расширилась – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ – «царя Антиоха бога Эпифана», а позднее стала еще больше – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ – «царя Антиоха бога Никефора Эпифана» (рис. 3). О. Меркхольм обозначил это расширение легенды как своеобразную монетную революцию в государстве Селевкидов, так как Антиох IV Эпифан стал первым царем, который вынес на монету свою «божественную» титулатуру⁹.

Сведения о поклонении Антиоху Эпифану можно почерпнуть из иудейской апокалиптической литературы II–I вв. до н. э. К этим произведениям, в первую очередь, необходимо отнести такие псевдоэпиграфы, как «Книгу пророка Даниила», отдельные части из «Книги Еноха», «Псалмы Соломона». Сквозь символику и религиозность в них можно рассмотреть вполне реальные события. А в книгах Сивилл непосредственно говорится о поклонении эллинизированных иудеев живому человеку, скорее всего, царю (*Syb.* III.721–723):

⁸ Букерман Э. Указ. соч. С. 214–217.

⁹ Mørkholm O. *Studies in the Coinage...* P. 17.

ἡμερεῖς δ' ἀθανάτοιο τρίβου πεπλανημένοι ἦμεν,
 ἔργα δὲ χειροποίητα σεβάσμεθα ἄφρονι θυμῷ
 εἶδωλα ξόανά τε καταφθιμένων ἀνθρώπων¹⁰.

Конечно, источники свидетельствуют о культе царя только в Иудее. Но это вовсе не означает, что сам культ не был введен в других областях его державы. Основываясь на материалах вавилонских астрономических дневников, Д. Гера и В. Хоровитц утверждают, что в 169 г. до н. э. в Вавилоне были проведены торжественные игры по греческому образцу, посвященные победам Антиоха Эпифана в Египте¹¹. В торжествах участвовали как эллины, так и коренные жители Вавилона. Исследователи вполне обоснованно утверждают, что на праздниках происходило поклонение самому царю Антиоху.

Сложно сказать, как проводилась демонстрация царского могущества. Можно заметить лишь, что помимо давно известного способа – чеканки монет – был предпринят ряд мер. Конечно, в первую очередь нужно говорить о всякого рода торжествах, проводимых Антиохом, на которых он всячески демонстрировал свои богатства. Примером может служить уже упоминавшиеся празднества в Дафне. Полибий очень подробно перечисляет количество сокровищ, представленных здесь Антиохом. Другим примером может служить активное строительство храмов и святилищ. Такая демонстрация щедрости была весьма присуща царю. Как отмечал Тит Ливий, передавая слова Полибия: «...Однако, в двух важных и достойнейших делах дух его [Антиоха Эпифана] был по-

¹⁰ «Мы заблудились, свернув с дороги, указанной Богом.
 Стали творения рук человеческих чтить неразумно,
 Статуям смертных людей деревянным кланяться стали»
 (перев. М. и В. Витковских).

¹¹ «...В тот месяц я [астроном] услышал следующее: царь Антиох победоносно прошел через города Египта и... горожане, шествия и ритуалы, сходные по обычаю с греческими...» (*Gera D., Horowitz W. Antiochus IV in Life and Death: Evidence from the Babylonian Astronomical Diaries // JAOS. 1997. Vol. 117. P. 243–244*). Также по этому вопросу см.: *Geller M. J. New Information on Antiochus IV from Babylonian Astronomical Diaries // BSOAS. 1994. Vol. 54. P. 1–4*.

истине царственным – в дарах городам и в почитании богов...» (XLI.20.5). Сам же Полибий характеризует Антиоха как человека деятельного (πρακτικός), способного к широким замыслам (μεγαλεπίβολος), достойного носить имя царя (XXVIII.18.1).

Как видно, пропаганда царского всемогущества и могущества проходила мирно. Но другую картину можно наблюдать в Иудее, где Антиох Эпифан устраивает настоящую бойню. Царь насильно насаждает греческую религию в среде иудеев. По словам Иосифа Флавия, царь не ограничился ограблением Иерусалима и резней населения, но заставил иудеев отступить от своей религии (*De bello*. I.2).

Но для чего Антиох применяет столь жестокие методы? Всю вину за такие действия царя можно возложить на олигархические кланы самих евреев. Фактически, если бы они не начали войну между собой и тем самым не спровоцировали царя, то вряд ли Антиох обратил бы пристальное внимание на этот регион. Вся иудейская литература того периода фиксирует глубочайший кризис еврейского общества. Процессы эллинизации так сильно затронули Иудею, как ни одну другую область державы Селевкидов. И сами иудеи прекрасно это осознавали. Нет, пожалуй, ни одного иудейского апокалипсиса того времени, в котором бы не говорилось об отступниках среди евреев (*Dan*. 11.32; *Ps. Sal.* 4.1–3; *Test. Mois.* 7.1). Действия Антиоха породили в Иудее мощнейший национальный подъем, который вылился в войну за независимость. Сложно сказать, что бы было в том случае, если бы царь не вмешался во внутренние дела Иудеи. Но Антиох поступал как разумный правитель: народ, поднявший восстание, должен был понести наказание. Ситуация усугублялась тем, что мятежная Иудея находилась в тылу царского войска, стоявшего в тот момент в Египте. Однако иудеи могли действовать с подачи Рима¹². Тогда становится ясным, почему Антиох так быстро отреагировал на призыв изгнанных Товиадов о помощи (*Ios. De bello*. I.1).

¹² Scullard H. H. Roman Politics, 220–150 B. C. Oxf., 1951. P. 210.

Но есть объяснение и действиям царя в отношении религии иудеев. Посидоний и пересказывающий его Диодор Сицилийский в своих трудах выделяют утверждение о замкнутости евреев, их нежелании идти на контакт с другими народами (Poseid. Fr. 109.1–2. FgrHist.):

οἱ δὲ πλείους αὐτῷ τῶν φίλων συνεβούλευον κατὰ κράτος αἰρήσειν τὴν πόλιν καὶ τὸ γένος ἄρδην ἀνελεῖν τῶν Ἰουδαίων. μόνους γὰρ ἀπάντων ἔθνων ἀκοινωνήτους εἶναι τῆς πρὸς ἄλλο ἔθνος ἐπιμιξίας καὶ πολεμίουσ ὑπολαμβάνειν πάντας¹³.

Диодор, в свою очередь, несколько раз упоминает это суждение о законах иудеев: τὰ μισόξωνα νόμια и τὴν μισανθρωπίαν πάντων ἔθνων (Diod. XXXIV–XXXV.1.3). Именно это обстоятельство, видимо, и привело к тому, что Антиох приказал уничтожить в Иерусалиме все книги «мизантропического характера», то есть, фактически, всю религиозную литературу иудеев (τὰς ἱερὰς αὐτῶν βίβλους – Poseid. Fr. 109. FgrHist. 87 = Phot. *Bibl.* 244 p. 39 a 34.2). Свидетельство Посидония о ксенофобском характере еврейской культуры является, пожалуй, самым показательным из всех сохранившихся от эпохи эллинизма¹⁴.

К этому же утверждению можно отнести и слова Иосифа Флавия, передающего письмо самаритян царю Антиоху. Главное обстоятельство, по которому на самарян не должны были распространяться карательные меры, примененные к иудеям, – это их отличие от иудеев в происхождении и обычаях (ἡμῶν καὶ τῷ γένει καὶ

¹³ «Большая часть его [sc. Антиоха] друзей советовала царю взять город силой и уничтожить все племя иудеев, так как они единственные из всех народов, которые высокомерно относятся к любому другому народу и всех принимают за врагов».

¹⁴ Подробнее о «мизантропическом характере» евреев, изложенном Посидонием, см.: *Berthelot K. Poseidonios d'Apamée et les juif // JSJ. 2003. Vol. 34. P. 178–180.*

τοῖς ἔθεσιν ἀλλοτρίων ὑπαρχόντων – *Ant.* XII.261). О том же говорит и Тацит, указывая, что иудеи относятся враждебно ко всем людям (*Hist.* V.5). Значит, причина всех гонений на иудеев может заключаться в отличии их традиций и религии от греческих представлений. Получается, что, по сути дела, весь уклад жизни евреев был ксенофобским, а значит, этот народ не был способен поддержать курс будущих объединительных реформ селевкидского царя, направленных на укрепление централизации государства. С этой точки зрения может показаться, что действия Антиоха носили вполне оправданный характер. Конечно, много проще уничтожить или придать репрессиям непослушный народ, чем пытаться учитывать его религиозно-культурные особенности, проводя реформы по созданию централизованного государства.

Но позволяют ли действия Антиоха в Иудее говорить о введении новой религии? Бесспорно, нельзя не согласиться с точкой зрения С. Шервин-Уайт, что притеснение иудеев ограничивалось лишь рамками самой Иудеи и поэтому данное явление нужно понимать, прежде всего, как некий политический шаг, а не как внедрение новой религии¹⁵.

Пожалуй, единственным свидетельством, которое могло бы косвенно навести на мысль о единой религии Антиоха, является один отрывок из I книги Маккавеев (1.41–42):

Καὶ ἔγραψεν ὁ βασιλεὺς πάσῃ τῇ βασιλείᾳ αὐτοῦ εἶναι πάντας εἰς λαὸν ἓνα. καὶ ἐγκαταλιπεῖν ἕκαστον τὰ νόμιμα αὐτοῦ. καὶ ἐπεδέξαντο πάντα τὰ ἔθνη κατὰ τὸν λόγον τοῦ βασιλέως¹⁶.

¹⁵ *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 227.

¹⁶ «И царь [sc. Антиох Эпифан] написал всему царству своему, чтобы все были единым народом и чтобы каждый оставил закон свой, и все народы последовали за словом царя».

Конечно, нельзя отрицать сам факт того, что такого письма просто не существовало¹⁷. Но, если письмо действительно было фальшивым, то правоверные иудеи представлялись здесь как народ, обособленный среди других, что очень характерно для изображения этого народа в иудейской литературе. Все же несложно заметить принципиальную разницу в словах *λαός* и *ἔθνος*. Первое из них можно перевести скорее не как *народ*, а как *население* государства в целом; другое же непосредственно и означает *народ*. В таком случае становится понятно, что призыв Антиоха Эпифана к объединению государства мог означать призыв к политическим реформам, а не к религиозному единству.

Итак, необходимо сделать вывод, что Антиох Эпифан не проводил религиозной унификации всех культов в державе. Пожалуй, для государства Селевкидов, самого поликонфессионального из всех эллинистических государств, такая политика была бы невозможна. И Антиох, скорее всего, понимал это. Все же действия царя следует обозначить как целый ряд акций по повышению престижа собственной власти. Это было необходимо для успешного проведения кардинального реформирования государства, которое Антиох, видимо, запланировал на 60-е гг. II вв. до н. э. В качестве шага на пути упрочения авторитета царской власти Антиох избрал введение собственного культа, что нашло отражение в различных письменных источниках, а также в нумизматическом материале. Так, в частности, становится ясно, что Антиох четко планировал свои дей-

¹⁷ Практика подложных писем очень распространена во всех Маккавейских книгах. Так, к примеру, автор II Маккавейской книги вставляет в текст несуществующее письмо Антиоха к евреям (*II Mach.* 9.19–27). Подробнее об эпистолярном стиле Маккавейских книг смотри *Nisula T.* 'Time Has Passed since You Sent Your Letter': Letter Phraseology in I and II Maccabees // JSP. 2005. Vol. 14. 3. P. 201–222.

ствия и постепенно начал вводить собственную «божественную» титулатуру уже в 173 г. до н. э.¹⁸ Кроме того, царь стремился к повысить международное положение своей державы. И хотя государство Селевкидов уже не было способно к активной внешней политике, все же оно занимало не последнее место в системе межгосударственных отношений. Ливий сообщает о том, что вифинский царь Прусий грозил Риму вступить в военный союз с Антиохом.

Между тем, в этом контексте находит свое место и инцидент с Иудеей. Конечно, трудно совершенно точно трактовать действия царя, но можно вслед за Э. Бикерманом предположить, что все гонения на иудеев в этом регионе – лишь дело самой иудейской олигархии¹⁹, вовлекшей в свои междоусобицы греческую силу, что повлекло за собой определенные последствия. Другой причиной для столь жестоких мер царя могла явиться религиозно-культурная традиция иудеев, призванная к отрицанию всего чужеземного. С этой точки зрения, царь просто расчищал дорогу для будущих реформ, направленных на централизацию государства.

Антиох IV Эпифан своими действиями, хотя и несколько беспорядочными, значительно повысил авторитет царской власти в государстве Селевкидов. Он создал необходимую базу для проведения дальнейших преобразований. Но им не суждено было свершиться. Для того имелось много причин: активная внешняя политика Рима, неожиданная смерть царя, но самое главное – это неспособность приемников Антиоха воспользоваться уже созданной базой для дальнейшего реформирования державы. После смерти Антиоха Эпифана легитимность царской власти была нарушена, и постоянная череда переворотов, захлестнувших династию, сильно

¹⁸ *Mørkholm O. Studies in the Coinage...* P. 11–14. (см. рис. 2).

¹⁹ *Бикерман Э. Указ. соч. С. 235.*

дискредитировала ее в глазах не только подданных государства, но и всего мира. Держава Селевкидов окончательно потеряла возможность влиять на политические судьбы античного мира.

Рис. 1.
Тетрадрахма Антиоха IV Эпифана 176 г. до н. э.
ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ («царя Антиоха»)
Взято из: *Mørkholm O. Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria.*
Copenhagen, 1963. А2–Р3.

Рис. 2.
Тетрадрахма Антиоха IV Эпифана 173/169 г. до н. э.
ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ («царя Антиоха бога Эпифана»)
Взято из: *Mørkholm O. Op. cit. А11–Р50.*

Рис. 3.
Тетрадрахма Антиоха IV Эпифана 169 г. до н. э.
ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ
(«царя Антиоха бога Эпифана Nikeфора»)
Взято из: *Sylloge Nummorum Graecorum Israel*.
The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins. London, 1998. 1005.

Рис. 4.
Тетрадрахма Антиоха IV Эпифана 169 г. до н. э.
[ΒΑΣΙΛ]ΕΥ[Σ Α]ΝΤΙΟΧΟΥ [Θ]ΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ
(«царя Антиоха бога Эпифана Nikeфора»)
Взято из: *Mørkholm O. Op. cit. A2–P6*.

МИХАЙЛОВА Т. А. (МОСКВА)

ПЕРЕМЕНА ОБЛАЧЕНИЯ В «ПОВЕСТИ ОБ ИОСИФЕ И АСЕНЕФ»

очинение «Повесть об Иосифе и Асенеф» (или «Иосиф и Асенеф», ИА) относится к разряду ветхозаветных апокрифов. Произведение написано в Египте, вероятнее всего, на греческом языке, и точной датировки не имеет: дата колеблется в пределах периода со II в. до н. э. по II в. н. э. Оригинальный греческий текст ИА утрачен, но приблизительно восстанавливается по позднейшим версиям, из которых самая ранняя относится к X в. н. э., а также по переводам – сирийскому, сделанному в еще VI в. н. э., армянскому, сделанному с сирийского, сербскому, латинскому, новогреческому, румынскому и по фрагментам из несохранившегося эфиопского. Существующие шестнадцать греческих рукописей делятся на четыре семейства **a**, **b**, **c** и **d**. Одной из задач исследователей является попытка хронологического распределения групп относительно друг друга. По ряду причин **a** и **c** считаются более поздними, а вот **d**¹ и **b**² до сих пор спорят за право быть ближе к прототипу. Реконструируемые на основе двух последних групп тексты отличаются по размеру почти в два раза, причем пространная версия содержит несколько значительных эпизодов, отсутствующих в краткой³.

¹ Так. наз. «Филоненковская» версия, изданная сторонником ее первичности Марком Филоненко. См.: *Philonenko M. Joseph et Aséneth: Introduction, texte critique, traduction et notes.* Leiden, 1968.

² «Бурхардовская» версия: *Burchard Ch. Ein vorläufiger griechischer Text von Josef und Aseneth // Dielheimer Blätter zum Alten Testament.* 1979. Bd. 14. S. 2–53. А также см.: *Joseph und Aseneth kritisch herausgegeben von Christoph Burchard mit Unterstützung von Carsten Burfeind und Uta Barbara Fink.* Leiden, 2003 (Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graece 5).

³ Автор данной статьи, как приверженец теории Бурхарда о первичности группы **b**, рассматривает в первую очередь эту версию.

Апокриф рассказывает об Асенеф, упомянутой в Книге Бытия (41:45, 50–52; 46:26), дочери гелиопольского жреца Пентефрея, красавице, презирающей всех мужчин и живущей в прекрасной башне с семьей прислужницами. Отец хочет выдать Асенеф замуж за Иосифа, который по поручению фараона обходит землю, собирая хлеб. Асенеф с негодованием относится к этому предложению, но затем, увидев самого Иосифа, влюбляется в него. Тот же, отвергнув ее как идолопоклонницу, произносит за нее молитву к богу и обещает вернуться через 7 дней. Асенеф закрывается в своей спальне и, отрицая прежних богов, начинает семидневный пост и покаянную молитву, после которой с неба к ней приходит таинственный Человек, руководящий посвящением и завершающий ее переход в новую веру. Преображенная героиня выходит к Иосифу как невеста, после чего следует их свадьба.

Далее идет вторая часть апокрифа, отличная от предыдущей. Влюбленный в Асенеф сын фараона пытается с помощью тайного заговора захватить ее, а Иосифа, его сыновей, – Ефрема и Манасию, – и даже самого фараона, покровителя Иосифа, убить. В решающем столкновении бог помогает Иосифу и Асенеф победить, а сын фараона погибает. Руководствуясь идеей невоздаяния злом за зло, Асенеф прощает предателей – братьев Иосифа, сыновей Иакова от служанок. Фараон же умирает от горя, передав царство Иосифу, который через 48 лет уступает его младшему сыну фараона.

Оставив в стороне религиозную проблематику, апокриф, безусловно, можно рассмотреть и как самостоятельное литературное произведение. Так, например, существуют исследования, соотносящие его с жанром греческого любовного романа⁴. В подтверждение выделяются в частности следующие сходные мотивы и черты: надменная юная красавица, живущая в башне, внезапная любовь,

⁴ Например, Брагинская Н. В. Что если «Иосиф и Асенеф» первый греческий любовный роман? // Балканские чтения 7. В поисках ориентального на Балканах: от античности до современности. 24–26 марта 2003 г. Тезисы и материалы. М., 2003. С. 42–45; Kee Howard C. The Socio-Religious Setting and Aims of Joseph and Asenath // Society of Biblical Literature Seminar Paper Series 1976. Missoula, Mont.: Scholars Press, 1976. P. 183–92; West S. Joseph and Aseneth: A Neglected Greek Romance // CQ. 1974. Vol. 24. P. 70–81.

знатное происхождение главных героев, разлука, страдание, козни соперника, счастливый конец и др. В контексте традиции литературоведческого подхода предметом данной работы является выделение одного мотива, важного в той или иной степени для определения структуры текста и сюжета.

Итак, в ИА описание одежды встречается достаточно много раз. Первый случай расположен близко к началу: Асенеф, увидев из окна родителей, возвращающихся после отлучки из дома, решает красиво одеться, чтобы встретить их и приветствовать. Следует подробное перечисление предметов, в которые облачается героиня (*Jos. As. 3:6*):

...ἐνεδύσατο στολήν βυσσίνην ἐξ ὑακίνθου χρυσοῦφῆ καὶ ἐζώσατο ζώνην χρυσήν καὶ ψέλια εἰς τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας αὐτῆς ἔθετο καὶ ἀναξυρίδας χρυσᾶς περιέθηκε τοῖς ποσὶν αὐτῆς καὶ περὶ τὸν τράχηλον αὐτῆς περιέθετο κόσμον πολύτιμον καὶ λίθους πολυτελεῖς οἵτινες ἦσαν περιηρημένοι πάντοθεν καὶ ἦσαν τὰ ὀνόματα τῶν θεῶν Αἰγυπτίων ἐγκεκολλαμμένα πανταχοῦ ἐπὶ τε τοῖς ψελίοις καὶ τοῖς λίθοις καὶ τὰ πρόσωπα τῶν εἰδώλων πάντων ἦσαν ἐκτετυπωμένα ἐν αὐτοῖς. καὶ ἔθηκε τιάραν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς καὶ διάδημα ἔσφιγξε περὶ τοὺς κροτάφους αὐτῆς καὶ θερίστρω κατεκάλυψε τὴν κεφαλὴν αὐτῆς.

«...облачилась в ризу из виссона, шитую яхонтовыми и золотыми нитями, подпоясалась золотым поясом, браслеты надела на ноги и руки свои, золотые анаксириды на ноги, и шею свою окружила дорогим украшением, и весь наряд ее был усыпан всевозможными камнями драгоценными, имена же богов египетских начесаны были повсюду на браслетах и камнях, и головы всех идолов на них были вырезаны. И возложила она тиару на голову, венцом стянула виски, и легким покрывалом покрыла голову».

После того, как Асенеф, потрясенная встречей с Иосифом, осознает порочность своей прежней веры и собственную греховность, она опять поднимается к себе в комнату и, сняв роскошное платье, надевает грубый черный хитон скорби (*Jos. As. 10:10*):

...καὶ ἔσπευσεν Ἄσενέθ καὶ ἀπέθετο τὴν στολὴν αὐτῆς τὴν βασιλικὴν τὴν βυσσίνην καὶ χρυσοῦφῆν καὶ ἐνεδύσατο τὸν χιτῶνα μελανὸν πένθους καὶ ἔλυσε τὴν ζώνην αὐτῆς τὴν χρυσοῦφην καὶ περιεζώσατο σχοινίον καὶ ἀπέθετο τὴν κίδαριν ἐκ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς καὶ τὸ διάδημα καὶ τὰ ψέλια ἀπὸ τῶν χειρῶν καὶ τῶν ποδῶν αὐτῆς...

«И поспешила Асенеф сбросить свою ризу царскую из виссона златотканого и надеть черный хитон плача, и распустила пояс свой золотой, и препоясалась веревкой, и сняла с головы высокий свой убор, и венец, и браслеты с рук и ног своих».

Находясь в своей комнате, Асенеф произносит длинную покаянную молитву, которая является центральным по важности местом апокрифа, во всяком случае, первой его части. Так, обращаясь к богу, она в частности говорит и следующие слова (*Jos. As. 13:2, 3–5*):

...πρὸς σὲ κατέφυγον κύριε ἐν τῷ σακκῷ τούτῳ καὶ τῷ σποδῷ... ἰδοὺ ἀπεθέμην μου τὴν βασιλικὴν στολὴν τὴν βυσσίνην ἐξ ὑακίνθου χρυσοῦφῆ καὶ ἐνεδυσάμην χιτῶνα μελανὸν καὶ πευθήρη. ἰδοὺ λέλυκα τὴν ζώνην μου τὴν χρυσοῦφην καὶ ἔρριψα αὐτὴν ἀπ' ἐμοῦ καὶ περιεζώσαμην σχοινίον καὶ σάκκον. ἰδοὺ τὴν τιάραν μου καὶ διάδημά μου ἔρριψα ἀπὸ τῆς κεφαλῆς μου καὶ καταπέπασμαι τέφραν...

«...к Тебе прибегла, Господи, во власянице этой и пепле... Вот сняла я ризу царскую из виссона, тканую золотом по яхонту, и черный хитон плача надела. Вот свой пояс золотой я распустила, и прочь от себя отбросила, препоясалась веревкою и власяницею. Вот тиару мою и венец мой с головы своей я скинула и золою <их> осыпала».

Явившийся с неба на восьмой день поста и молитвы Человек велит Асенеф переодеться и дает указания, как именно (*Jos. As.* 14:12):

...ἀπόθου τὸν χιτῶνα τὸν μελανὸν τοῦ πένθους σου
καὶ τὸν σάκκον ἀπόθου ἀπὸ τῆς ὀσφύος σου... καὶ
ἔνδυσαι στολὴν λιπὴν καινὴν ἄθικτον καὶ ἐπίσημον καὶ
ζῶσαι τὴν ὀσφύν σου τὴν ζώνην τὴν καινὴν τὴν διπλὴν
τῆς παρθενίας σου...

«...черный хитон плача сбрось, и власяницу сними со стана твоего... и надень ризу льняную новую, ненадеванную и нарядную, и препояшь стан твой новым двойным поясом девичества твоего».

После этого Асенеф отправляется к себе во вторую комнату и выполняет указания почти в точности (*Jos. As.* 14:14–15):

...καὶ ἔλαβε στολὴν λιπὴν καινὴν ἐπίσημον ἄθικτον
καὶ ἀπεδύσατο τὸν χιτῶνα τὸν μελανὸν τοῦ πένθους καὶ
ἀπέθετο τὸν σάκκον ἀπὸ τῆς ὀσφύος αὐτῆς καὶ
ἐνεδύσατο τὴν στολὴν αὐτῆς τὴν λιπὴν τὴν ἐπίσημον τὴν
ἄθικτον καὶ ἐζώσατο τὴν ζώνην αὐτῆς τὴν διπλὴν
παρθενίας αὐτῆς μίαν ζώνην περὶ τὴν ὀσφύν αὐτῆς καὶ
ἑτέραν ζώνην ἐπὶ τῷ στήθει αὐτῆς... καὶ ἔλαβε
θήριστρον λινοῦν ἄθικτον καὶ ἐπίσημον καὶ κατεκάλυψε
τὴν κεφαλὴν αὐτῆς.

«...взяла ризу льняную, новую, нарядную и ненадеванную, и сняла черный хитон плача, и сбросила власяницу со стана своего, и надела ризу свою льняную, нарядную, ненадеванную, и препоясалась двойным своим поясом девичества своего: один пояс на стане ее, другой пояс на груди ее. ...И взяла она покрывало льняное, ненадеванное и нарядное, и покрыла голову свою».

Вернувшись в первую комнату к небесному Человеку, Асенеф выслушивает его речь, которая снова завершается указанием на перемену одежды для встречи с Иосифом (*Jos. As. 15:10*):

...ἔνδυσαι τὴν στολὴν τοῦ γάμου σου τὴν στολὴν τὴν ἀρχαίαν καὶ πρώτην τὴν ἀποκειμένην ἐν τῷ θαλάμῳ σου ἀπ' ἀρχῆς καὶ πάντα τὸν κόσμον τοῦ γάμου σου περίθου καὶ κατακόσμησον σεαυτὴν ὡς νύμφην ἀγαθὴν...

«...облачись в ризу брачную, древнюю, которую первой положили в покое твоём изначально, и надень весь убор свой брачный, и укрась себя как добрую невесту...»

Пройдя завершающую стадию посвящения и услышав о приезде Иосифа, Асенеф вспоминает данные ей наставления и переодевается в брачные одежды (*Jos. As. 18:5–6*):

...καὶ ἐξήνευκε τὴν στολὴν αὐτῆς τὴν πρώτην τοῦ γάμου... καὶ ἐνεδύσατο αὐτήν. 6. καὶ περιεζώσατο ζώνην χρυσῆν καὶ βασιλικὴν ἧτις ἦν διὰ λίθων τιμίων. καὶ περιέθηκεν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς ψέλια χρυσᾶ καὶ εἰς τοὺς πόδας ἀναξυρίδας χρυσᾶς καὶ κόσμον τίμιον περιέθηκε περὶ τὸν τράχηλον αὐτῆς... καὶ στέφανον χρυσοῦν περιέθηκεν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς... καὶ θερίστρω κατεκάλυψε τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ὡς νύμφη καὶ ἔλαβε σκῆπτρον ἐν τῇ χειρὶ αὐτῆς.

«...и достала свою ризу брачную... и надела ее. И препоясалась поясом золотым и царским из драгоценных камней. И надела на руки свои золотые браслеты, а на ноги – золотые шаровары, и на шею свою – ожерелье великолепное и золотой веночек возложила себе на голову... И покрыла свою голову покрывалом, как невеста, и скипетр взяла в руку свою».

Кроме того, в повести описана также одежда Иосифа, въезжающего в дом Пентефрея на колеснице (*Jos. As.* 5:5):

...ἦν Ἰωσήφ ἐνδεδυμένος χιτῶνα λευκὸν καὶ ἕξαιλλον καὶ ἡ στολὴ τῆς περιβολῆς αὐτοῦ ἦν πορφυρᾶ ἐκ βύσσου χρυσοῦφης καὶ στέφανος χρυσοῦς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ κύκλῳ τοῦ στεφάνου ἦσαν δώδεκα λίθοι ἐκλεκτοὶ καὶ ἐπάνω τῶν δώδεκα λίθων ἦσαν δώδεκα ἀκτῖνες χρυσαῖ...

«...Иосиф был облачен в особый белый хитон, плащ у него был пурпурный, златотканого виссона, на голове его был золотой венец, кругом венца двенадцать отборных камней, а поверх двенадцати камней – двенадцать золотых лучей...»

Здесь надо обратить внимание на соотнесенность этого мотива только с главными персонажами, которыми являются, собственно говоря, сами Иосиф и Асенеф. Кроме них в тексте встречается еще один герой, об одежде которого упоминается. Это некий Человек, как сказано в тексте, или ангел, приходящий с небес к Асенеф для ее посвящения. В описании этого важнейшего персонажа есть указание на его внешнюю идентичность Иосифу, что распространяется и на одежду⁵. Таким образом, в некоторой степени можно говорить о двух главных героях, исключительность которых подчеркивается описанием их одежды. В качестве доказательства

⁵ *Jos. As.* 14:9: «...муж во всем подобный Иосифу, в одеянии длинном, в венке и с жезлом царским, только лик его подобен молнии и очи блистают, и власы на главе его – словно пламя огня...»

можно привести описание Иакова, отца Иосифа, с которым через некоторое время после свадьбы встречается Асенеф. Сказано, что вошедшая к Иакову героиня поражается красоте старца, сидящего на своем ложе⁶. Несмотря на достаточную подробность описания, любое упоминание одежды, казалось бы, естественное для подобного фрагмента, здесь полностью отсутствует.

Оставив временно апокриф и рассматривая мотив отдельно, можно увидеть стоящую за ним долгую историю. В связи с этим имеет смысл обратиться к статье И. И. Ковалевой⁷, посвященной сравнению описания одевания Геры из 14 песни «Илиады», «Обольщение Зевса», с похожим эпизодом из гомеровского Гимна к Афродите. Обе богини, собираясь на встречу соответственно с Зевсом и Анхизом и предварительно готовясь к свиданию, надевают на себя одежду и украшения, что описано авторами обоих текстов весьма подробно и сходным образом вплоть до некоторых формулировок. Далее соответствие прослеживается и в древних шумерских текстах, где фигурирует ритуальное одевание на свадьбу богини Инанны. Точно также в этих мифах можно найти и вариант мотива – снятие одежды.

Уже с самого начала исходя из представления о данном апокрифе как о бесспорно многоплановом произведении, можно применить это же утверждение и к отдельному мотиву, имеющему здесь несколько функций.

Например, с помощью периодического повторения эпизода, возможно, решается проблема структурирования и как бы ритмизации текста. Из перечисленных цитат видно, что данный мотив появляется в тексте больше раз, чем это необходимо по сюжету, где реальных переодеваний всего четыре. Указание на одежду – и как часть действия, и в пересказе от лица героев – достаточно регуляр-

⁶ *Jos. As.* 22:7: «...голова его была вся бела, как снег, а волосы главы его были густы и весьма упруги, и борода его белая спускалась на грудь его, и глаза его были веселы и блестящи, мышцы его, и плечи его, и руки его, как у ангела, бедра его, и голени его, и ноги его – как у гиганта».

⁷ *Ковалева И. И.* Богини на rendez-vous // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. 21–23 июня 2004 г. СПб., 2004.

но повторяется на всем протяжении текста, причем словесное описание персонажами совпадает иногда почти дословно с авторским описанием, что создает некое подобие рефрена, который появляется даже в пределах одного фрагмента⁸. Кроме того, здесь надо принять во внимание и эстетическую ценность именно *красивого* эпизода, выбранного для повторения.

Далее можно сказать, как уже отмечалось выше, о выделении данным мотивом ключевых персонажей. При этом нужно заметить, что классификация, вводимая таким способом, является более глубокой, чем простое деление героев на главных и второстепенных.

Здесь следует обратиться к теории эпоса, чему посвящена книга А. Лорда «Сказитель» (*The Singer of Tales*)⁹. Автор, исследуя устные эпические тексты, останавливается в частности на таком элементе, как описание сборов главного героя перед отправлением на подвиг. В книге приводится несколько примеров подобных торжественных облачений главных героев в великолепную одежду, обычно расшитую золотом и драгоценными камнями. С одной стороны, от умения сказителя развить эту тему зависит качество произведения, но с другой стороны, «в таких описаниях все же ощущается сильный ритуальный оттенок»¹⁰. Далее Лорд пишет: «Вполне возможно, что такая подробная разработка темы – пережиток обрядов инициации или посвящения на подвиг»¹¹. Выделенный мотив применяется к персонажам по-разному. Так, в разборе одного из югославских сказаний подчеркивается отличие в описании одежды именно главного героя и его защитника-оруженосца. Первый одевается по ходу действия, а второй появляется уже одетым. Лорд объясняет это тем, что данный персонаж является в терминах ритуала «наставником неопита» и, хотя «его облачение заслуживает внимания», «тема одевания к нему неприменима»¹².

Точно такую же ситуацию мы видим и в апокрифе. Иосиф и его небесный двойник описаны статично и предстают перед читателем

⁸ См., напр.: *Jos. As.* 14:14–15.

⁹ Лорд А. Сказитель. М., 1994.

¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Там же.

уже облаченными, переодевания же Асенеф являются частью действия. Таким образом, еще одной функцией данного мотива является не только выделение, но и распределение ролей главных героев.

Применяя к апокрифу методы исследования эпоса, бесспорно, нужно иметь в виду очевидную разницу жанров. Тем не менее, на уровне исследования мотива или приема можно до некоторой степени продолжить сравнение. Так С. Боура, разбирая поэмы Гомера и другие эпические тексты, пишет: «Каждый раз, когда отрывок повторяется вновь, мы вспоминаем, что он уже возникал, и соотносим его последующее появление с предыдущим»¹³. Этим подчеркивается важность и «неслучайность» введения в текст идентичных эпизодов, а так же их обязательная взаимосвязь. Далее Боура пишет о полной и краткой формах, в которых может быть представлен мотив. Однако такое произведение как ИА в связи со своим размером и иным жанром не может предоставить почву для подобных вариаций. Здесь уместно говорить только о «полной» форме, каждый ввод которой, применительно в первую очередь к эпосу, «представляет собой особый случай, поскольку знаменует собой новую и важную стадию развития действия»¹⁴. Полностью отнести эту формулировку к апокрифу, где нет противопоставления, нельзя, тем не менее периодически повторяющийся ввод развернутого эпизода, определенным образом делит текст и фиксирует внимание на переходе к следующей части.

Безусловно, наибольшее отношение имеет этот мотив к самой Асенеф. Это центральный персонаж произведения, и сюжет вращается именно вокруг перемен, происходящих с ней: героиня преодолевает длинный и трудный путь перерождения и смены ложной веры на истинную. В течение всей первой части Асенеф переходит от одной стадии к другой, что завершается ее посвящением и браком с Иосифом. Внутренний мир героини открывается перед читателем в первую очередь через ее собственные реплики и монологи, из которых, безусловно, важнейшим является покаянная молитва.

¹³ Боура С. Героическая поэзия. М., 2002. С. 356.

¹⁴ Там же. С. 357.

Тем не менее, автору апокрифа оказывается этого недостаточно. Необходимо более точно разграничить стадии изменений. В этом случае идеальным вариантом становится показ внутреннего через внешнее. Таким образом, каждый раз сменой одежды маркируется переход героини, иногда самостоятельно, а иногда через указания извне, в новое качество из предыдущего, уже устаревшего. Сначала богато одетая, как дочь жреца, увидев Иосифа, она уже не может больше оставаться прежней. В своей статье об обращениях Е. Галлахер¹⁵ замечает, что поведение Асенеф подчеркивает отказ от прежней жизни: от физических требований – пост и бодрствование, от социальных связей – «уход» от родителей и служанок, а также от прежней религии, что выражено выбрасыванием идолов и одежды.

Далее, пришедший с неба Человек не начинает своей беседы с Асенеф, пока она все еще облачена в хитон скорби. В первую очередь он велит ей переодеться и только после этого приступает к посвящению. Когда церемония закончена, Человек исчезает, а Асенеф опять оказывается в «устаревшем» костюме. Динамичность изменений подчеркивается каждый раз словом ἔσπευσε («поспешила»), которое обычно предваряет переодевание.

Таким образом, с помощью использования данного мотива автор демонстрирует смену статусов главной героини и переходы ее в новое качество.

Рассматривая эпизоды облачения, мы можем поставить и вопрос о реалистичности. Фрагменты югославского эпоса, приведенные Лордом, представляются весьма условными из-за обилия и тяжести перечисленных предметов. Не располагая таким материалом по отношению к Асенеф, мы все-таки можем наметить нереалистическую черту. Так, например, сказано, что Асенеф надевает сначала ризу и затем пояс, раздеваясь же, она повторяет упомянутую последовательность, распустив пояс после того, как риза уже снята, то есть через зафиксированный порядок, скорее всего, проявляется формульный характер эпизода. Сложнее обстоит дело в случае с

¹⁵ *Gallagher E. V. Conversion and Community in Late Antiquity // The Journal of Religion. 1993. Vol. 73. Iss. 1. P. 1–15.*

анаксиридами – шароварами, широкими штанами у восточных народов. Анахронизм, чем здесь является этот термин, в данной ситуации не говорит о нереалистичности, а скорее, оказывается попыткой автора стилизовать и архаизировать свой текст. Сравнение фрагментов с облачением в двух спорящих редакциях – b и d – не показывает значительных различий, что говорит об одинаковой важности этих эпизодов для обеих версий. В какой-то степени важным можно считать указание, стоящее в пространной версии (*Jos. As.* 3:6): ...ἀναξυρίδας χρυσᾶς περιέθηκε τοῖς ποσὶν αὐτῆς... («...анаксириды золотые надела на ноги...»). В краткой версии τοῖς ποσὶν αὐτῆς отсутствует. Сторонница теории Филоненко Р. Кремер¹⁶ считает версию b распространенным вариантом d. Как один из принципов расширения текста она называет добавления, дающие ответы на потенциально возникающие у читателя вопросы. Приведенный выше пример с анаксиридами, видимо, уже во время написания повести нераспространенными, является, скорее, доводом в пользу этой теории: вставка пояснения «на ноги» таким образом становится ответом на вопрос – куда именно надевает героиня указанный предмет.

В связи с упомянутой условностью описания можно сказать, что, скорее, главную роль играет сам факт переодевания, а не конкретные предметы. Например, разница между первым и последним одеванием очень невелика, то есть упомянутые дорогие украшения, почти идентичны тем, которые надевает Асенеф в первой сцене. Тем не менее, можно выделить предметы, имеющие особую важность. Например, это пояс с его ритуальным значением. Кроме того, нужно выделить и покрывало (τὸ θέριστρον), которым Асенеф каждый раз завершает свой костюм. Этот символ¹⁷ выводит нас на тему брака, разработанную автором апокрифа довольно своеобразно. Если исходить из предпосылки, что и сам выбранный мотив имеет в частности отношение к культовому одеванию невесты, то в

¹⁶ *Kraemer R. Sh.* When Aseneth Met Joseph. A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered. Oxf., 1998. P. 50.

¹⁷ О связи покрывала с брачным ритуалом см., напр.: *Геннеп ван А.* Обряды перехода. М., 1999. С. 153.

ситуации с Асенеф мы видим довольно сложную картину: героиня повторяет это действие трижды. В первом случае, являясь уже по сути невестой, Асенеф не знает этого, а узнает только от отца, для встречи с которым, а также с матерью, она и решает торжественно одеться¹⁸. Есть и другой намек на эту тему: родители при встрече с Асенеф радуются, потому что видят ее убранную как «невесту бога» (κεκοσμημένην ὡς νύμφην θεοῦ – *Jos. As.* 4:1). Однако по сюжетному замыслу на данном этапе Асенеф, идолопоклонница, не прошедшая еще посвящения, не готова стать настоящей невестой. Она же и сама гневно отказывается от Иосифа.

В сцене посвящения Человек, пришедший с неба, велит Асенеф снять хитон скорби и, умывшись и стряхнув золу, надеть нарядную новую ризу и пояс. Героиня же, если так можно выразиться, *не знающая ритуального порядка*, надевает также и покрывало на голову – тоже ненадеванное и нарядное, но не подходящее к данной стадии посвящения. Увидев это, Человек велит снять его (*Jos. As.* 15:1):

Ἐπόστειλον δὴ τὸ θέριστρον ἀπὸ τῆς κεφαλῆς σου
καὶ ἵνα τί σὺ τοῦτο πεποίηκας; διότι σὺ εἶ παρθένος
ἀγνή σήμερον καὶ ἡ κεφαλὴ σοῦ ἐστὶν ὡς ἀνδρὸς
νεανίσκου.

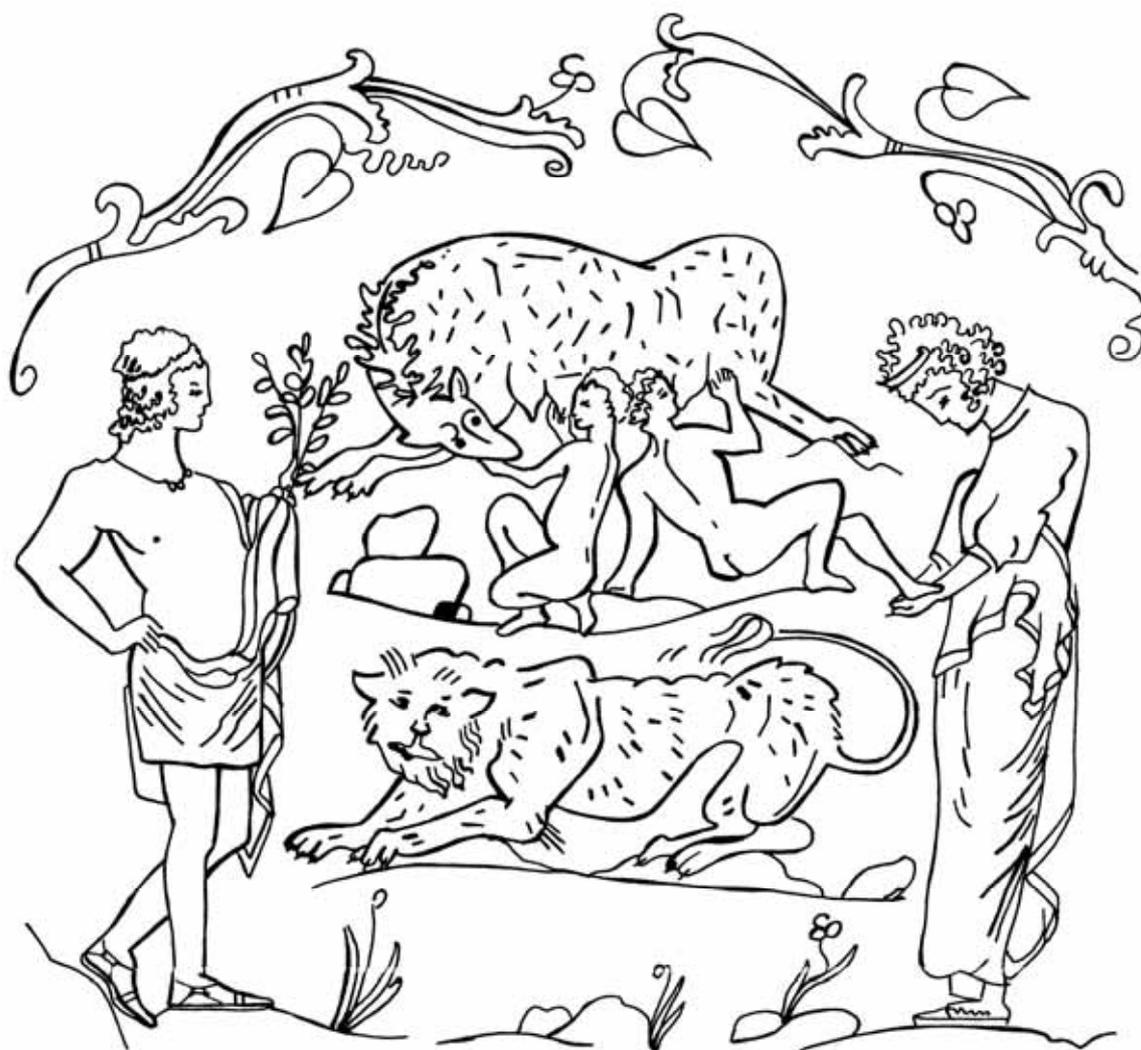
«Отбрось-ка покрывало с головы своей, да и зачем оно тебе? Ведь ты сейчас дева чистая, и голова твоя подобна голове юного мужа».

И только в третий раз Асенеф наконец с полным правом называется невестой. Она заканчивает свой костюм все тем же покрывалом, которое в данном случае вполне узаконено (*Jos. As.* 18:6): ...θερίστρω κατεκάλυψε τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ὡς νύμφη... («...покрыла свою голову покрывалом, как невеста...»). Религиозный и любовный пласты пересекаются, и процесс можно назвать завершенным.

¹⁸ Ср.: Ном. II. XIV.200–201, где Гера, одевшись для встречи с Зевсом, выходит под ложным предлогом – видеть родителей.

Таким образом, пронизывающий все повествование мотив облачения выполняет несколько функций. Повторяясь, он придает тексту более четкую структуру, а также членит его на смысловые отрезки, соответствующие стадиям внутреннего изменения героини. Мотив служит и для определения функциональных ролей главных персонажей и для отделения их от второстепенных. Кроме того, через использование даже исходно и эпического мотива повесть отчасти включается в некий литературный контекст.

РИМ

НИКОЛЬСКИЙ А. Б. (АСТРАХАНЬ)

***BOS LUCA.* К ВОПРОСУ
О ТАКТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОЕВЫХ СЛОНОВ
В ПЕРИОД ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН**

лон – самое большое из прирученных человеком животных. Этот мощный зверь, внушающий благоговейный трепет, естественно, не мог не использоваться людьми в военных целях, как впрочем, и многие другие одомашненные животные.

Первыми, кто стал применять этих гигантов в качестве военной силы, были древние индийцы¹. Боевые слоны на полях сражений у них считались главной ударной силой², более важной, чем колесницы, которые долгое время господствовали в военном деле Древнего Востока.

Древние греки узнали о слонах достаточно поздно. В гомеровскую эпоху им было прекрасно известно, что такое слоновая кость³, но сами животные в гомеровском эпосе не упоминаются⁴. Только в V в. до н. э. мы встречаем первое в античных текстах упоминание о слонах в сочинении Геродота. Описывая Ливию, «отец истории» говорит, что здесь в изобилии водились слоны (Hdt. IV.191). В своем кратком сообщении Геродот перечисляет слонов среди других диких животных, и поэтому мы можем предполагать, что ливийцы не приручали их.

¹ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1994. Т. 1. С. 90.

² Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 97.

³ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. Т. 1. С. 513.

⁴ Слово *ἐλέφας* у Гомера имеет только одно значение – слоновая кость (напр.: II. IV.141; V.583). См.: Краузе В. Гомеровский словарь. СПб., 1896. С. 150.

Аристотель в конце IV в. до н. э. в «История животных» первым отмечает, что «индусы пользуются слонами для целей войны» (Arist. *Hist. anim.* IX.24). Труд Аристотеля писался в период походов Александра Македонского⁵, и об использовании слонов в военных целях⁶ он мог знать довольно подробно от очевидцев и из военных отчетов.

Столкновение с «античными танками», как зачастую именуют этих животных историки, оказало громадное влияние на диадохов, и в армиях наследников Александра слоны стали активно использоваться как военная сила. Уже в битве при Ипсе в 301 г. до н. э. эти гигантские животные имели большое значение. Селевк и его союзники выиграли сражение именно благодаря слонам⁷, которых в их армии было огромное количество – 480 или 400 (Diod. XX.113; Plut. *Demetr.* 28)⁸.

В этих битвах эпохи эллинизма принимали участие только индийские слоны. Использование обученных зверей в данный период было «монополией» государства Селевкидов⁹. Для армии животных

⁵ Этот труд относится к так называемому второму афинскому периоду, то есть к 335–322 гг. до н. э. (по классификации В. Йегера). См.: Чаньшев А. Н. Аристотель. М., 1981. С. 26–27. Во всяком случае, труд корректировался в период восточных походов, то есть после 334 г. до н. э. См.: Старостин Б. А. Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли // *Аристотель. История животных* / Перев. с древнегр. В. П. Карпова. М., 1996. С. 11.

⁶ Александр столкнулся со слонами в битвах при Гавгамелах, где в составе персидской армии находилось 15 слонов (Arr. *Anab.* III.8.6), и при Гидаспе где македонский царь сражался с гораздо большим количеством слонов (их численность в источниках колеблется от 85 (Curt. VII.13.6) до 200 (Arr. V.15.4). См.: Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 175, 295; Montagu J. D. *Battles of the Greek and Roman Worlds: A Chronological Compendium of 667 Battles to 31 B. C., from the Historians of the Ancient World.* L.; Pennsylvania, 2000. P. 105–106.

⁷ Дройзен И. История эллинизма. Р-н-Д., 1995. Т. 2. С. 420; Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 115. Montagu J. D. *Op. cit.* P. 114.

⁸ Дройзен И. Указ. соч. С. 416, 419; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 92.

⁹ Gowers W. *The African Elephant in Warfare* // *African Affairs.* 1947. Vol. 46. № 182. P. 43.

получали как из Индии, так и из Бактрии (их число могло доходить до 500)¹⁰.

Слоны становятся главной ударной силой¹¹. Их помещали либо на флангах против кавалерии противника¹², либо в центре, где они должны были пытаться смять стройные ряды вражеской фаланги. Как считает Р. Гловер, причина столь значительных успехов в применении боевых слонов на полях сражений заключалась в том, что они легко могли лишь одним своим видом «уничтожить боевой дух врага и нейтрализовать его кавалерию»¹³.

Успешное применение слонов на полях сражений заставляло других эллинистических монархов искать способы пополнять свои армии подобными подразделениями. Но для этого были необходимы налаженные контакты с восточными государствами, которых, за исключением Селевкидов, не имело ни одно эллинистическое государство. По этой причине были сделаны попытки приручать африканских животных. Первыми их начинают использовать Птолемеи¹⁴, стремясь противопоставить своих африканских слонов индийским слонам Селевкидов. Однако на проверку животные из Африки не выдержали никакого сравнения с индийскими. Как сообщают источники, африканского слона при виде индийского одолевал страх (Polyb. V.84.5; Liv. XXXVII.39.13)¹⁵.

Из всего сказанного видно, что в эллинистический период эти грозные животные играли ведущую роль в сражениях и их наличие в составе армии увеличивало престиж монарха и служило показателем его военной мощи. Военный опыт, накопленный за этот

¹⁰ Как сообщает Страбон, такое количество слонов послал Селевку I индийский царь Чандрагупта или, как его именовали некоторые античные авторы, Сандракотт взамен за уступленные Селевком территории (Strabo. XV.2.9). См.: Дройзен И. Указ. соч. Т. 2. С. 406; Ранович А. Б. Указ. соч. С. 92.

¹¹ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 50.

¹² Кони пугались вида неизвестных им животных (Front. II.4.13).

¹³ Glover R. F. The Tactical Handling of the Elephant // GR. 1948. Vol. 17. № 49. P. 5.

¹⁴ Примерно в 285 г. до н. э. См.: Gowers W. Op. cit. P. 43; *idem*. Elephants in Africa // Journal of the Royal African Society. 1939. Vol. 38. № 150. P. 148.

¹⁵ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 59–60.

период, разумеется, должен был использоваться в одной из самых крупных и продолжительных войн античности – войнах между римлянами и карфагенянами.

Пунийцы и римляне столкнулись со слонами на полях сражений, судя по всему, в одно и тоже время¹⁶. Слоны эпирского царя Пирра успешно воевали как с римлянами, так и с карфагенянами. Пирр надолго запомнился противникам благодаря своим слонам. Римляне, проиграв в двух сражениях, были готовы даже заключить мир с эпирским царем, а страх римских солдат перед слонами прекрасно иллюстрирует тот факт, что римская традиция запомнила гастата четвертого легиона Гая Нумиция, который, отрубив слону хобот, доказал, что «эти звери смертны» (Flog. XIII.9)¹⁷. Что касается пунийцев, то они не решились дать на Сицилии Пирру «правильное» сражение¹⁸. Можно предположить, что виной тому были именно слоны, которых Пирр привез с собой на Сицилию.

Следует полагать, что и римляне и карфагеняне по достоинству оценили ударную мощь этих гигантов и обе армии с превеликим удовольствием включили бы их в свой состав, но такая возможность имелаась только у пунийцев. Им слоны были известны, и они могли их получать из Северной Африки¹⁹. Эти африканские слоны были

¹⁶ *Wise T. Armies of the Carthaginian Wars 265–146 B. C. (Men-at-Arms 121). Oxford, 1993. P. 11; Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars, 359 B. C. to 146 B. C. Goring-by-Sea, Sussex, 1982. P. 35; Казаров С. С. Царь Пирр и эпирское государство в эллинистическом мире. Р-н-Д., 2004. С. 207.*

¹⁷ После победы над Пирром в сражении при Беневенте римляне сумели захватить восемь слонов живьем и провели их в триумфальном шествии 275 г. до н. э. (Plin. *Nat. hist.* VIII.16).

¹⁸ *Franke P. R. Pyrrhus // САН². 1989. Vol. VII. P. 471–477; Казаров С. С. Слоны Пирра. К вопросу о развитии военного искусства в эллинистический период // Para Bellum. 2002. № 14. С. 43.*

¹⁹ Если быть более точным, из внутренних районов Северной Африки – Нумидии и Мавритании (современные Алжир и Марокко). См.: *Gowers W. The African Elephant in Warfare... P. 43; Scullard H. H. Carthage and Rome // САН². 1989. Vol. VII.1. P. 496.* Пунийцам эти животные были знакомы и ранее, карфагенская знать на них охотилась (Front. IV.VII.18).

меньше по размерам²⁰, чем экваториальный африканский или индийский слон²¹. Как предполагает С. Лансель, карфагеняне использовали особую разновидность слонов, так называемых «лесных слонов» – *Loxodonta africana* (или *Loxodonta atlantica*). Эти слоны были меньше индийских по росту (всего 2,4 – 2,5 м. в холке²²), у них имелись и другие особенности: огромные уши с закругленной мочкой, высокая постановка головы, кольчатый, а не гладкий, как у азиатских собратьев, хобот, длинные бивни и так далее. Все эти особенности видны на серебряных монетах Баркидов с их изображением²³.

Небольшой рост используемых в Карфагене слонов определял их вооружение. У более высоких индийских животных ударная сила была выше, их рост позволял устанавливать им на спину башню, где располагалось до четырех человек – лучники и пехотинцы с длиной сариссой; все это дополнялось панцирем для защиты, на спину животного стелили красный чепрак и вешали колокол на шею²⁴. На невысокого африканского собрата башню прикрепить не могли. На слона садился только погонщик, а для усиления удара укрепляли бивни слона, надевая на них стальные наконечники²⁵.

Полибий сообщает, что погонщиками слонов в карфагенской армии выступали индийцы. С этим соглашаются некоторые совре-

²⁰ Сообщение Полибия о том, что африканский слон мельче индийского, долгое время вызывало многочисленные споры и часто критиковалось, но это продолжалось до тех пор, пока не было доказано, что Полибий описывал особую породу африканских слонов, водившуюся в его время и не сохранившуюся до наших дней. См.: *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 74–75.

²¹ *Scullard H. H.* Op. cit. P. 496.

²² Хотя П. Коннолли упоминает, что рост этой вымершей породы африканских слонов был не более 235 см., но такая точность относительно роста животных вызывает некоторое недоумение. См.: *Коннолли П.* Указ. соч. С. 75.

²³ *Лансель С.* Ганнибал. М., 2002. С. 115.

²⁴ *Разин Е. А.* Указ. соч. С. 252–253; П. Коннолли считает, что первые башни были установлены эфирским царем Пирром. См.: *Коннолли П.* Указ. соч. С. 75.

²⁵ *Gowers W.* The African Elephant in Warfare... P. 43; *Scullard H. H.* Op. cit. P. 496.

менные специалисты²⁶, хотя В. Гоуэрс делает предположение, что слово «индиец» является общеупотребительным термином, обозначающим любого погонщика слона вне зависимости от его этнического происхождения. Свою догадку он иллюстрирует изображением слона с погонщиком на карфагенской монете, где нельзя определить этническую принадлежность погонщика по одежде²⁷. Такое предположение не лишено оснований: несмотря на искушение признать, что в карфагенской армии служили индийцы, и тем самым присоединиться к расхожему мнению, согласно которому в войске Карфагена находились представители этносов чуть ли не всей ойкумены, нужно отметить, что постоянно пополнять свой контингент индийцами карфагенянам было, вероятно, довольно затруднительно.

В период первой Пунической войны мы встречаем слонов на полях сражений, но, скорее всего, пользоваться этим грозным оружием пунийцы еще не умели. В 262 г. до н. э. в сражении у Акраганта Ганнон поставил своих слонов числом до пятидесяти позади войска, что, естественно, ни к чему хорошему для карфагенян не привело: ударная сила слонов оказалась сниженной, вследствие чего большая часть слонов при бегстве пехоты была захвачена противником (Polyb. I.19.10; 19.12). Подобную же ошибку допустил в 256 г. до н. э. и пунийский полководец Гамилькар – он не учел особенности местности и поэтому «конница и слоны оказались совершенно бесполезными» (Polyb. I.30.11).

Спартанский наемный полководец Ксантипп показал карфагенянам, как следует использовать преимущества местности и тактически правильно применять кавалерию и слонов (Flor. II.2.11)²⁸.

²⁶ Head D. Op. cit. P. 35.

²⁷ Gowers W. The African Elephant in Warfare... P. 43. Полибий, судя по всему, был плохо знаком с этими животными, поскольку в своем рассказе о переправе слонов через реку Рону опирался, скорее, на непроверенную информацию Аристотеля, чем на собственный опыт. См.: O'Bryhim S. Hannibal's Elephants and the Crossing of the Rhone // CQ. 1991. Vol. 41. № 1. P. 121–125.

²⁸ См.: Гурьев А. В. Военная реформа Ксантиппа // Para Bellum. 2001. № 12. С. 91 слл.

Пунийцы доверили ему свои вооруженные силы, и ему удалось разгромить войско римского консула благодаря слонам и коннице. Слонов Ксантипп разместил впереди пехотного строя, а конницу расположил по флангам. Именно конница и решила исход битвы, легко разбив римскую кавалерию, а слоны лишь помогли довершить разгром²⁹. В сражении против армии Регула при Баграде ведущая роль принадлежала коннице³⁰, тем не менее, по сообщению Полибия, римляне два года избегали линейных сражений, боясь слонов (I.39.12); тем временем они, вероятно, искали способ противостоять этим грозным животным, которых в пунийской армии насчитывалось 140, и в течение всего этого длительного срока приучали римских солдат к их виду.

Уже в битве у Панорма (251 г. до н. э.) римляне успешно использовали против слонов, которых в армии противника насчитывается около 130, легковооруженных воинов. В итоге десять слонов были убиты, а часть захвачена в плен³¹. Римляне изобрели способ борьбы со слонами, и пунийцы, наученные горьким опытом, впредь так активно слонов не использовали.

Спустя более десяти лет после битвы при Панорме слоны используются снова при подавлении восстания наемников. Гамилькар Барка, возглавив пунийскую армию, активно применяет «античные танки». Его успех в борьбе с мятежниками, в достижении которого слоны играли не последнюю роль, снова поднял пошатнувшийся престиж данного рода войск. Слоны по-прежнему продолжают использоваться в пунийской армии.

²⁹ Из более чем пятнадцатитысячной римской армии в живых осталось только две тысячи человек (Polyb. I.34.9; Diod. XXIII.14.1–2; App. *Lib.* 3; Eutr. II.24; Oros. IV.9.3).

³⁰ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 1. С. 415; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т. 1. С. 227; Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 90–91; Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2002. С. 107.

³¹ Эти слоны были отправлены в Рим и там выступали в цирке (Eutr. II.24; Front. II.4.5).

Вероятно, Гамилькар Барка и дальше продолжал применять этих боевых животных, но уже в Испании, после окончания первой Пунической войны. Баркиды часто изображали их на своих монетах, чеканившихся там, что позволяет С. Ланселю сделать предположение, что для этого рода они «были чем-то вроде тотемного животного»³², хотя, в общем, такое предположение является не совсем верным. Скорее всего, слоны, вызывавшие у варваров первобытный страх, ассоциировались исключительно с завоевателями, были своего рода символом карфагенского могущества и как нельзя лучше смотрелись на монетах. Недаром Сципион Эмилиан, воевавший в Испании, также пытался использовать животных в военных целях.

В силу физических особенностей данных млекопитающих, для того, чтобы можно было использовать в военных целях, их необходимо воспитывать в течение длительного времени³³. Поэтому был необходим центр, где животных содержали и воспитывали. Таким центром, судя по всему, был сам Карфаген. Как сообщает Аппиан, в городской стене располагались помещения, где содержались триста слонов (*Lib.* 450)³⁴; здесь же, наверное, происходил и процесс тренировки.

Перед началом второй Пунической войны в карфагенской армии в Испании насчитывалось около шестидесяти слонов; большая

³² Лансель С. Указ. соч. С. 115.

³³ Следует оговориться, что нам мало известно о том, как дрессировались слоны в древности. Мы можем говорить лишь о современной дрессуре, которая, вероятно, мало чем отличается от древней. Во-первых, нужно отметить, что слоны нечасто размножаются в неволе, это весьма редкое явление даже в условиях современных комфортных зоопарков, а уж при античном примитивном содержании зверей об этом вообще говорить не приходится. Во-вторых, мы можем отметить, что для дрессировки отлавливаются молодые слоны в возрасте примерно четырнадцати лет, и, наконец, в-третьих, дрессировка слонов продолжается в течение около десяти лет.

³⁴ Эта цифра, конечно, является преувеличенной, ведь Карфаген никогда не располагал таким контингентом слонов, но она постоянно приводится в качестве примера его военной мощи. См., напр.: *Gabriel A. R. Great Armies of Antiquity*. Westport, 2002. P. 197; *Scullard H. H. Carthage // GR*. 1955. Vol. 2. № 2. P. 102.

их часть участвовала в первом крупном сражении Ганнибала с испанскими племенами вакцеев, олькадов и карпетан у реки Таг в 220 г. до н. э. Вынудив противника переправляться через реку, Ганнибал неожиданно бросил на испанские племена конницу, которая уничтожала врагов в воде. Стоящие же вдоль берега слоны давили испанцев, сумевших переправиться через реку³⁵. Таким образом, слоны сыграли в этом сражении ярко выраженную вспомогательную роль и победа была бы одержана, в общем, и без их участия.

После начала военных действий Ганнибал, распределяя военные силы, оставляет двадцать одного слона в Иберии, а большую часть – тридцать семь слонов – забирает с собой в Италию. Слоны, без сомнения, затрудняли движение армии Ганнибала, но вместе с тем сильно помогали ему в борьбе с местными племенами. Во время альпийского перехода животные вместе с конницей шли в авангарде, и Ганнибал им был обязан тем, что авангард не подвергался нападениям: они одним своим видом отпугивали местных жителей, которые никогда их не видели.

Если верить сообщению Евтропия (III.8.2), то после перехода через Альпы в составе ганнибаловой армии оставались все те же тридцать семь слонов. Мы можем сделать предположение, что при переходе через Альпы Ганнибал не потерял животных, но даже и в том случае, если сведения Евтропия ошибочны, мы все равно можем отметить, что основной контингент слонов был сохранен.

Эти слоны участвуют в сражении при Требии (218 г. до н. э.), но там они особой роли не сыграли. Поставленные на флангах впереди конницы, они со временем сместились в центр, куда их загнала вражеская пехота. Римские легковооруженные пехотинцы «забрасывали их дротиками и обратили в бегство, а затем, преследуя бегущих, кололи под хвост, где у них кожа тоньше и ранить их поэтому легче» (Liv. XXII.55.11. Перев. Ф. Ф. Зелинского). Под давлением велитов слоны стали теснить ряды пунийцев, и Ганнибал

³⁵ *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1976. С. 62–63.

перевел их снова на фланги, где они после поражения римлян участвовали в преследовании противника (Polyb. III.74.8).

Судьба слонов, перешедших вместе с Ганнибалом через Альпы, трагична. Они в течение недолгого времени практически все умерли, не вынеся тяжелых климатических условий. В живых остался всего одно животное, на котором перевозили заболевшего Ганнибала³⁶. Видимо, это тот самый слон, выделявшийся в карфагенской армии среди остальных своей храбростью, которого Плиний со слов Катона называет Суром, то есть сирийцем, так как вполне вероятно, что он был азиатского происхождения (*Nat. hist.* VIII.11)³⁷.

Лишь спустя несколько лет, в 215 г. до н. э., Ганнибал получил из Карфагена новых слонов вместе с другими подкреплениями (*Liv.* XXIII.13.7; 3.6). Мы не можем сказать, как полководец их использовал в первое время, так как наши источники об этом умалчивают. В 211 г. до н. э. слоны снова появляются на поле битвы, но их остается уже тридцать три (XXVI.5.3). Под Капуей животные прорываются вплоть до вала, но римляне не дали им ворваться в лагерь, убив их (XXVI.6.1–2). Правда, есть, и вторая версия рассказа об этом бое, которую сообщает сам Ливий. Он пишет, что испанские солдаты и слоны ворвались в лагерь, наделав много шума, и создали панику в лагере, но римляне быстро прогнали их огнем (XXVI.6.12). Чуть позже в том же году слоны участвуют в сражении под Нумистроном. Мы не знаем, насколько удачным было их использование, но можем отметить, что слонов ввели в бой лишь в самом конце битвы, но и это не принесло Ганнибалу победы (XXVII.2.6)³⁸.

³⁶ Полибий и Ливий по разному освещают вопрос о смерти слонов, но в нескольких пунктах они не расходятся – к моменту перехода армией Ганнибала этрусских болот остается в живых всего один зверь (Polyb. III.79.12; *Liv.* XXII.2.10).

³⁷ Лансель С. Указ. соч. С. 116.

³⁸ Родионов Е. Указ. соч. С. 438.

Далее постепенно количество слонов уменьшалось: в 209 г. до н. э. под Канузием двух слонов убили³⁹, пять достались римлянам в качестве добычи; возле Грумента (207 г. до н. э.) в этом «беспорядочном сражении» четыре слона были убиты, двое захвачено (Liv. XXVII.42.7). Что стало с остальными слонами, мы не знаем, но при отправке Ганнибала и его войска в Африку упоминания о слонах нет, поэтому можно сделать вывод, что к этому времени они либо умерли, либо были убиты.

Во время второй Пунической войны слоны являются частью пунийской армии и у других полководцев. Гасдрубалу, которому была доверена Испания, Ганнибал оставил свыше двадцати слонов. В сражении у реки Ибер (215 г. до н. э.) они стояли на флангах вместе с конницей и большой роли не сыграли – отступили вместе маврами и нумидийцами (Liv. XXIII.29.14); Магон отправился в Испанию вместе с двадцатью слонами (XXIII.32.5), где все они постепенно были либо убиты, либо захвачены в плен; Гимилькон высадился на Сицилию с армией, в составе которой было двенадцать слонов (XXIV.35.3)⁴⁰, и так далее. Что касается сообщения Ливия о том, что в Испании римляне уничтожили большое количество животных (XXIII.49.13), то это следует признать чистой выдумкой римской традиции.

И, наконец, следует разобрать, как использовали слонов на последнем этапе Ганнибаловой войны. Здесь мы проанализируем опыт трех пунийских полководцев – Гасдрубала, Магона и самого Ганнибала.

Гасдрубал применил слонов в битве при Метавре (207 г. до н. э.). Он поставил их впереди пехотного строя, слоны быстро стали наступать на римлян, но, теснимые легковооруженными воинами, отступили назад. Предугадывая подобное стечение обстоя-

³⁹ Слоны были не просто убиты, но убиты при входе в карфагенский лагерь, так, что солдаты даже не могли в него попасть (Liv. XXVII.14.13).

⁴⁰ Восемь слонов было захвачено М. Клавдием Марцеллом в сражении у Агригента (Liv. XXV.41.7) и позже они участвовали в его триумфальном шествии (XXVI.21.9).

тельств, карфагенский полководец дал погонщикам слонов по долоту, чтобы можно было остановить слона, вбив инструмент в «место, где шея соединяется с головой» (Liv. XXVII.49.1–2). Гасдрубал с самого начала прекрасно знал, что в открытом линейном сражении с регулярными войсками слоны были не просто бесполезны, но и опасны, и, естественно, попытался себя обезопасить. Этот способ уничтожения животных использовался и позже (см.: Amm. Marc. XXV.1.15).

Следующий эпизод связан с Магоном. В области инсумбров карфагенский полководец вынужден был дать линейное сражение римлянам. Слоны в этой битве играли роль резерва, который бросили против конницы. Кони, испугавшись вида слонов, повернули обратно, но развить этот успех пунийцам не дали. В слонов полетели копыта. Четыре – было убито, а остальные повернули обратно на своих (Liv. XXX.18.5–11). В данном случае мы сталкиваемся с такой же ситуацией, что и с Гасдрубалом. Магон знал о том, что слон – обоюдоострое оружие⁴¹, способное принести больше урона, чем пользы, и попытался использовать слонов в нестандартной для них роли резерва, вводя их в битву против конницы, судя по всему, с флангов, чтобы они не оборотились против карфагенского строя. Увы, его надежды не оправдались, слоны не сумели опрокинуть римские ряды и продержаться против велитов.

И, наконец, третий полководец, старший представитель рода Баркидов – Ганнибал – использовал слонов в последней битве второй Пунической войны – битве при Наррагаре–Заме в 202 г. до н. э. В его распоряжении было восемьдесят слонов. Столь мощную силу полководец поставил далеко впереди своего строя, чтобы слоны, оборотившись, не смогли расстроить ряды его армии. Его расчеты на то, что животноны сомнут армию Сципиона, не оправдались. Римское войско просто пропустило слонов через специально образованные проходы и тем самым угроза для римской пехоты

⁴¹ Scullard H. H. Carthage and Rome... P. 496.

миновала⁴². Таким образом, как пишет Б. Лиддел-Харт, «первый козырь Ганнибала был побит».

Ганнибал, так же, как и его братья, прекрасно сознавал сильные и слабые стороны использования этих гигантов, но все равно стремился к тому, чтобы применить силу, которую трудно было контролировать. Это противоречие легко понять. Ганнибал осознавал, что он проигрывает римлянам в коннице, и пытался всеми силами отсрочить начало столкновения между пехотой, ожидая, что его конница уведет с поля боя вражескую кавалерию⁴³. Ставка делалась на победу пехотой, а использование слонов, таким образом, было делом вынужденным, поскольку для реализации плана Ганнибала было необходимо объединение всех имеющихся ресурсов.

Это последнее сражение Пунических войн, в котором слоны представляли какую-либо военную опасность. Вторая Пуническая война фактически поставила под сомнение это некогда грозное оружие, доказав его слабость.

Итак, мы можем отметить, что, столкнувшись с боевыми слонами эфирского царя, римляне и пунийцы по достоинству оценили такое грозное оружие. И те, и другие по-своему пытались учесть опыт войны с Пирром. Одни включили этот род войск в состав своей армии, сделав его фактически визитной карточкой карфагенского могущества, и пытались найти способ сделать тактическое применение слонов в бою более успешным. Другие искали способ более эффективного противостояния слонам.

Длительные войны между пунийцами и римлянами продемонстрировали, что тактическое применение боевых слонов может быть сведено к нулю простыми действиями легкой пехоты, которая может оборотить слонов против их же армии.

⁴² Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» римской республики (II в. до н. э.). М., 1986. С. 84; Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 155; Лиддел-Харт Б. Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. М., 2003. С. 183; Scullard H. H. A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. L.; N. Y., 1980. P. 237.

⁴³ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 272.

В чем же причина такого неэффективного использования этой грозной силы, которая когда-то ниспровергла могущество Антигона? Ответов здесь может быть несколько. Во-первых, нужно отметить, что слоны – больше оружие психологическое. Их успешное применение, в основном, происходило против тех, кто был с ними плохо знаком. Поэтому в дальнейшем полководцы стремятся к тому, чтобы приучить и людей, и лошадей к их виду.

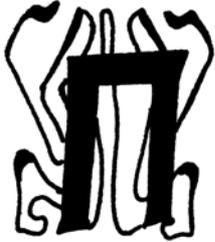
Во-вторых, это обоюдоострое оружие могло легко быть обращено против их хозяев (яркий пример этому – битва у Беневента)⁴⁴.

Наконец, в-третьих, содержание слонов было, в общем, делом обременительным, этих животных следовало долго воспитывать, они были довольно капризны, чувствительны к перепадам температуры, а также довольно пугливы и неманеврены.

⁴⁴ См. подробнее: *Казаров С. С.* Последняя кампания царя Пирра в Италии // АМА. 2002. Вып. 11. С. 15–22.

ЛЕУС В. А. (САРАТОВ)

СЦИПИОН И ГЕРКУЛЕС

ублий Корнелий Сципион Африканский Старший (ок. 235 – ок. 183 гг. до н. э), победитель Ганнибала, был одним из самых знаменитых героев римской истории. Его жизненный путь, обойденный вниманием Плутарха, известен нам благодаря сочинениям Полибия, Тита Ливия, Аппиана. Античные авторы приписывали Сципиону все возможные добродетели: великодушие, благочестие, мужество, патриотизм. Хотя такими качествами наделялись многие римские полководцы, Сципион явно выделялся среди них – его отличительной чертой стала «легенда о Сципионе». Рассказывали, будто Публий действовал, повинаясь сновидениям и ниспосланным с неба знамениям (Liv. XXVI.4), что его породили бессмертные боги (Val. Max. VI.9.2).

Легенда о Сципионе Африканском окончательно сформировалась к эпохе Августа. Но не всегда можно уверенно определить точное время возникновения отдельных ее элементов. Все скольконибудь важные фрагменты источников найдены и изучены в историографии¹. Важно отметить, что античность не оставила нам полного изложения Сципионовой легенды, и сведения о ней весьма отрывочны. Легенда возникла еще при жизни Сципиона (неизвестно, какое участие сам Сципион принимал в ее складывании), позд-

¹ Бобровникова Т. А. Религиозно-правовые аспекты Сципионовой «легенды» // Древнее право. Ius antiquum. 1999. № 1 (4). С. 44–55; Schur W. Scipio Africanus und die Begründung der römischen Weltherrschaft. Leipzig, 1927. S. 95–104; Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933. P. 9–30; Bengtson H. Scipio Africanus. Seine Persönlichkeit und seine weltgeschichtliche Bedeutung // HZ. 1943. Bd. 168. S. 487–508; Walbank F. W. The Scipionic Legend // PCPhS. 1967. Vol. 13. P. 54–69; Scullard H. H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970. P. 18–23; Gabba E. P. Cornelio Scipione Africano e la Leggenda // Athenaeum. 1975. Vol. 53. P. 3–17.

нее она формировалась, обогащаясь новыми сюжетами и изменениями уже известных. Проследить эти метаморфозы трудно, однако, осмыслив развитие легенды, можно будет выяснить отношение античных авторов к Сципиону и его эпохе. И хотя к деятельности Сципиона относились по-разному, он занимает особое место среди своих современников. А по меткому замечанию Ф. Уолбанка, если бы не осталось никаких иных свидетельств, то величие Сципиона и его значимость для римского государства можно было бы предположить исходя только из самого факта существования легенды².

В представлениях римлян Сципион связывался с тремя богами: наиболее тесно с Юпитером, но эпизодически также с Нептуном и Геркулесом. В источниках встречаются упоминания о том, что перед всеми важными событиями Сципион посещал храма Юпитера Капитолийского (Liv. XXVI.19)³. В целле этого храма после смерти Сципиона была помещена его восковая маска (*imago*), откуда ее выносили во время похоронных процессий представителей рода Корнелиев (Val. Max. VIII.15.1; App. *Ib.* 23)⁴. А в конце I в. до н. э. Гн. Корнелий Блазион (консул 105 г. до н. э.) отчеканил монету, на реверсе которой изображена Капитолийская триада (Юпитер, Юнона и Минерва), а на аверсе – предположительно портрет Сципиона⁵.

С Нептуном связано рождение одного из самых известных эпизодов Сципионовой легенды. Полибий рассказывает, что Сципион, осаждая в 209 г. до н. э. Новый Карфаген, в ночь перед приступом объявил своим войскам, что ему во сне явился Нептун (у Полибия – Посейдон) и пообещал свою помощь в нужный момент

² Walbank F. W. Op. cit. P. 69.

³ Хотя Сципион в начале общественной деятельности подолгу не был в Риме, но отвергать посещения храма полностью причин нет. Ср.: Polyb. X.5.5.

⁴ Когда именно маска была помещена в храм Юпитера, неизвестно. Предполагают, что это произошло в период возвышения рода Корнелиев (при Сципионе Эмилиане или Л. Корнелии Сулле). См.: Walbank F. W. Op. cit. P. 55; Haywood R. M. Op. cit. P. 28; Scullard H. H. Op. cit. P. 21.

⁵ Mattingly H. Roman Coins. L., 1928. P. 74; Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. Vol. I. P. 309–310; Scullard H. H. Op. cit. P. 249–250.

(X.11.5–8). На следующий день вода в лагуне, окружавшей с северной стороны город, чудесным образом отошла и дала возможность Сципиону переправить отряд и атаковать городскую стену (X.14.7–12). Любопытно отметить, что остальные дошедшие до нас эпизоды Сципионовой легенде больше не содержат каких-либо намеков на Нептуна⁶.

В настоящей работе я хочу проследить возникновение и этапы развития одного из аспектов Сципионовой легенды, а именно взаимосвязь образов П. Сципиона и Геркулеса. Причины ее возникновения, скорее всего, лежат в противостоянии римлян и карфагенян, а дальнейшее формирование этой взаимосвязи имело, по-видимому, несколько другие основания.

Известно, что в походе через Альпы Ганнибал претендовал на божественное покровительство Геркулеса (Нер. *Han.* 3.4; Liv. XXI.41.7). Ливий упоминает, что после взятия Сагунта в 219 г. до н. э. Ганнибал отправился в Гадес, где он исполнил прежние обеты Геркулесу – финикийскому Мелькарту⁷ – и дал новые (XXI.21.9). Этот шаг Ганнибала свидетельствует о необходимости убедить собственных воинов, союзников и врагов, что божество сражается на стороне карфагенян и победа армии Ганнибала обеспечена⁸. В рамках этой пропаганды нужно рассматривать и сон Ганнибала, будто бы приснившийся ему перед походом на Италию. Божественного вида юноша обещал Ганнибалу служить ему проводником через Альпы и велел, не оглядываясь, идти за ним. Ганнибал, как это обычно бывает, послушался и, взглянув назад, увидел чудовищного змея, который разрушал все на своем пути – это было

⁶ Ср.: Liv. XXVI.45.9. См.: Scullard H. H. Op. cit. P. 39–64; Walbank F. W. Op. cit. P. 59–68; Lillo A. and M. On Polybius X.10.12 f.: The Capture of New Carthage // *Historia*. 1988. Bd. 37. H. 4. S. 477–480; Lovejoy J. The Tides of New Carthage // *CPh*. 1972. Vol. 67. № 2. P. 110–111.

⁷ Мелькарт – «царь города» – покровитель Тира и бог финикийских завоеваний. В Гадесе ему был посвящен огромный храм (Strabo. III.168).

⁸ *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1981. С. 66; *Лансель С.* Ганнибал. М., 2002. С. 104; Walbank F. W. Op. cit. P. 55.

опустошение Италии (Cic. *Div.* I.49; Liv. XXI.22.6–9; Val. Max. I.7.1; Sil. It. *Pun.* III.163–214)⁹.

Естественным ответом на пунийскую пропаганду могло стать желание римлян найти своего героя, окруженного ореолом божественного покровительства. Такого рода отношения уже не были необычными для римской религии, к тому моменту испытавшей некоторое влияние со стороны греческих культов. Эпоха Пунических войн – это время широких контактов Рима с эллинистическим миром. Внутренние и внешние потрясения – будь то войны, или раздоры в римском народе – это свидетельство того, что нарушен *pax deorum* и необходимость его восстановить заставляет римлян приглашать в свой пантеон новых богов (культ Великой Матери богов – 205 г. до н. э.), почитать старых новыми обрядами, посетить греческие культовые центры (поездка Фабия Пиктора в Дельфы после Каннского сражения). Рим утверждался на мировой арене, возводя происхождение своего основателя Ромула к троянцу Энею. Этот поиск исторических корней идет и на другом уровне – знатные римские роды к этому времени уже стали выводить свои родословные от героев (как троянских, так и римскимх)¹⁰.

Геркулес был самым почитаемым героем не только в Греции, но и Италии. Многие римские политики претендовали на связь с Геркулесом – в том числе такие видные фигуры, как Сципион, Помпей, Цезарь, Антоний, Август¹¹. Кроме того, в источниках имеются упоминания о том, что с Геркулесом связывал свою родословную род Фабиев (Plut. *Fab.* 1; Ovid. *Fast.* II.237; *Ex Ponto* III.3.100; Iuven. VIII.14; Sil. It. VI.633–635). По сообщению Плиния (*Nat. hist.*

⁹ Цицерон сообщает, что эти сведения восходят к греку Силену, сопровождавшему Ганнибала. Исследователи в целом согласны, что в этом божественном юноше, проводнике Ганнибала через Альпы, следует видеть Геркулеса (De Witt N. J. *Rome and the “Road of Hercules”* // TAPhA. 1941. Vol. 72. P. 59–69; Scullard H. H. *Op. cit.* P. 19).

¹⁰ Wiseman T. P. *Legendary Genealogies in Late-Republican Rome* // GR. 1974. Vol. 21. № 2. P. 153–164.

¹¹ Anderson A. R. *Heracles and His Successors: A Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type* // HSCP. 1928. Vol. 39. P. 7–58. Сведения о Сципионе приведены на страницах 31–37.

XXXIII.44), в 269 г. до н. э., в консульство Кв. Огульния и Г. Фабия, в оборот была пущена серебряная монета: на реверсе изображена волчица с двумя младенцами, на аверсе – Геркулес. Известно, что Фабии и Корнелии Сципионы враждовали между собой, и эта борьба вполне могла принять и форму соперничества за божественного покровителя.

Попытаемся проанализировать свидетельства, хоть как-то касающиеся отношений Сципиона и Геркулеса. Из-за практической невозможности определить точное время зарождения этих историй, будем лишь отмечать время их фиксации в источниках. Хотя то, что мы не находим более ранних сведений, не означает, что их не было вовсе.

Наиболее раннее сравнение Сципиона с Геркулесом следует искать в комедии Плавта «Амфитрион». Плавт был современником Сципиона, и, как установлено, его произведения имеют достаточно высокую злободневность. Поэтому они часто служат источником по изучению эпохи Пунических войн¹². Комедия «Амфитрион» датируется около 190 г. до н. э., и в качестве зрителей ее могли видеть как ветераны кампаний Сципиона, так и он сам. Что касается сюжета, то Плавт не отходит от греческих образцов. Юпитер спускается к возлюбленной им Алкмене, приняв облик ее мужа Амфитриона, и проводит с ней ночь, по продолжительности равную трем. Так и был зачат величайший герой Греции Геркулес. Впрочем, некоторые отсылки к действиям Сципиона исследователи все же пытаются увидеть в самом тексте комедии. Например, в прологе (*Amph.* 41–45) Меркурий заявляет, что Нептун и другие боги оказали римлянам некую помощь, которую можно принять за реминисценцию истории со взятием Нового Карфагена в 209 г. до н. э. Фи-

¹² Кац А. Л. Проблема рабства у Плавта и Катона // ВДИ. 1964. № 3. С. 81–90; Сергеенко М. Е. *Servus bonus* у Плавта // ВДИ. 1977. № 1. С. 189–192; Трухина Н. Н. Герой и антигерой Плавта // ВДИ. 1981. № 1. С. 162–185; West A. F. On a Patriotic Passage in the *Miles Gloriosus* of Plautus // *AJPh.* 1887. Vol. 8. № 1. P. 15–33; Frank T. Some Political Allusions in Plautus' *Trinummus* // *AJPh.* 1932. Vol. 53. P. 152–156; Owens W. M. Plautus' *Stichus* and the Political Crisis of 200 B. C. // *AJPh.* 2000. Vol. 121. № 3. P. 385–407.

лигранный разбор «Амфитриона» Плавта сделал в специальной работе К. Галинский¹³. Он утверждает, что Сципион сравнивается в пьесе и с Юпитером, и с Амфитрионом, а драматическая путаница между ними только усиливает значимость этого аспекта. Сципионовы аллюзии не связаны только с одним героем, а вводятся более искусно и углубляют не только атмосферу, присущую трагикомедии, но и непрекращающуюся взаимосвязь божественного и человеческого протагонистов. В 27 стихе Меркурий представляет Юпитера как человека, несмотря ни на что: *humana matre natus humano patre*. Строго говоря, эта строка относится только к актеру, играющему роль Юпитера, но она могла означать и то, что «нынешний Юпитер», Сципион, не более чем простой смертный¹⁴. Чуть позднее Плавт говорит, что пьеса не может быть комедией, так как в ней участвуют цари и боги (*Amph.* 61). А ведь Сципиону вменяли в вину именно то, что он будто бы вел себя по-царски (*Liv.* XXXVIII.51.4; *Polyb.* X.40.9)¹⁵. Впрочем, Плавт не выглядит серьезным сторонником М. Порция Катона, самого непримиримого противника Сципиона, и намеки на него скорее насмешка, чем обвинение¹⁶.

Теперь обратимся к другому современнику Сципиона, поэту Эннию – певцу его подвигов, чья статуя была установлена в гроб-

¹³ Galinsky G. K. Scipionic Themes in Plautus' *Amphitruo* // TAPhA. 1966. Vol. 97. P. 203–235.

¹⁴ Ibid. P. 214–215.

¹⁵ См.: Scullard H. H. Op. cit. P. 173–176. Ср.: *Liv.* XXVIII.42.22, XXXVIII.54.6; *Sen. Ep.* 86.3.

¹⁶ Frank T. Op. cit. P. 156; Galinsky G. K. Op. cit. P. 215. Об обвинениях сторонников Катона против Публия и Луция Сципионов см.: *Polyb.* XXIII.14; *Liv.* XXXVIII.50.4–60.10. Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 303–307; *ее же*. Судебные процессы Сципионов (опыт исторической реконструкции) // Древнее право. *Ius antiquum*. 2001. № 1 (8). С. 66–74; Haywood R. M. Op. cit. P. 86–105; Scullard H. H. Op. cit. P. 217–222. Note 178. Надо сказать, что многие исследователи отказываются видеть в пьесе Плавта намеки на Сципиона (*Walbank F. W.* Op. cit. P. 57; Бобровникова Т. А. Религиозно-правовые аспекты... С. 47–48). Но незначительность этих намеков восполняется их большим числом. Я склоняюсь к тому, что Плавт, в чьих произведениях часто за невинными фразами находят политический подтекст, не мог обойти вниманием фигуру Сципиона.

нице Сципионов за Капенскими воротами в Риме (Liv. XXXVIII.56.4). Вклад Энния в формирование Сципионовой легенды был очень значителен. Считается, что ему (в недошедшей поэме *Scipio*) принадлежит первенство в создании канонического круга героев – Либер, Эак, Диоскуры, Геркулес и Ромул – позднее сыгравших свою роль не только при обожествлении римских императоров, но даже повлиявших на учение о христианских святых¹⁷. Предполагают, что Энний пытался героизировать и Сципиона. И основным доказательством этого было двустишие Энния, сохраненное Цицероном (*De rep.* Fr. 6), Сенекой (*Ep.* 108.34) и Лактанцием¹⁸. Христианский автор Лактанций в «Божественных установлениях» сообщает, что Сципион, как и Геркулес, находится среди богов (*Div. inst.* I.9)¹⁹, и чуть далее утверждает, что человек, погубивший многие тысячи людей, «не только в храм, но даже и на небо был допущен» (*ille autem qui infinita milia hominum trucidavit ... non modo in templum sed etiam in caelum admittitur*). У Энния, продолжает Лактанций, Сципион говорит так:

*Si fas endo plagas caelestum ascendere cuiquam est,
Mi soli caeli maxima porta patet...*²⁰

Затем Лактанций приводит свои благочестивые комментарии и мысль Цицерона, обращенную к нашему герою – «верно, Сципион, также и Геркулесу та самая дверь была открыта»²¹ (*ibid.* I.18).

¹⁷ Бобровникова Т. А. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния // Древнее право. *Ius antiquum*. М., 1997. № 1 (2). С. 40–44; Walbank F. W. *Op. cit.* P. 56; Scullard H. H. *Op. cit.* P. 22. Note 11.

¹⁸ Anderson A. R. *Op. cit.* P. 31–32.

¹⁹ *Hercules qui ob virtutem clarissimus et quasi Africanus inter deos habetur*. Поведение Геркулеса признавалось за образец доблести (*virtus*) еще Цицероном (*Pro Sestio*. 143).

²⁰ «Если возможно взойти в небожителей горную область,
Мне одному отперта неба великая дверь»

(перев. С. А. Ошерова).

²¹ *Scilicet quia magnam partem generis humani extinxit ac perdidit. O in quantis tenebris, Africane, versatus es, vel potius o poeta qui per caedes et*

Этот фрагмент из трактата Цицерона «О государстве» (fr. 6) мы находим также в письме Сенеки к Луцилию. Сенека предполагает, что выражение *caeli maxima porta* Вергилий (*Georg.* III.260–261) взял у Энния, а тот, в свою очередь, похитил его у Гомера²².

Нет сомнения в том, что идея героизации вовсе не римская, но Энний и не был римлянином, он родился в Калабрии, Великой Греции, где процветал культ героев²³. Предположение, что сам Сципион способствовал продвижению в Риме греческой идеи героизации и апофеоза, аргументировано опровергнуто Х. Скаллардом²⁴.

Тот же самый круг героев, следуя за Эннием, повторяет Гораций (*Carm.* IV.8)²⁵. В посвященной Цензорину²⁶ оде, Гораций предлагает ему в дар вместо бронзовых чаш, треножников и мраморных изваяний свои стихи. Ведь героев не славят так надписи во мраморе и даже сами их подвиги, как это делают поэты:

*non incisa notis marmora publicis,
per quae spiritus et vita redit bonis
post mortem ducibus, [non celeres fugae
reiectaeque retrorsum Hannibalis minae
non incendia Karthaginis inopiae
eius qui domita nomen ab Africa
lucratus rediit] clarius indicant
laudes quam Calabriae Pierides...*

sanguinem patere hominibus ascensum in caelum putaveris! Cui vanitati etiam Cicero adsensit. Est vero, inquit, Africane, nam et Herculi eadem ista porta patuit.

²² Этот же образ мы видим у Силия Италика (*Pun.* XV.78).

²³ Haywood R. M. Op. cit. P. 20.

²⁴ Scullard H. H. Loc. cit.

²⁵ Elter A. Donarem Pateras. Bonn, 1907. См. также: Anderson A. R. Op. cit. P. 32; Walbank F. W. Op. cit. P. 56.

²⁶ Правда, неясно, Л. Марцию Цензорину, консулу 39 г. до н. э., или Г. Марцию Цензорину, консулу 8 г. до н. э., сделано это посвящение. Существуют убедительные доказательства в пользу того и другого. Harrison S. J. The Praise Singer: Horace, Censorinus and Odes IV.8 // JRS. 1990. Vol. 80. P. 32–33. См. также: Ensor E. On Horace Odes IV.8.13–22 // CR. 1903. Vol. 17. № 5. P. 256–258.

Hor. *Carm.* IV.8.13–20²⁷

По мнению Горация, Энний, вдохновляемый калабрийскими музами, прославил Сципиона сильнее, чем это сделали его подвиги. Далее Гораций перечисляет людей, перенесенных в божественные выси – Ромула, Эака, Геркулеса²⁸, Тиндаридов, Либера.

Дальнейшее развитие тема Геркулеса в легенде о Сципионе получает в поэме Силия Италика «Пуническая война». Так, Марс в ней сообщает Сципиону, что его отец – Юпитер²⁹, страсть которого к матери Сципиона зажгла Венера, чтобы на свет появился защитник Рима и победитель Карфагена, которому покровительствует Юнона (XIII.615–620). Помпония же сравнивается не с Олимпиадой, матерью Александра, что было характерно для I в. н. э. (время написания поэмы)³⁰, а с Алкменой и Ледой³¹.

Наиболее значителен, однако, эпизод, в котором Сципион находится на распутье двух дорог, как пишет А. Р. Андерсон – *Scipio in Bivio*³². Публий, безбородый юноша, обдумывая, стоит ли ему возглавить войско римлян в Испании, встречает Наслаждение

²⁷ «Знаки, что на камнях врезаны волею || Граждан, дабы вернуть рати водителю || Жизнь по смерти и дух; бегство поспешное || Ганнибала; гроза, вспять обращенная || На него же; пожар града безбожного, || Карфагена, – вождя, имя кому дала || Покоренная им силою Африка, || Не прославят звончей песни калабрийских Муз» (перев. Г. Ф. Церетели).

²⁸ *Sic Iovis interest || optatis epulis impiger Hercules* (IV.8.29–30).

²⁹ *Sil. It. Pun.* IV.475–476:

*Macte, o macte indole sacra,
Vera Iovis proles.*

³⁰ В целом, все-таки отсутствие аллюзий с историей Александра выглядит логично. Подвиги Геркулеса не менее удивительны, чем деяния македонского царя, и отсутствие «змеиных» легенд в поэме Силия Италика ничуть не обедняет созданный им образ Сципиона.

³¹ *Sil. It. Pun.* XIII.628–633:

*Excipit his mater: “Nullos, o nate, labores
mors habuit nostra: aetherio dum pondere partum
exsolvor, miti dextra Cyllenia proles
imperio Iovis Elysias deduxit in oras;
attribuitque paris sedes, ubi magna moratur
Alcidae genatrix, ubi sacro munere Leda”.*

³² *Anderson A. R. Op. cit.* P. 36.

(*Voluptas*) и Доблесть (*Virtus*), которые предлагают ему выбрать ту, которой ему надлежит следовать. Призыв Доблести обладает явно большей ценностью (XV.68–119). *Virtus* говорит, что души простых смертных попадают в мрачные подземелья, а тем, кто обязан своим зарождением роду богов, открыта дверь неба³³. И затем следует описание подвигов уже известных нам героев. По сообщению Ксенофонта (*Memor.* II.1.21–34), о встрече Геракла с Доблестью ('Αρετή) и Наслаждением рассказывал софист Продик.

Секст Аврелий Виктор, автор IV в. н. э., в приписываемом ему труде «О знаменитых мужах города Рима»³⁴ открывает свою краткую биографию Сципиона словами, что на ложе матери Сципиона обнаружили змея, а позднее младенца обвила змея, не причинив ему никакого вреда³⁵. Подобно этому змеи, подсланные Герой, появились у колыбели младенца Геркулеса и тот также остался невредим (*Apollod.* II.4.8; *Pin. Nem.* I.49). Правда, этот рассказ Аврелия Виктора имеет довольно позднее происхождение, ведь еще Цицерону не было известно о существовании такой легенды о Сципионе. В трактате «О предвидении» Цицерон сообщает, что ак-

³³ *Sil. It. Pun.* XV.75–78:

*Sed foedere certo
degeneres tenebris animas damnauit Auernis.
at, quis aetherii servatur seminis ortus,
caeli porta patet.*

³⁴ *Sage M. M. The De Viris Illustribus: Chronology and Structure // TAPhA.* 1978. Vol. 108. P. 217–241.

³⁵ *Aur. Vict. De vir. ill.* 49.1: *serpens in lecto matris eius apparuit, et ipsi parvulo draco circumfusus nihil nocuit.* В виде змея, по римским поверьям, мог явиться как дух предка, так и любое божество – к примеру, Юпитер (*Verg. Aen.* V.84–95). О появлении змея на постели Помпонии и зачатии ребенка говорится у многих авторов (*Liv.* XXVI.19.7; *Gell.* VI.1.2–4; *Dio Cass.* LVI.38–39; *Val. Max.* I.2.2). Как известно, такой же рассказ существовал и о зачатии Александра Македонского (*Plut. Alex.* 2.6, 3.3; *Just.* XI.11.3–5, XII.16.2). Подробнее об этом см.: *Ладынин И. А. Сюжет рождения Александра Великого от змея: К вопросу о времени и исторических условиях возникновения // ААе. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 28–41. Исследователи склонны предполагать, что сюжет о зачатии Сципиона от змея возник в эпоху Августа (о рождении самого Августа известно множество легенд. См.: *Suet. Div. Aug.* 94.1–4; *Dio Cass.* XLV.1).*

тера Росция в детстве обвила большая змея. «Отец Росция позже обратился к гаруспикам, которые ответили, что мальчик, когда вырастет, превзойдет всех славой и благородством» (*Pater autem Roscii ad haruspices rettulit, qui responderunt nihil illo puero clarius, nihil nobilius fore* – *Div. I.79*. Перев. М. И. Рижского). Чуть позднее Цицерон комментирует ответ гаруспиков так: «Я удивляюсь тому, что бессмертные боги предвозвестили будущую славу комедианту, но ничего не возвестили о Сципионе Африканском!» (*Miror deos immortales histrioni futuro claritatem ostendisse, nullam ostendisse Africano* – *Div. II.66*). Возможно (хотя и маловероятно), что Цицерон не знал о существовании этих рассказов; но может быть и так, что этот аспект легенды косвенно обязан своим появлением Цицерону – возможно, позднейшие авторы, знакомые с трактатом Цицерона и историей Геркулеса, решили восполнить «недостаток» в легенде о Сципионе.

Но перечисленные выше фрагменты Цицерона, Горация, Сенеки, Силия Италика, Лактанция, *De viris illustribus* можно принять за литературное упражнение – некий топос для более поздних авторов, сравнивавших полководца древности с легендарным греческим героем. И очень важно отделить ядро легенды о Сципионе от позднейших напластований. Ведь для появления литературной традиции нужны веские основания, например, существование таких рассказов во времена Сципиона. Причина для их возникновения была – ответ на пунийскую пропаганду, надо признать довольно мощную и направленную не только на карфагенян и иберов, но и, посредством Силена, на греческий мир. Поэтому, несмотря на отсутствие надежных свидетельств, относящихся к эпохе Пунических войн, я все же считаю, что знатные римские роды к этому времени уже стали возводить своих предков к богам и героям. А идея сравнения Геркулеса и Сципиона зародилась еще при жизни последнего.

ТРОФИМОВ М. П. (ПЕРМЬ)

ВОССТАНИЯ РАБОВ НА СИЦИЛИИ В «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ» ДИОДОРА

фрагменты XXXIV/XXXV–XXXVI книг «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского¹, в которых описываются первое (ок. 137–132 гг. до н. э.) и второе (104–101 гг. до н. э.) восстания рабов на Сицилии, привлекают пристальное внимание исследователей по ряду причин. Во-первых, это важнейший источник по истории социальных движений античности. Во-вторых, сведения Диодора необходимы для изучения экономических отношений, в частности, проблемы античного рабства. И, наконец, в данных фрагментах содержится ценнейшая информация об особенностях функционирования римской системы провинций. Однако нас интересует другая проблема, а именно, каким образом в описании сицилийских рабских восстаний отразились взгляды самого Диодора.

Диодор описывает бедствия сельскохозяйственных рабов на Сицилии. Хозяева жестоко обращались с рабами, подвергая их унижительным и бесчеловечным наказаниям. Зачастую рабы были вынуждены заниматься грабежом, чтобы хоть как-то обеспечить свою жизнь, тем более что многие из этих рабов были пастухами, имеющими оружие для защиты стад от воров и диких зверей. Официальные римские власти были бессильны исправить ситуацию, так как большая часть сицилийских земель принадлежала римским всадникам, которые обладали правом суда над наместниками². Таким образом, Диодор снимает вину за восстание

¹ Первое восстание рабов см.: XXXIV–XXXV.2.1–23; второе восстание рабов см.: XXXVI.2–9.

² В данном случае Диодор допускает явный анахронизм, поскольку появление суда всадников датируется 122 г. до н. э.

с рабов. Только тяжелейшие условия жизни толкнули их на выступление. Виновниками для историка являются сами римляне. Они же были виновны в разжигании второго восстания. Римляне должны были освободить рабов из союзных Риму государств, попавших в неволю за долги. Но коррупция в управлении провинцией была по-прежнему сильна. Претор Лициний Нерва освободил лишь чуть больше 800 человек, а остальные просьбы не были им удовлетворены. Итак, причинами рабских восстаний на Сицилии, по Диодору, были несовершенное управление и жестокое обращение с рабами.

Восстание рабов быстро набрало обороты. Количество восставших достигло двухсот тысяч человек. Ими были захвачены города. Рабам удавалось с такими силами долгое время успешно бороться с римскими войсками. Во втором выступлении участников было меньше (до сорока тысяч человек), да и города восставшим взять не удалось. В результате долгой борьбы оба мятежа были жестоко подавлены римлянами.

Было бы соблазнительно вслед за Б. Фаррингтоном видеть в этих фрагментах представления Диодора о некоем идеальном обществе, которое начали строить рабы³. Восставшие, в отличие от свободной бедноты, громившей и грабившей дома и виллы богатых, действительно старались сберечь виллы и другие необходимые постройки от уничтожения, так как нуждались в продовольствии.

Однако даже если рабы и приступили к строительству нового общества, то это общество и государство очень напоминало эллинистические монархии. И в первом, и во втором восстании рабы избирали царей. Так как среди сицилийских рабов было много выходцев с эллинистического Востока, они просто перенесли традиции своей родины на общество, которое они пытались организовать после освобождения. Вождь первого восстания Евн был по происхождению сириец из Апамеи. Став царем, он начал вести себя по-царски. Он окружил себя придворным штатом (в котором был

³ *Farrington B. Diodorus Siculus Universal Historian. Swansea, 1937. P. 21 ff.*

даже шут), слугами. Бывший раб завел в своей резиденции Энне сложный дворцовый церемониал. Ближайшие друзья правителя и наиболее выдающиеся из рабов вошли в царский совет. Существовало и народное собрание. Связь с эллинистической политической традицией обнаруживается в тронном имени Евна – Антиох. Немаловажное значение для его подданных имели «особые отношения» Евна с богами. Он, еще будучи рабом, прославился как прорицатель грядущего, которое ему открывала сирийская богиня, по видимому, Астарта. Для бывших рабов – уроженцев Востока – такая связь с высшими силами означала царственность. И во время второго восстания царем был избран Сальвий, принявший имя Трифон, который более всего до этого прославился умелым гаданием по внутренностям животных и игрой на флейте во время оргиастических ритуалов. Другой вождь, Афинион, неоднократно говорил о пророчестве, которое гласило, что он станет царем Сицилии. Афинион постоянно играл на религиозных чувствах своих товарищей, заявляя, что принимать решения ему подсказывают боги. Все эти примеры сверхъестественной связи правителя с богами в данном случае представляют собой демонстрацию восточного – эллинистического – политического опыта. Необходимо отметить, что позиция Диодора по отношению к этим сведениям была крайне негативной.

Стоит сказать, что образ царя Евна в произведении Диодора явно отрицательный, несмотря на интерес писателя к историческим личностям. Он – обманщик, хвастун, дешевый фокусник и фигляр. Во время войны с римлянами он доверил войско другим, сам же укрывался в Энне. После захвата города римскими войсками он трусливо бежал и даже не имел мужества покончить с собой. И смерть его в плену была позорной: он погиб в тюрьме в Моргантине, изъеденный вшами, «способом, вполне соответствующим его плутовству», – как заключает Диодор (οἰκεῖως τῆς περὶ αὐτὸν ῥαδιουργίας – XXXIV–XXXV.2.23).

Общественные отношения в этом новом государстве рабов также не выходят за рамки привычных. В этом смысле следует,

скорее всего, согласиться с выводом П. Видаль-Накэ: «Если бы его (Евна – М. Т.) правление продолжалось долго, то у восставших, без сомнения, появились бы собственные рабы»⁴. Диодор отмечает, что после резни в захваченных городах уцелевшие жители (особо выделены оружейные мастера) в кандалах отправляются на работу в пользу восставших. И Афинион, один из вождей второго восстания, не принимал в войско всех желающих, а только лучших. Остальные же должны были продолжать трудиться на старом месте. Таким образом, рассказ Диодора не позволяет заключить, что он считал восстания рабов попыткой построения нового общества, как считают некоторые из современных ученых⁵.

Скорее всего, такой интерес Диодора к сюжету рабских восстаний обусловлен другой причиной. Он явно симпатизирует восставшим рабам, несмотря на ряд поступков и событий, которые противоречат его гуманистическим принципам. Ключевой фразой для понимания отношения Диодора к описываемым им событиям и, возможно, в целом к рабству является следующий пассаж из «Исторической библиотеки»: «...видно, что все, содеянное рабами по отношению к господам, не было результатом жестокости их природы, но явилось воздаянием за совершенные над ними раньше обиды». Рабы убивали своих господ, но тех, кто проявлял к ним симпатию и сострадание, они щадили⁶. Диодор, разделяя взгляды стоиков на природу рабства, как бы ведет дискуссию со сторонниками традиционного взгляда на рабов. Стоики, признавая все че-

⁴ Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 192.

⁵ Burde P. Untersuchungen zur antiken Universalgeschichtssreibung. München, 1974. S. 52; Строецкий В. М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький, 1985. С. 36–38. Против подобного рода интерпретаций в свое время возражал П. Грин, который не видел оснований связывать рабские восстания с попыткой построения нового общества (Green P. The First Sicilian Slave War // PP. 1961. Vol. 20. P. 24).

⁶ Например, знаменитый эпизод с Дамофилом и Мегалидой, которые были убиты за свою жестокость, тогда как их дочь спаслась, благодаря заступничеству собственных рабов (XXXIV–XXXV.2.10 sq.).

ловечество гражданами единого всемирного Космополиса, задумывались и о природе человеческого неравенства. Так, Хрисипп отвергал благородное происхождение как критерий достоинства и называл рабов постоянными наемными работниками, ограниченными только бессрочной службой (*SVF*. III.350–351). Как отмечает Х. К. Болдри, «это не отрицание рабства, но, по крайней мере, отказ от естественного рабства Аристотеля»⁷. Диодор на конкретно-исторических примерах показывает, что рабство – это социальная категория, что природа всех людей одинакова независимо от их положения в обществе⁸. Рабы, как и свободные люди, могут быть и жестокими, и гуманными; могут разрушать и созидать; могут обладать талантами и быть ничтожными личностями⁹. В целом, нужно отметить, что показ исторических событий как моральных уроков – это одна из составляющих концепции сицилийского историка. Примеры восхваления или порицания людей за соответствующие поступки можно в большом количестве найти и в других книгах сочинения Диодора.

Г. Вербрюгге в одной из статей обращает внимание на ряд противоречий и несоответствий в тексте Диодора, сравнивая текст «Исторической библиотеки» с сообщениями Тита Ливия и Цицерона¹⁰. Ливий писал о событиях до, а Цицерон о событиях после рабских восстаний, следовательно, сведения, приводимые Диодором, должны соответствовать данным этих авторов. Однако в изображении этими авторами экономической ситуации на Сицилии II–I вв. до н. э. есть существенные расхождения.

⁷ Baldry H. C. The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambr., 1965. P. 165.

⁸ П. Гарнси считает, что в словах Диодора отражается критика системы рабовладения, связанная со стоической доктриной. См.: Garnsey P. Ideas of Slavery from Aristotle to Augustine. Cambr., 1996. P. 53 ff.

⁹ Кроме того, в этих фрагментах можно обнаружить идею возмездия за преступления, также свойственную взглядам Диодора. См.: Pavan M. La teoresi storica di Diodoro Siculo // RAL. 1961. Ser. VIII. Vol. XVI. F. I. P. 143–144.

¹⁰ Verbrugge G. Sicily 210–70 B. C.: Livy, Cicero and Diodorus // TAPhA. 1972. Vol. 103. P. 535–559.

Диодор называет главной отраслью сельского хозяйства на Сицилии скотоводство. Однако Ливий и Цицерон подчеркивают, что главной отраслью было земледелие, ориентированное на товарное производство зерна. Как известно, Сицилия являлась житницей Рима¹¹.

Кроме того, только Диодор указывает на высокую роль римских всадников и италиков в экономике Сицилии. Римские авторы говорят о том, что главными собственниками земель были местные жители. Несмотря на то, что Диодор неоднократно повторяет слова о римлянах, жестоко притеснявших обитателей острова, имена землевладельцев и рабовладельцев, появляющиеся в тексте «Исторической библиотеки» греческие, например, Дамофил и Мегалида, Антиген¹².

Наконец, главный класс непосредственных производителей у Цицерона – это мелкие собственники. Это не исключает существования крупной земельной собственности, о которой Цицерон также говорит, но согласно ему основная часть земель принадлежала мелким крестьянам. Диодор же подчеркивает значение латифундий и соответственно рабского труда в хозяйстве Сицилии¹³.

Г. Вербрюгге считает, что те основные экономические причины, которые, по мнению Диодора, вызвали рабские восстания, недостоверны и использование Диодора Сицилийского как источника по хозяйственной жизни Сицилии рубежа II–I вв. до н. э. должно быть осторожным и ограниченным¹⁴.

Однако, сделав этот вывод, Г. Вербрюгге не дает ответа на крайне важный вопрос: чем был вызван именно такой характер повествования Диодора. Противоречивость сообщений сицилийского историка выглядит тем более странно, если учесть тот факт, что

¹¹ *Verbrugge G.* Op. cit. P. 540–541.

¹² *Ibid.* P. 541–544.

¹³ *Ibid.* P. 545–547.

¹⁴ *Ibid.* P. 559.

Диодор сам был уроженцем Сицилии и, следовательно, должен был представлять себе экономическую ситуацию на острове. Складывается впечатление, что сицилийский историк сознательно сгущал краски при описании восстаний.

Можно связать все недоразумения с источниками, из которых историк черпал информацию. Проблема источников Диодора была и остается чрезвычайно актуальной, но состояние источниковой базы не позволяет сделать однозначных выводов. Это в свою очередь порождает дискуссию, не имеющую конца. Остро стоит вопрос об источниках Диодора и по рассматриваемой нами проблеме. Среди авторов, которыми пользовался Диодор, называют Посидония, Рутилия Руфа, Семпрония Азеллиона и других¹⁵. Из них только Посидония можно считать более или менее точно установленным источником. Нельзя забывать и о местной устной традиции, которая практически не восстановима, но ее присутствие очевидно¹⁶.

В рассматриваемых фрагментах изложение носит антиримский характер. Вся вина за восстания возлагается на римлян, и даже те искажения, которые встречаются в тексте, выставляют римлян в самом негативном свете. Это не единственные фрагменты «Исторической библиотеки», где обнаруживается отрицательное отношение к римлянам и Риму, и сложно связать их с одним определенным источником¹⁷.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Характеристика рабских восстаний у Диодора основана на моралистической философии, ряд идей которой заим-

¹⁵ *Matsubara T.* Diodorus' "Sources of Information" for the Sicilian Slave Wars // *Journal of Classical Studies*. 2003. Vol. XLI. См.: http://www.bun.kyoto-u.ac.jp/classics/CSJ/51_2003.html#matsubara

¹⁶ Родина Диодора Агирий находился недалеко от Энны – центра первого рабского восстания, и отзвуки этих событий должны были сохраниться в местных преданиях.

¹⁷ *Sacks K. S.* *Diodorus Siculus and the First Century*. Princeton, 1990. P. 142–154.

ствован у стоиков. Мы не можем утверждать, что Диодор был противником рабства, но очевидно, что его представления о социальном неравенстве основаны на гуманистических принципах. Все люди одинаковы по природе – вот главный вывод Диодора. В рассматриваемом тексте приводится отрицательная характеристика римлян и римской политики, но, скорее всего, она основана не на политике, а все на той же моралистической философии. Чтобы оправдать одну сторону, нужно показать вину другой стороны. Римляне были, по убеждению Диодора, виновны в разжигании восстания, за что и поплатились.

АЛИПОВ П. А. (МОСКВА)

ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ РИМСКОГО НАМЕСТНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ I В. ДО Н. Э.)

то представляло собой Римское государство в первой половине I в. до н. э. в географическом плане? Ядром его являлась Римская республика, расположившаяся на относительно небольшом пространстве, – на Апеннинском полуострове, – а все остальные территории, суммарно охватывающие почти весь бассейн Средиземного моря, считались провинциями, не входящими в состав самого государства. Складывалась, в общем-то, странная ситуация, когда горстка римлян, проживавших в Вечном городе и близлежащих поселениях, могла гордо заявить, что их держава повелевает всеми народами¹, причем заявить это уверенно, тоном, не терпящим никакого возражения. А благодаря чему? Благодаря мощнейшей армии, рассредоточенной главным образом в провинциях. Не было ни одной области в государстве, где не стояли бы гарнизоны, предназначенные для охраны границ Римской державы². Поэтому-то такая гордость сквозила в речах граждан Республики. Конечно, ничего веселого в таком положении вещей не было, ведь несчастным жителям провинций приходилось несладко в условиях иноземного владычества, когда их родные страны выступали в роли источников налогов, сырьевых приделков некоего государства, расположенного за тридевять земель от них. Имелось два выхода из такой ситуации: либо смириться и попытаться приспособиться к новой обстановке (тем более что

¹ *Non est querendum in hac civitate, quae propter virtutem omnibus nationibus imperat, virtutem plurimum posse.* («Нечего сетовать на то, что в нашем государстве, повелевающем всеми народами благодаря своей доблести, самое большое значение придается именно доблести» – Cic. *Verr.* II. IV.37.81. Здесь и далее перев. В. О. Горенштейна за исключением особо отмеченных случаев).

² Ле Бозк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001. С. 31.

предыдущие режимы были отнюдь не мягче новых, римских, порядков), либо поднять восстание, бунт, что редко приводило к желаемому результату. И основная заслуга в этом принадлежит как раз римской армии, которая являлась главным орудием для удержания местного населения в повиновении. Она была залогом римского владычества даже в отдаленных областях Средиземноморья³. Но именно «благодаря» ей провинциалам приходилось смиряться с положением людей второго сорта в государстве, от которого они не могли не испытывать дискомфорт.

Но что думали по этому поводу сами римляне? На этот непростой вопрос можно будет ответить, только уяснив предварительно, как они ощущали себя в качестве владык всего мира. А поскольку самосознание такого рода могло к ним прийти только в результате успешной деятельности представителей римского народа в провинциях, то мы и должны обратить свои взоры именно на них. Поэтому в центре внимания настоящей статьи оказывается фигура римского наместника. Мы попытаемся проанализировать запросы общества к нему с тем, чтобы выяснить, какую роль играла военная функция в кругу его многочисленных обязанностей, занимала ли эта фигура первенствующее место либо всего лишь второстепенную позицию. Решив эту проблему, мы сможем понять, виделись ли римлянам провинции в качестве замиренных территорий или же как арена для демонстрации своей силы.

Вопросы, связанные с управлением провинциями, занимали и отечественных, и западных ученых еще с XIX в., хотя эти вопросы и не относились к приоритетным областям исследований. Что касается означенной нами выше проблемы, то в эпоху расцвета позитивизма она вовсе не рассматривалась. Авторы стремились, прежде всего, перечислить и описать все функции промагистрата, вопрос о приоритете той или иной из них не поднимался. Поэтому традиционным и общепринятым стало то мнение, что римский наместник имел две больших сферы деятельности – военную и судебно-

³ *Елизарова Н. М.* Армия – опора римского господства в провинциях // Учен. зап. Тюменск. пед. ин-та. Тюмень, 1962. Т. 18. Вып. 5. С. 150.

административную⁴. Затем к ним добавили еще и финансовую⁵. Историографическая ситуация несколько изменилась во второй половине XX в., когда вопрос об управлении провинциями заинтересовал многих историков, а это, в свою очередь, породило и новые взгляды на проблему соотношения военных и гражданских функций римского наместника в эпоху поздней Республики. Так, Дж. Ричардсон высказал мнение, что «управление провинциями было главным образом военным делом»⁶, объяснив это тем, что провинция мыслилась как источник дохода для государственной казны и как форпост для последующего расширения Римской державы⁷. Э. Линтотт в своих монографиях⁸ усложнил данное представление: по его мнению, у наместника были все же две «фундаментальные задачи» – военное дело и судопроизводство, только в разных провинциях и в разные периоды времени чашу весов перевешивала то одна, то другая из них (так, у Цезаря в Галлии наблюдался «перекос» в сторону военных задач, а у Цицерона в Киликии эти функции были идеально сбалансированы)⁹.

В России функции промагистратов чрезвычайно подробно рассмотрел А. Л. Смышляев, посвятивший этому вопросу серию своих статей¹⁰. Но, во-первых, он сосредоточил свое внимание на эпохе

⁴ Готлиб А. Провинция // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 333; *его же*. Proconsul // Там же. С. 386.

⁵ Cobban J. M. Senate and Provinces. 78–49 B. C.: Some Aspects of the Foreign Policy and Provincial Relations of the Senate during the Closing Years of the Roman Republic. Cambridge, 1935. P. 138–139.

⁶ Richardson J. Roman Provincial Administration, 227 B. C. to A. D. 117. L., 1976. P. 52.

⁷ Ibid. P. 47.

⁸ Lintott A. Imperium Romanum. Politics and Administration. L.; N. Y., 1993; *idem*. The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999.

⁹ Lintott A. Imperium Romanum... P. 53.

¹⁰ Смышляев А. Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония *adventus* по Ульпиану // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–116; *его же*. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59–70; *его же*. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху ранней Империи) // Государство в истории общества (К проблеме критериев государственности). Сб. ст. М., 1998. С. 282–295; *его же*. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе //

Принципата, а, во-вторых, в основу своих работ он положил сочинения римских юристов¹¹, а потому и выводы получил соответствующие: власть наместника носила, по его мнению, гражданский, а не жестко авторитарный характер. Военные функции промагистрата автором даже не рассматривались. А. Г. Грушевой и Е. П. Грушевая, хотя и анализировали положение дел в поздней Республике, но пришли к заключению, что «происходил своего рода автоматический перенос внутренней, римской традиции на взаимоотношения Рима и провинций», а также на круг обязанностей промагистрата¹². Что же касается общественного сознания, то в нем, по их мнению, еще не сформировались устойчивые представления о том, что должен являть собой хороший наместник¹³. Английский исследователь Д. Браунд высказывает иное мнение: он считает, что римляне имели представление об идеальном наместнике и верили, что таких большинство, хотя, конечно, в семье не без урода¹⁴. С ним позволим себе согласиться и мы, взяв данное положение за стартовую позицию. И хотя, как мы видим, большинство ученых (за исключением Дж. Ричардсона) не склонны выделять какую-либо функцию наместника в качестве основополагающей, мы все-таки попытаемся прояснить взгляд самих римлян на данную проблему.

В качестве источника мы в данной ситуации считаем целесообразным использовать две группы сочинений Марка Туллия Цицерона. Первая, и основная, – это знаменитые «Веррины» – цикл обвинительных речей, подготовленных им для процесса по делу *de*

ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; *его же*. Няня-кормилица в суде римского наместника // ВДИ. 2001. № 3. С. 36–58.

¹¹ Смышляев А. Л. Трактаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции» // Древнее право. М., 1997. № 1 (2). С. 65–73.

¹² Грушевой А. Г., Грушевая Е. П. Некоторые исторические и правовые аспекты римской провинциальной политики в конце Республики и в эпоху ранней Римской Империи (II–I вв. до н. э.) // Древнее право. *Ius antiquum*. М., 2002. № 1 (9). С. 128.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ Браунд Д. Свита (*cohors*) наместника и идеология римского империализма // ВДИ. 1999. № 1. С. 84.

repetundis со стороны бывшего наместника Сицилии Гая Верреса. Как нам кажется, это лучший источник, по которому мы можем судить об общественном мнении римлян эпохи поздней Республики. Дело в том, что обвиняемый как «один из самых жалких ставленников Суллы», по меткому выражению Т. Моммзена¹⁵, осуществлявший свои полномочия в условиях олигархического режима и веривший в полную безнаказанность своих действий, управлял провинцией до крайности цинично, конечно же, не сообразуясь ни с каким общественным мнением. Но самому режиму оставалось жить не так много – в 70 г. до н. э., спустя несколько месяцев после окончания этого процесса, он рухнет.

Так что, можно сказать, речи Цицерона вбили последний гвоздь в крышку гроба сенатской олигархии. И это не пустая метафора: Марк Туллий, в отличие от Верреса, очень внимательно отнесся к общественному мнению римлян, сумев разбередить сердца зрителей, собравшихся на форуме, чтобы посмотреть на заседание этой *quaestio perpetua de repetundis*, а они, как считают некоторые исследователи и, в частности, Ф. Миллар, подчас оказывали решающее воздействие на ход судебных процессов¹⁶. Цицерону, таким образом, удалось нарисовать в их воображении портрет идеального наместника и показать, что Веррес совсем не похож на этот портрет. Не зря Цицерон сразу же после окончания судебных заседаний был избран эдилом¹⁷ – это самое неоспоримое свидетельство того, что его слова дошли до сердец римских граждан. Да и сами судьи не могли остаться равнодушными к словам оратора. Как известно, защита пыталась затянуть процесс, чтобы дожидаться 69 г. до н. э., когда состав судей был бы таков, что в нем заседали бы многие друзья бывшего пропретора Сицилии. Но обвинение этого не допустило, и процесс прошел в 70 г. до н. э. при относительно

¹⁵ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. С. 66–67.

¹⁶ Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (По поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 49.

¹⁷ Зелинский Ф. Цицерон // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXVIII (75). СПб., 1903. С. 255.

беспристрастных присяжных¹⁸. И этих людей (а их в комиссии было, как правило, 100–200 и более человек¹⁹) Цицерону, вероятно, удалось убедить в своей правоте (иначе бы Веррес так быстро не удался в добровольное изгнание). Заметим, что среди судей-сенаторов были как «старые» представители senatorского сословия, так и только-только выбившиеся из всаднического (последние были введены в сенат в 82 г. до н. э. Суллой)²⁰. Следовательно, Цицерон смог уловить нечто общее для всех сословий, высветить то, чего от промагистрата ожидали все и чего Веррес достичь не хотел и не умел.

Как дополнительный источник мы находим возможным привлечь корпус писем Марка Туллия, прежде всего, за период его проконсульства в провинции Киликия (51–50 гг. до н. э.), а также его послание к брату Квинту с рекомендациями на тему, как должен вести себя образцовый наместник (59 г. до н. э.). Поскольку в древнем Риме письма, как правило, не несли в себе конфиденциальной информации и подчас их авторы даже рассчитывали на опубликование, то без оглядки на общественное мнение такой публичный политик, как Цицерон, конечно же, писать не мог. Поэтому и на них мы будем опираться в своем исследовании.

Итак, нам известно, что Рим на протяжении всей своей долгой истории постоянно находился в состоянии войны с тем или иным народом – ворота храма бога Януса практически не закрывались. Естественно, граждане Республики достаточно часто обладали возможностью ощутить, что называется, на своем личном опыте, всю опасность такого положения. А когда есть чувство, что враждебно настроенные люди, полные агрессивных устремлений, окружают тебя со всех сторон с ясно просматриваемой целью, очень легко

¹⁸ *Ляпустина Е. В.* Речь против Гая Верреса // Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 425–426.

¹⁹ *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998 (1-е изд. 1913). С. 170.

²⁰ *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. II. От битвы при Пидне до смерти Суллы. С. 252.

поддаться панике, потерять самообладание. Чтобы этого не произошло, как отдельно взятый человек, так и общество в целом, должны осознавать, что где-то совсем рядом есть сильное плечо, на которое в случае чего можно опереться, некий представитель государственной власти, за широкой спиной которого можно спрятаться всему населению, не опасаясь за свою жизнь, даже просто не замечая никакой внешней угрозы. Таким лицом для римлян, как и для любой другой сильно милитаризованной страны, выступал полководец: причем, чем больше таких людей было, тем спокойнее спалось по ночам гражданам государства²¹. Они могли полностью положиться на него, вручить свои жизни ему и его войску, даже отказавшись целиком, хотя и скрепя сердце, от своего личного вооружения в его пользу²², что в некотором роде противоречило инстинкту самосохранения. Но именно таким и должно было быть доверие граждан к тому, кто их охраняет, ведь человека нельзя защитить против его собственной воли. И римляне готовы были подчиняться указам магистрата, наделенного военными полномочиями, не задавая лишних вопросов.

Понятно, что такого человека уважали до такой степени, что готовы были простить ему все преступления, все злодеяния, совершенные им²³. В данном случае слава мужественного, доблестного полководца оказывалась фактором, имеющим гораздо большее значение, чем тот или иной проступок, бросающий тень на его ре-

²¹ *Novi locum; video ubi se iactaturus sit Hortensius. Belli pericula, tempora rei publicae, imperatorum penuriam commemorabit* («Знаю я это “место”; предвижу, куда Гортензий направит свой удар. Опасности войны, трудное положение государства, малочисленность императоров опишет он...» – Cic. *Verr.* II. V.1.2).

²² *Quid enim putatis? Scuta si quando conquiruntur a privatis in bello ac tumultu, tamen homines inviti dant, etsi ad salutem communem dari sentiunt* («Подумайте только: бывает, что в связи с войной и чрезвычайным положением у частных лиц отбирают щиты и люди все же дают их неохотно, хотя они и знают, что дают их для всеобщего спасения» – *Verr.* II. IV.23.52).

²³ *Ad omnes enim meos impetus quasi murus quidam boni nomen imperatoris opponitur* («Всему моему натиску противопоставляют, словно крепостную стену, славу доблестного императора» – *Verr.* II. V.1.2).

путацию. Да, неприятно, да, стыдно за этого господина, который не сумел показать себя с лучшей своей стороны, оказался не совсем *vir bonus*. Но чувство досады не способно было перекрыть здравый смысл в гражданах Рима²⁴. Они не могли не отдавать себе отчет в том, что, уличая того или иного полководца в каком-либо пороке и подвергая его судебному преследованию, они тем самым лишают себя одного из своих защитников, коих и без того было не так уж и много. При этом степень пиетета к военачальнику чаще всего оказывалась прямо пропорциональной степени его удачливости в сражениях²⁵, ведь именно она и обнаруживала сам факт наличия у полководца необходимых для его деятельности талантов. И это выглядит совершенно логичным, ведь далеко не каждый человек, которому поручается руководство войском, способен достойно подтвердить оказанное ему доверие. В данном случае вполне уместно привести в пример М. Лициния Красса, которого судьба наградила завидным имущественным благополучием, но обделила той самой военной удачей.

Именно по этой причине Цицерон, ведя процесс против Верреса, целую книгу своей речи, весьма значительную по объему, отводит на то, чтобы убедить публику и судей в отсутствии у обвиняемого полководческих талантов, тем самым окончательно лишив его любви (если таковая была) народных масс. Заметим, что по правилам риторики наиболее убийственный аргумент всегда оставляется напоследок, чтобы окончательно убедить публику в правоте

²⁴ *Tum deprecabitur a vobis, tum etiam pro suo iure contendet, ne patiamini talem imperatorem populo Romano Siculorum testimoniis eripi, ne obteri laudem imperatoriam criminibus avaritiae velitis* («Затем станет требовать, чтобы вы не позволяли на основании свидетельских показаний сицилийцев отнимать у римского народа такого воина и не допускали, чтобы обвинения в алчности, предъявленные ему, оказались в ваших глазах сильнее его заслуг как военачальника» – *Verr. II.V.1.2*).

²⁵ *Sit fur, sit sacrilegus, sit flagitiorum omnium vitiorumque princeps; at est bonus imperator, at felix, et ad dubia rei publicae tempora reservandus* («Пусть Веррес вор, пусть он святотатец, пусть он первый во всех гнусностях и пороках, но он доблестный император, ему сопутствует счастье и его надо сохранить, памятуя об испытаниях, которые могут предстоять государству» – *Verr. II. V.1.4*).

говорящего. И в данном случае Марк Туллий поступает, как нам кажется, аналогично. Обвинение наместника в безуспешной военной деятельности выступает здесь в качестве последнего аргумента, призванного бесповоротно растоптать в глазах общественности Гая Верреса. Ни коррупция, ни махинации с хлебными поставками в Рим, ни даже воровство храмовых статуй и прочего имущества религиозного назначения не имеют такой силы убеждения, как довод в пользу очевидной непригодности этого человека к государственной деятельности вообще и деятельности промагистрата в частности. Уже один этот факт говорит о том, какая сфера обязанностей проконсула (пропретора) считалась наиважнейшей, по крайней мере, у самих квиритов.

Следовательно, даже при беглом взгляде мы можем заметить превосходящую все рамки разумного страсть римских граждан к людям, облеченным военной властью. Эмоции обыкновенных римлян просто били через край (и это вовсе не пустая фраза!), когда они видели перед собой прославленного полководца, да еще, ко всему прочему, отмеченного всевозможными ранами, рубцами и тому подобными знаками военной доблести и отваги. Здесь примечателен случай с Манием Аквилием²⁶, демонстрирующий подобную психологию народа: человек, перенесший войну, не может уже

²⁶ *Qui, ut erat in dicendo non solum sapiens sed etiam fortis, causa prope perorata ipse arripuit M'. Aquilium constituitque in conspectu omnium, tunicamque eius a pectore abscidit, ut cicatrices populus Romanus iudicesque aspicerent adverso corpore exceptas; simul et de illo vulnere quod ille in capite ab hostium duce acceperat multa dixit, eoque adduxit eos qui erant iudicaturi vehementer ut vererentur ne, quem virum fortuna ex hostium telis eripuisset, cum sibi ipse non pepercisset, hic non ad populi Romani laudem sed ad iudicium crudelitatem videretur esse servatus* («Как оратор, будучи не только умен, но и решителен, он [Марк Антоний – П. А.], заканчивая речь, сам схватил Мания Аквилия за руку, поставил его у всех на виду и разорвал ему на груди тунуку, чтобы римский народ и судьи могли видеть рубцы от ранений, полученных им прямо в грудь; в то же время он долго говорил о ране в голову, нанесенной Аквилию военачальником врагов и внушил судьям, которым предстояло вынести приговор, сильные опасения, что человек, которого судьба оберегла от оружия врагов, когда он сам не щадил себя, окажется сохраненным не для того, чтобы слышать хвалу от римского народа, а чтобы испытать на себе суровость судей» – *Verr. II. V.1.3*).

быть осужден даже по делу, которое его не касается вовсе²⁷. Вокруг него существует некая аура, он обладает по роду своей деятельности харизмой, которая не позволяет другим людям на уровне подсознания притронуться к нему даже пальцем. Такому человеку практически все дозволено и ничего не запрещено (впоследствии такое положение вещей сыграет роковую роль в истории Римской республики, приведя к ее полному крушению). Мы видим, что он становится носителем огромного числа прав, которые зачастую не были зафиксированы законодательным путем, но просто регламентировались моральными установками римского общества. Доблесть, храбрость, отвага давали ему возможность действовать так, как заблагорассудится. И в этом нам видится один из корней всевластия промагистрата во вверенной ему провинции. Сам народ давал ему моральную санкцию вести себя таким образом.

Ведь нетрудно догадаться, что защита провинции (а к этому зачастую прибавлялись еще и заботы по военной поддержке союзных государств) была делом постоянным, требующим для своего осуществления некоего должностного лица, облеченного военной властью, которое бы на определенный срок оказывалось ответственным за эту сферу внутренней политики Республики. И именно римское провинциальное наместничество и было тем институтом, который обеспечивал безопасность провинциальных общин, являясь неким ключевым постом, своеобразным цементирующим составом, без которого невозможна была бы связь центра с его периферией, окраинными областями державы, а также с ее союзниками. Следовательно, на плечи промагистрата возлагалось двойное бремя ответственности. Он должен был угодить и тем, и другим²⁸. И сде-

²⁷ Маний Аквиллий был обвинен в вымогательстве во время своего проконсульства на Сицилии (*Ляпустина Е. В.* Примечания // Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 505).

²⁸ *Triumpho multo clarius est, senatum iudicare, potius mansuetudine et innocentia imperatoris provinciam, quam vi militum aut benignitate deorum retentam atque conservatam esse... Vale, et nos dilige, et instituto itinere severitatem diligentiamque sociis et reipublicae praesta* («...Много славнее триумфа, если сенат при-

лать это надо было по многим направлениям, так как указанный нами институт являлся полифункциональным: он должен был и поспевать справляться с судебными делами и общаться с населением, и взаимодействовать с правителями соседних государств, и успешно подвизаться на ниве финансов, выполняя фискальную функцию. Однако все это, вместе взятое (то, что мы можем вслед за Марком Туллием назвать «управлением провинцией»), если поместить его на одной чаше весов, оказывалось равноценным единственной задаче – защите провинциалов²⁹. Следовательно, военная функция римского провинциального наместника, по мнению римлян, являлась определяющей, главной в его деятельности. Он был в первую очередь военачальником, оборонявшим ту или иную территорию. И ничего страшного не было в том, что некоторые лица назначались на эту должность, не имея за своими плечами каких-либо военных достижений³⁰. Овладевать мастерством полководца можно и нужно было на месте службы: учиться воевать никогда не поздно, если жить приходится в государстве военного типа.

И это неудивительно, ведь промагистрат считался «стражем и защитником провинции»³¹: не больше и не меньше. Главной причиной его назначения на этот пост была его функция главнокомандующего римскими войсками во вверенной ему провинции. Об этом нельзя было забывать ни на миг. Промагистрат был, прежде всего, показателем могущества римской армии³². Общественное

знает, что провинция удержана и сохранена скорее мягкостью и неподкупностью императора, чем военной силой и благоволением богов... Будь здоров и люби меня, и, идя избранным тобой путем, показывай союзникам и государству (выделено мною – П. А.) пример строгости и заботливости» – *Fam.* XV.5.2–3). Так наставлял Цицерона М. Порций Катон.

²⁹ *Magni mea interesse putarem, et res eas, quas gessissem, tibi notas esse, et non ignorari a te, qua aequitate et continentia tuerer socios provinciamque administrarem* («...Я придаю большое значение тому, чтобы ты знал, что я совершил, и чтобы тебе не было неизвестно, с какой справедливостью и умеренностью я защищаю союзников и управляю провинцией» – *Fam.* XV.4.1).

³⁰ *Richardson J.* Op. cit. P. 32.

³¹ *Quid ais, bone custos defensorque provinciae?* («Что же ты скажешь теперь, доблестный страж и защитник провинции?» – *Verr.* II. V.6.12).

³² *Richardson J.* Op. cit. P. 32, 47–48, 58.

мнение требовало от него побед, боев, сражений³³. Вернуться в столицу без триумфа было не к лицу такому уважаемому должностному лицу, как бывший консул или претор. При этом совершенно неважно, являлась ли порученная наместнику провинция внутренней или находилась на окраине государства: работы по ее обороне было, как говорится, хоть отбавляй. Подобная ситуация являлась характерной не только для особенно опасных провинций. Даже такие относительно спокойные, как считают отдельные исследователи³⁴, области, как Киликия и Сицилия доставляли множество неприятностей и хлопот промагистрату. Поэтому о своих обязанностях командующего провинциальной армией приходилось вспоминать достаточно часто. Особенно в рассматриваемый нами беспокойный период римской истории. Но главное – сам менталитет человека древности был таков, что хорошим правителем считался только тот, кто активно проявил себя на полях сражений.

Наместник, конечно же, не был исключением из этого правила. Ему приходилось принимать решения подобного рода самостоятельно, так как именно он был облечен высшей военной властью в провинции³⁵. Естественно, у него были помощники, советники, но все же основная ответственность лежала на промагистрате. При этом полнота власти промагистрата ничем не отличалась от аналогичной полноты власти полководца, участвующего в войне, ведь наместник тоже воевал с врагами государства. Причем врагов этих было очень много. Надо было и бороться с внутренним противником, выполняя, по сути, полицейские функции, и обороняться от

³³ *Illa scilicet vetus atque imperatoria, Quandoque tu quidem in proelio, in bello, in re militari? cuius ne mentio quidem te praetore ulla facta est* («Те слова, не правда ли, которые исстари... говорили полководцы: «Понеже ты... как же дальше? в бою? на войне? в военном деле? Да ведь обо всем этом и речи не было в твоё наместничество!» – Перев. Ф. Ф. Зелинского. – *Verr.* II. III.80.187).

³⁴ *Richardson J.* Op. cit. P. 32–33.

³⁵ *Quare quoniam in istis urbibus cum summo imperio et potestate versaris* («...Ты, будучи облечен высшей военной и гражданской властью, пребываешь в этих городах...» – *Q. fr.* I.1.31). Это письмо Марк Туллий адресовал брату Квинту – наместнику провинции Азия.

внешнего³⁶. По большому счету, Пунические войны ничем не отличались от стычек Цицерона с парфянами, пытавшимися прорваться в Киликию после неудачных попыток штурма Антиохии³⁷: и там, и там войны гибли, сражаясь за родину. Именно поэтому наместник после окончания срока полномочий по управлению своей провинцией мог быть переброшен на любой участок фронта, подвергавшийся в тот момент наибольшей опасности³⁸, так как промагистрат автоматически являлся полководцем действующей армии (этим наместники были обязаны Сулле, который как раз и издал закон, в соответствии с коим они сохраняли свой *imperium* до возвращения в город)³⁹. Следовательно, он был первой кандидатурой для руководства военными действиями даже вне своей провинции. Он со своей армией вполне мог послужить для усиления военного присутствия в том или ином регионе⁴⁰. То есть наместник, по сути, осуществлял свои военные функции не только внутри порученной ему управлению провинции. Он вообще являлся «штатным» полководцем римского народа, а потому мог быть использован в определенный момент для залатывания брешей на том или ином участке фронта, благо, фронт этот проходил почти по всей границе Римского государства.

³⁶ *Ле Бок Я.* Римская армия... С. 18–19, 314, 390.

³⁷ Обзор военной деятельности Марка Туллия Цицерона в Киликии см.: *Зелинский Ф. Ф.* Цицерон // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXVIII (75). СПб., 1903. С. 257–258; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). М., 1966. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. С. 64–67; *Абрамзон М. Г.* Рим и Киликия во II в. до н. э. – 74 г. н. э.: Завоевание и романизация // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: Сб. ст. Казань, 2000. С. 305–307; *его же.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). СПб., 2005. С. 117–125.

³⁸ *Iam a multis audio constitutum esse Pompeio et eius concilio in Siciliam mittere, quod imperium habeam* («...Как я уже слышал от многих, для Помпея и его совета дело решенное послать меня в Сицилию, потому что я облечен военной властью» – *Att.* VII.7.4).

³⁹ *Cobban J. M.* Senate and Provinces... P. 80.

⁴⁰ *Елизарова Н. М.* Армия – опора римского господства... С. 151.

В течение же периода своего проконсулата (пропреторства) наместник должен был отдавать все силы своей провинции, где обычно хватало неприятностей, и ни в коем случае не отвлекаться на другие территории. Более того, с его стороны было бы преступлением бросить войско или даже просто оставить его на попечение легата или квестора⁴¹. Этому бы ему не разрешили ни сенат, ни римский народ. Да и самому стыдно пытаться избежать обстоятельств, которые как раз и приносили наибольшую славу, где можно было показать свою доблесть и свои таланты. Такой позор нельзя было бы смыть за всю оставшуюся жизнь⁴². И мы сейчас говорим не только о военном времени – было бы несправедливым считать, что в другой, мирный, период наместник был свободен в передвижениях. Это далеко не так: он не имел никакого права покинуть свое войско и отлучиться из провинции в принципе⁴³. И в таком жестком правиле нет ничего неразумного: условия были таковы, что враг мог появиться у ворот в любую минуту, а значит, провинцию не следовало оставлять в «обезглавленном» состоянии. Последствия могли бы быть трагическими для государства, где потеря даже маленького клочка земли выливалась в потерю тех или иных ресурсов. Этому сенат позволить никак не мог, и противозаконные действия прома-

⁴¹ *Non putet senatus nos, antequam successum sit, oportere decedere nec in tanto motu rerum tantis provinciis singulos legatos praeesse* («...Сенат не согласится ни на мой выезд из провинции до назначения преемника, ни на то, чтобы во главе таких крупных провинций при столь тревожных событиях стали отдельные легаты» – Cic. Att. V.21.3).

⁴² *Cum bellum esse in Syria magnum putetur, id videatur in hanc provinciam erupturum, hic praesidii nihil sit, sumptus annuus decretus sit, videaturne aut pietatis esse meae fratrem relinquere aut diligentiae nugarum aliquid relinquere?* («Раз в Сирии, как считают, происходит большая война, и она, видимо, распространится на эту провинцию, а здесь защиты никакой и для войск снабжение отпущено на год, то покажется ли достойным моей любви оставить брата или достойным моей заботливости – оставить какие-то пустяки?» – Cic. Att. VI.3.2).

⁴³ *Commotus est Dolabella; fecit id quod multi reprehenderunt, ut exercitum, provinciam, bellum relinqueret, et in Asiam hominis nequissimi causa in alienam provinciam profisceretur* («Долабелла согласился; он сделал то, за что заслужил порицание со стороны многих, – бросил войско, провинцию, войну и отправился ради отъявленного негодяя в Азию, в чужую провинцию». – Перев. Ф. Ф. Зелинского. – Cic. Verr. II. I.29.73).

гистрата такого рода не должны были остаться безнаказанными. И двух мнений по этому вопросу не существовало: нерадение о провинциальной войске равнялось нерадению об имуществе римского народа.

Раз уж речь зашла о столь печальных вещах, следует отметить тот факт, что далеко не все наместники соответствовали рассмотренному нами выше идеалу. Некоторые персоны, занимавшие в свое время эту должность (тот же Веррес, к примеру), предпочитали весело проводить время в шумной компании на лазурном побережье, наслаждаясь солнечным климатом Средиземного моря⁴⁴. Конечно, и у промагистрата могут быть некоторые слабости, однако нельзя выставлять их на всеобщее обозрение, нельзя наживаться, как только можно, за то время, что находишься у руля⁴⁵. И потому власть все-таки старалась пресечь подобное поведение своих посланцев, проявляя иногда даже большую подозрительность, чем следовало⁴⁶. Правда, контроль был затруднен многими обстоятельствами. К тому же, если его и осуществляли, то обычно уже после окончания срока наместничества. Связано это было опять-таки прежде всего с тем, что крайне нежелательно было ставить под сомнение действия и решения действующего командующего армией⁴⁷. Это ведь могло от-

⁴⁴ *Dicere omnes et palam disputare minime esse mirandum si... praetore tot dies cum mulierculis perpotante, tanta ignominia et calamitas esset accepta* («Все говорили и открыто признавали, что нечего удивляться, если после того как... претор в течение стольких дней пьянствовал со своими наложницами, на город обрушился такой позор и такое несчастье» – Cic. *Verr.* II. V.38.100).

⁴⁵ *Quid? iste motus servitorum bellique subita suspicio utrum tibi tandem diligentiam custodiendae provinciae an novam rationem improbissimi quaestus attulit?* («А это брожение среди рабов и внезапно возникшее подозрение насчет возможности мятежа? Что вызвало оно с твоей стороны? Заботу ли об окраине провинции или же надежду на новый источник бесчестнейшей наживы?» – Cic. *Verr.* II. V.7.15).

⁴⁶ *In eam opinionem Cassius veniebat, quae diripuisset ipse, ut viderentur ab hoste vastata, finxisse bellum et Arabas in provinciam immisisse eosque Parthos esse senatui renuntiasse* («Возникало мнение, что Кассий для того, чтобы показалось опустошенным врагом то, что разграбил он, выдумал насчет войны, впустил в провинцию арабов и донес сенату, что это парфяне» – Cic. *Fam.* VIII.10.2).

⁴⁷ Richardson J. Op. cit. P. 49.

рицательно сказаться на войсковой дисциплине и т. д. Но в любом случае, нельзя думать, что если имеется прецедент с Гаем Верресом, то все проконсулы (пропреторы) не уступали ему в алчности и неумении руководить провинцией, хотя и с самим Верресом все не так однозначно⁴⁸. Тем более что военные расходы привлекали особое внимание центрального руководства, а значит, и расхищать средства, предназначенные для них, оказывалось не слишком просто: в Риме наместника могло ожидать судебное разбирательство по делу *de repetundis*.

Таким образом, мы можем с полной уверенностью констатировать тот факт, что главной функцией римского провинциального наместника была военная и никакая другая. Поэтому, на наш взгляд, следует отвергнуть сложившееся в историографии традиционное мнение о том, что для промагистрата существовало две основных сферы применения своей власти: военное руководство провинцией и исполнение судебных функций⁴⁹. Конечно, можно вспомнить известный фрагмент из письма Цицерона к Аттику (*Att.* V.21.6–9), где он заявляет, что летнее время он посвящает «военным делам, а зимние месяцы – судопроизводству». Однако в нем речь идет вовсе не о равноправии этих функций. Наоборот, со всей очевидностью для нас вырисовывается факт, что судопроизводством наместник занимался по остаточному принципу, в то время года, которое было непригодно для ведения активных боевых действий. Цицерон постоянно акцентирует свое внимание именно на военной составляющей деятельности римского провинциального наместника. Так что, условно говоря, если мы положим на две чаши весов, соответственно, военную и судебную функции промагистрата, первая, конечно же, перевесит.

Следовательно, мы имеем право с уверенностью заявить, что основной задачей наместника, по мнению римлян, была защита

⁴⁸ Например, о важной роли Верреса в подавлении восстания Спартака и о его методах борьбы с пиратством см.: *Мароти Э.* Пиратство около Сицилии во время пропреторства Верреса // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.* Т. 4. Fasc. 1–4. Budapest, 1956. С. 197–210.

⁴⁹ См. выше обзор историографии по рассматриваемой проблеме.

провинции от всяческого рода врагов, как внутренних, так и внешних, мешавших спокойствию людей, проживавших в ней. В общем-то, нетрудно догадаться, что война для населявших нашу Землю в древности народов была перманентным состоянием: государство, не обладавшее сильной армией, рисковало быть поглощенным целиком или частично более сильным соседом. Уже в виду одного этого, как справедливо отметил Дж. Ричардсон⁵⁰, промагистрат должен был быть отличным полководцем, чтобы, удачно подавляя военную угрозу, он создавал хотя бы краткие периоды спокойствия на подвластной государству территории. И вот в эти-то моменты он и обязан был успевать осуществлять прочие свои функции, как то: судебную, фискальную и т. д. Если же оказывалось, что он по природе не способен к управлению армией, командованию войском, то либо все его время уходило на безуспешные попытки переломить ситуацию (и тогда другие обязанности оказывались поневоле в состоянии глубокой запущенности), либо, как мы видим на примере Верреса, он вообще отказывался от каких-либо попыток исправить ход дела, и тогда неизбежно провинция оказывалась под угрозой потери части своей территории или, по крайней мере, имелась вероятность того, что у некоторых ее жителей не будет спокойной размеренной жизни на протяжении всего срока наместничества данного промагистрата.

Но главное – сами квириты отворачивались от такого человека, что автоматически ставило крест на его карьере как публичного политика. Так что о приоритете военной функции проконсула (пропретора) в огромном (и с этим никто не спорит) круге обязанностей, мы можем говорить без малейшей тени сомнения.

⁵⁰ *Richardson J. Op. cit. P. 47, 52.*

МИШУРА Е. С. (МОСКВА)

**ПОСТФИЛОСОФСКИЕ ПОПЫТКИ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОСТАВНЫХ
ПАТРОНИМИЧЕСКИХ ИМЕН У ГАЛЛОВ ПОД ВЛАСТЬЮ
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Галльские сложные (двучленные и многочленные) имена изучены достаточно основательно¹, к тому же во многих работах приводится галльский сопоставительный материал². Исследований же, посвященных конкретно галльским составным именам, насколько нам известно, практически не было³.

Отметим сразу, что под **сложным** именем мы понимаем традиционное, то есть многочленное имя. Под **составным** именем – многокомпонентное имя, то есть имя с патронимом или иным специфицирующим элементом.

Изучение галльского языка, как и изучение истории и культуры континентальных кельтов *начинается* с анализа античных источников (исторических текстов), *продолжается* сопоставлением с более поздним (раннесредневековым) материалом островной бриттской и гойдельской традиций, а *заканчивается* снова античным материалом: соотносением средневековых кельтских текстов, во-первых, с корпусом галло-римской эпиграфики и, во-вторых, опять же с привлечением классических текстов в качестве времен-

¹ Schmidt K. H. Die Komposition in Gallischen Personennamen. Tübingen, 1957; Evans D. E. Gaulish Personal Names. A Study of Some Continental Celtic Formations. Oxf., 1967.

² Uhlich J. Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen. Bonn, 1993; Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

³ Если не считать Jones H. R. Name Constructions in Gaulish. 2001. <http://www.s-gabriel.org/names/tangwystyl/gaulish/>

ного камертона. Несмотря на замкнутость и взаимную направленность этих источников, возникающие выводы складываются в некую картину, не вполне определенную, но подвластную дальнейшему прояснению.

До знакомства с античной культурой Галлия не знала письменности. Древнейшие галльские надписи этрусским алфавитом относятся к IV в. до н. э., греческим – к III в. до н. э., латинским – к I в. до н. э. Естественно, что тот язык, алфавитом которого пользовались, оказывал непосредственное влияние на развитие галльских диалектов, и личных имен в частности. Как сейчас письменность контролирует язык, так и тогда, вероятно, установился локальный контроль над языком, благодаря чему система формальной композиции галльского имени и его семантическая наполненность из общеиндоевропейской⁴ склоняется к греко-латинской традиции. Представляется, что составные имена стали использоваться именно с приходом торгово-культурных связей, письменности, с размыванием и ломкой традиционной парадигмы, с креном в сторону новых ценностных ориентиров, о которых будет написано ниже. Что касается плана выражения, то в **структуре** построения составного имени отразилось преимущественно греческое влияние, а в **лексическом составе** поздних галльских имен – латинское.

Имена галлов, упоминаемые в античных текстах⁵, состоят из одного компонента, поэтому единственными источниками по анализу оформления составных галльских имен являются источники эпиграфические. Галльская эпиграфика представлена посвятительными и надгробными надписями, клеймами горшечников с именами,

⁴ Например, Segomaros «великий битвами», Cintugnatus «первым рожденный», Orgetorix «вождь убийц», Dagodurnus «сильный кулаками», Eoredorix «вождь всадников» (галльские имена даны по Lambert P. Y. *La langue gauloise*. P., 2003. P. 32–36). Ср.: греч. *Sophokles* «мудрая слава», *Peisistratos* «убеждающий войско», *Agathokles* «добрая слава», *Xanthippos* «гнедой конь», *Polykleitos* «многославный», *Theodoros* «дар бога»; рус. *Святослав*, *Ярополк*, *Владимир*, *Всеволод* и так далее. Эти имена, несомненно, использовались задолго до установления культурного обмена между Галлией и государствами средиземноморья.

⁵ *D'Arbois de Jubainville H. Les noms gaulois chez Cesar et Hirtius*. P., 1891.

надписями на разного рода дарственных объектах (частного характера), монетными легендами, а также несколькими свинцовыми табличками с проклятиями. Анализ антропонимов в галльской эпиграфике позволяет условно разделить все надписи на два типа: надписи светского и сакрального характера.

1. Для надписей светской направленности характерно использование имен, состоящих из *одного компонента*: это имена горшечников (*Tritos, Cotutos, Deprosagios*)⁶, получателей и дарителей маленьких подарков, героев частных надписей (*Labios* подарил *Uxona* глиняный кувшин, *Silvanos* сделал глиняную чашу, *Comios* преподнес *Clebia* тарелку; *Uoretouiris* пишет посвящение своей *sumeli subroni*, «милой и пышногрудой»);

2. В надписях сакрального характера употребляются имена из двух (а иногда и более) компонентов. К таким надписям относятся посвятительные и надгробные надписи (преимущественно на камне, хотя и на мелких предметах тоже): *Aneuno Olicno* и *Lugurix Aneunicno* пишут на каменной стеле посвящение богу *Eluontios*, *[At]eknati Truti[k]ni* поставил надгробие над могилой своего младшего брата *Koisis [Tr]jutiknos*, *Icaunos Oppianicnos* воздвиг канталон в селении *Brigindu*, *Martialis Dannotali* воздвиг келикнон в Алезии, а *Segomaros Ouilloneos* из племени Немауса установил неметон.

Помимо посвятительных и надгробных надписей, многокомпонентные имена представлены также в проклятиях (например, в свинцовой табличке из Ларзака проклинаятся *Potita matir Paullias*, *Adiega matir Aiias*, *Aucitionim materem Potiti*, *Vlatucia matir Banonias* и еще восемь женщин, имена многих из них указаны максимально точно – с указанием матронима).

Различие в употреблении простых или составных имен объясняется различием целей авторов или заказчиков надписей: *детальная индивидуализация* личности дедиканта (посвятителя) нужна в том случае, когда подчеркнута необходимость того, чтобы божество

⁶ Здесь и далее галльские имена цитируются по изданию: *Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise*. P., 2003.

(к которому посвящение формально и направлено) точно и правильно поняло, кто именно направляет к нему такие сигналы.

Это же объяснение можно рассмотреть под несколько другим углом. Начнем с того, что имя бога (первоначального дедиката надписей) всегда односложно, так как у всех богов разные имена. И речи о том, что боги могут не поделить между собой посвятельный сигнал, быть не может. Аналогично и с именами простых смертных: у горшечника не было необходимости уточнять свою семейную или племенную принадлежность, так как все мастера его цеха носили разные имена (в случае надобности – прозвища), которые и указывали на продуктах своей деятельности. Или вот интересный пример надписи на кольце: *Versui Dinnogna Uixuioni* (возлюбленный [*Dinnogna*], который дарит кольцо своей милой [*Versui Uixuioni*], своего имени может не уточнять – она и сама знает, какого он роду и племени и зачем пришел, а вот *он* уточняет ее имя, чтобы и она, и боги (!) знали, что именно *ее* он хочет взять в жены, а не сварливую соседку-вдову). То есть, считалось, что при обращении к божеству нельзя допускать неряшливости и недомолвок: когда бог смотрит на своих подопечных, он должен сразу понять, который из Марциалов или Данноталов вчера воздвиг ему святилище. Именно поэтому указываются важнейшие уточнения: имя отца, город, племя. В особенно важных (с видом на *недалекую* перспективу!) случаях – проклятия на свинцовых табличках (*defixiones*) – указывается самый точный и надежный индивидуализатор: имя матери. Характерно, что *defixiones* не были рассчитаны на широкую публику (сложены вчетверо, проткнуты гвоздем и положены в могилу). Тогда как надписи с патронимом стояли на самых видных местах и имели эстетически приятный облик. Отсюда два вывода о социальной (не в последнюю очередь) направленности надписей: во-первых, общество приемлет *только* имя отца в качестве детализатора имени субъекта, имя отца – как основа социальной значимости личности; во-вторых, размещение объектов посвящения позволяет говорить о том, что заказчик стремился не только (а под влиянием римской культуры – и не столько) к славе вечной,

сколько к славе земной. Отсюда и детальная спецификация своего имени, и художественная ценность *своего* дара, и употребление не самого надежного фактически, но самого ценного в общественном отношении уточняющего имени: патронима, этнонима, топонима. Представляется, что такое отношение к религии было одним из результатов глубокого проникновения в галльское общество (по крайней мере, в его верхушку) римских привычек и ценностей – вспомним великолепие латинских посвячительных надписей, демонстрирующих моральное убожество (с нашей точки зрения) носителей указанных в этих надписях имен⁷.

Мы не имеем точных сведений о культах и верованиях древних кельтов, но, проанализировав галльские посвячительные надписи, можно сделать вывод о том, что последствием римского завоевания в сакральной сфере стало нарушение и фактический распад символических связей в религиозной и, соответственно, общественной жизни. В бесписьменную эпоху божество считалось всевидящим и абсолютным, символически законченным; в античную – распалось на ослабевающие компоненты и в итоге практически десакрализовалось и слилось с бого-людьми греко-римского пантеона.

А вот полного слияния формирующейся галльской системы построения собственного имени с развитой латинской системой не произошло. Мы видим тенденцию к заимствованию латинского собственного имени, но она не успела достаточно развиться, так как только идионимы бывают выражены латинскими именами, тогда как в патронимах еще сохраняется галльская основа (*Martialis Dannotali, Sacer Petroco, Frontu Tarbeisonios*).

Сложная римская система именования лица галлами воспринята не была, а в их попытках выстроить свою систему наблюдаются противоречия.

Самая общая схема построения собственных имен: идионим (имя, данное при рождении, или его эквивалент, уточняющий ин-

⁷ Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969; *ее же*. Латинские надписи. М., 1976; *ее же*. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.

дивида) + указание какого-то вида родства или связи. Уточняющее имя (*relationship byname*)⁸ может быть выражено:

- *простым генитивом* (притяжательной формой) имени родителя;
- *именем прилагательным с семантикой принадлежности* (подобно формуле <X-ius> римского номена);
- *адъективной формой* (со значением генитива), образованной от имени родителя с прибавлением суффикса <-ac-> перед флексией;
- *или формой с суффиксом <-(i)gnos> мужского рода и <-(i)gna> женского рода со значением вроде «потомок».*

Представляется перспективным сопоставление с аналогичной системой образования патронимов в древнегреческом языке.

Итак, система находилась в стадии становления, но развиться так и не смогла, так как, начиная с конца IV в. н. э., галльский язык вышел из употребления.

⁸ См.: Jones H. R. Name Constructions in Gaulish. 2001. <http://www.s-gabriel.org/names/tangwystyl/gaulish/>

ЧЕМОДУРОВА С. Н. (САРАТОВ)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИВИИ АВГУСТЫ

*Август управлял миром,
Ливия же управляла Августом.*
Роберт Грейвс

год до н. э. условно можно считать рубежом, после которого римское государство окончательно отказывается от республиканской формы правления и переходит к монархической. Римская держава вступает в период, который в исторической науке принято называть принципатом. Это время связано с огромным количеством реформ, инициатором которых становится император Август: претерпевают изменения политический строй, институты власти, общественная и духовная жизнь¹. Наряду с прочими изменениями реформы Августа коснулись и сферы религии. В эпоху принципата этот вопрос приобрел особую актуальность. Но причины проведения реформ в этой сфере крылись не столько в желании Августа возобновить традиционные римские обычаи, сколько в желании найти религиозное обоснование монархической власти². Начинает формироваться культ Августа, вместе с ним в этом культе особое место отводилось для его жены – Ливии.

Существует обширная историография, касающаяся культа Августа, однако место Ливии в этом культе остается изученным не до конца. Так, одни исследователи придерживаются мнения, что ее роль в этом культе являлась только данью уважения к жене императора, лишь составной частью почитания самого Августа и при

¹ Парфенов В. Н. «Злая мачеха дома Цезарей» (исторический очерк) // АМА. 1993. Вып. 9. С. 179.

² Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 537.

этом не имело под собой никакой реальной политической силы³. Но в противовес этому существует точка зрения, на основании которой Ливии отводится весомое место в политической жизни Римской империи и почитание ее становится следствием этой весомости⁴.

Задача данной работы – на основе источников рассмотреть положение Ливии в новом культе, а также разобраться, носило ли почитание жены императора исключительно религиозный характер или же оно имело политический смысл и стало отражением влияния этой женщины в государственной жизни рождающейся империи.

Ливия родилась в 58 г. до н. э. Она происходила из среды, враждебной Цезарю и его преемникам. Отец ее погиб в битве при Филиппах, сражаясь на стороне Брута и Кассия. Первый ее муж – Тиберий Клавдий Нерон, после неудачной попытки поднять в Кампании восстание рабов и разоренных земельных собственников бежал из Рима вместе с семьей⁵. Вернулись они только в 39 г. до н. э. благодаря амнистии. У Ливии к этому времени был сын Тиберий. В 38 г. до н. э. Ливия становится женой Августа, а через три месяца рождается ее второй сын – Друз.

По завещанию Августа Ливия была включена в род Юлиев и получила титул *Augusta* (Тас. *Ann.* I.8, Suet. *Aug.* 101). Вероятно, такая ситуация была неким вариантом, чтобы укрепить право Тиберия на наследование императорской власти. К тому же, получая подобный титул, Ливия, а вместе с ней и ее сын – Тиберий, как бы «поднимались до уровня императора, равнялись с ним»⁶. Как кажется, Августу подобный ход событий был нужен после гибели предполагаемых наследников трона, вследствие чего стало вполне

³ Flory B. M. *Livia and the History of Public Honorific Statues for Women in Rome* // TAPhA. 1993. Vol. 123. P. 303.

⁴ Машикин Н. А. Указ. соч. С. 537; Grether G. *Livia and the Roman Imperial Cult* // AJPh. 1946. Vol. 3. P. 233.

⁵ Об этом периоде его жизни см.: Vell. II.75.1; 76.1; Suet. *Tib.* 4.2; Dio Cass. XLVIII.15.3.

⁶ Grether G. *Op. cit.* P. 233.

понятно, что следующим императором будет именно Тиберий. Ливия этого очень хотела (Тас. *Ann.* I.3), только неизвестно, для кого в большей мере – для Тиберия или же для самой себя. По мнению Т. Моммзена, этот маневр императора мог означать и то, что он хотел сделать Ливию соправительницей Тиберия⁷.

Что касается Ливии, то она, будучи достаточно влиятельной женщиной, хотя и не столько в официальной политической жизни, сколько именно в личных отношениях с Августом, тоже включается в новый культ. Культ Августа впервые стал проявляться в восточных провинциях. Я. Ю. Межеричкий связывает это с тем, что здесь существовали традиции обожествления правителей, имевшие тысячелетнюю историю⁸, однако при этом отмечает и наличие иной точки зрения. Речь идет о мнении Ф. Миллара, который считает, что и на Востоке введение императорского культа стало абсолютным новшеством⁹. Я. Ю. Межеричкий не подвергает эти взгляды критике, однако стоит отметить, что еще в 100 г. до н. э. на Востоке существовала традиция возводить статуи наместникам как проявление почтения к ним. Одновременно подобные же почести воздавались и матерями женам этих наместников¹⁰.

Первыми разрешение возвести храм РOME и Августу получили провинции Азия и Вифиния в 20 г. до н. э. Затем появились храмы Ромы и Августа в Милассе, Анкире¹¹.

В самом Риме дело обстояло несколько иначе. Только между 12 и 7 г. до н. э., после реорганизации городских районов, имя Августа было вставлено в молитвы религиозных коллегий, где оно упоминалось после Юпитера Величайшего и общинных ларов¹². У Овидия (*Fast.* V.145) есть такие строки:

⁷ См.: *Grether G.* Op. cit. P. 233.

⁸ *Межеричкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 211.

⁹ Там же. С. 211. Прим. 19.

¹⁰ *Flory B. M.* Op. cit. P. 291.

¹¹ *Межеричкий Я. Ю.* Указ. соч. С. 212.

¹² Там же. С. 214.

«Тысячу Ларов и Дух вождя, поручившего нам их,
Город имеет: квартал каждый чтит три божества».

Таким образом, имя Августа упоминается наряду с божествами, а, следовательно, и почести ему начинают воздавать соответствующие. Тацит подчеркивает, что «богам не осталось никаких почестей, после того, как он пожелал, чтобы его изображения в храмах были почитаемы фламинами и жрецами как божества» (*Ann.* I.10).

Если говорить о восточных провинциях Рима, то Август в них олицетворялся с Зевсом, а Ливия – с Герой и Деметрой¹³. Пергамская монета изображает Ливию в виде Геры¹⁴, на Фасосе Ливия и Юлия почитались вместе как *Εὐρυέται*, причем Ливия как *θεὰ Εὐρυέτις* (подобно той практике, которая существовала в царских династиях эллинистического мира). В Клазомене, Метимне, на Лесбосе на монетах с изображением Ливии была помещена легенда – *Θεὰ Λιβία*¹⁵ и т. д. На Кипре же существовала традиция именовать месяцы года по членам императорской фамилии. Месяц Ливии начинался со 2-го дня декабря и именовался *Λίβαλος*¹⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что почитание Ливии стало достаточно распространенным явлением.

В качестве примера можно привести надпись СІL. II.473, датируемую временем после 42 г. н. э.:

Divo Augusto Albinus Albui f. flamen
Divae Aug(ustae) provinciae Lusitan(iae).

Д. Фишвик, опубликовавший специальную статью, посвященную этой надписи, склоняется к тому, что, учитывая, распространенность культа Августа на Востоке, эта надпись в равной мере могла относиться как к Августу, так и к Ливии. Наибольшие споры вызывает в ней присутствие термина *flamen* (мог ли он был быть

¹³ *Grether G.* Op. cit. P. 223.

¹⁴ *Ibid.* P. 222.

¹⁵ *Ibid.* P. 232.

¹⁶ *Ibid.* P. 233.

применен к женщине), но, учитывая, что при жизни он встречается применительно к Юлии, дочери Августа, вполне допустимо, что в данном случае он относится в равной мере и к Ливии¹⁷. Таким образом, возможность, что определение *flamen* могло относиться к жене Августа, становится еще одним доказательством распространенности культа Ливии, по крайней мере, на Востоке. Но такого рода отношение к жене императора на Востоке – только традиция, сложившаяся в связи с особенностями времени и особенностями религиозных воззрений этого региона. И почитание Ливии на Востоке вряд ли может считаться чем-то большим, чем просто данью традиции. Несмотря на присутствие во многих эпиграфических источников имени Ливии, несмотря на статуи, ей посвященные, нельзя сказать, что она играла какую-либо значимую роль в политической, общественной жизни восточных провинций.

М. Флори отмечает, что Август в 35 г. до н. э. возводит две статуи (причем, возможно по постановлению сената – *ex senatus consulto*): одну – сестре, а вторую – жене (Dio. Cass. XLIX.38.1). До этого имелись примеры воздвижения статуй женщинам, но подобное происходило по желанию народа. При этом М. Флори утверждает, что взгляды на положение женщин у самого Августа были традиционны, в чем-то даже консервативны (Tac. *Ann.* III.24; Suet. *Aug.* 44). Это означает, что, возводя в честь Ливии статуи, чеканя монеты с ее изображением, Август не заходил дальше таких небольших почестей, не позволял ей играть какую-либо весомую роль в государственных делах. Права жены императора ограничивались небольшими мероприятиями, носящими больше общественный характер, чем политический, такими, к примеру, как участие в восстановлении храма *Bona Dea*¹⁸.

Еще Цезарь начинает вести свой род от Венеры. Август продолжает эту традицию. Соответственно, Ливию вслед за Августом как жену императора также стали олицетворять с божественным

¹⁷ Fishwick D. On CIL. II.473 // *AJPh.* 1970. Vol. 91. P. 81.

¹⁸ Flory B. M. *Op. cit.* P. 304.

родом. У Овидия встречается сравнение Ливии с Юноной (*Pont.* III.1.117–118; 145. Перев. З. Морозкиной):

«К той, что Юноне равна чистотой, красотой – Венере,
К той, что одна из всех в браке под стать божеству.
Если удастся тебе приблизится лику Юноны».

Чем вызывается в этот период почитание Ливии – тем ли, что она жена влиятельного императора или же чем-то другим? Н. А. Машкин приводит такой пример: Динамия, царица Боспора, признавая Августа, как «верховного правителя *вселенной* (курсив наш. – С. Ч.), как личного своего спасителя и благодетеля», но при этом отнюдь не как повелителя¹⁹, посвящает Ливии надпись (КБН. 978):

[Λιούι]α[ν] τὴν τοῦ Σεβαστοῦ γυναικ[α]
β]α[σίλισσα] Δύναμις, φιλορώμαιος
[τὴν ἑαυ]τῆς ἐεργέτιν.

Исследователь оценивает этот жест, как дань жене императора, выражение уважения, но в то же время сама Ливия не принимает участия в боспорских делах²⁰. Тогда, возможно, и все почести – только формальность, основанная на традиции, только попытка выразить уважение к самой персоне Августа. На то, что Ливия не имела никакой реальной власти, указывает М. Флори²¹.

Здесь можно вспомнить другой пример. Корнелии, матери Гракхов, также возводились статуи и воздавались почести, но такое отношение к ней было лишь выражением уважения к ее сыновьям. Сама же она просто оставалась идеальной матерью и не более того,

¹⁹ Машкин Н. А. Указ. соч. С. 533.

²⁰ Там же.

²¹ Flory B. M. Op. cit. P. 303.

не играя никакой роли в государственных делах²². Дж. Оливер в своей статье, рассматривая надпись с упоминанием Ливии, найденную в Афинах и датируемую около 14 г. н. э., отмечает, что сделана она была в период влияния там Тиберия²³. Таким образом, имеется в виду, что и здесь Ливия выступает не в качестве самостоятельной фигуры, а только в связи с влиянием и почитанием в самих Афинах императора Тиберия.

Но Г. Гретер приводит такой пример, относящийся, правда, ко времени правления не Августа, а Тиберия: тот не мог подписывать соглашения с союзными государствами без одобрения матери²⁴. И такое обстоятельство не могло возникнуть внезапно. Как косвенный факт того, что Ливия имела реальное влияние в общественных делах Рима, можно привести слова Овидия (*Pont.* III.1.113–116).

«Ты умирать не должна, не нужна тебе ткань Пенелопы –
Просто с мольбою к жене Цезаря ты обратись,
К той, что блистает своей добродетелью, так что седая
Древность не может при ней славою век наш затмить».

Тацит, упоминая о ситуации с Гатерием, впавшим в немилость у Тиберия, пишет следующее: тот «обратился с мольбой к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его» (*Ann.* I.13).

Как пишет Г. Гретер, «во время всего принципата она делила все почести своего мужа. У нее было право на воздвижение статуй, она владела собственным имуществом, обладала сакральной неприкосновенностью. Она вместе с Августом имела право обеда в храме *Concordia*».

Интересно в связи с этим рассмотреть эпизод, когда после гибели Друза Ливия получает от сената право возвести статую в честь погибшего сына. А насколько это было нужно самой Ливии? У Друза были большие заслуги перед государством, и он по праву мог

²² Flory B. M. Op. cit. P. 292.

²³ Oliver J. H. Livia as Artemis Boulaia at Athens // CPh. 1965. Vol. 60. P. 179.

²⁴ Grether G. Op. cit. P. 234.

рассчитывать на подобные почести. Как отмечает М. Флори, возможно здесь содержался некий намек на титул *pater patriae*²⁵. Почитание же женщины в Риме напрямую зависело от того, каковы заслуги ее родственников. И здесь к почитанию Ливии как жены императора добавляется почитание ее как матери умершего героя (при этом стоит иметь ввиду, что общих детей у Ливии и Августа не было). Здесь же вспоминается, что после смерти Августа сенат предлагает ввести титул *MATER PATRIAE*, а к имени Тиберия добавить *FILIUS IULIAE*. Тому имеются свидетельства у Тацита: «Много лести расточали сенаторы и Августе. Одни полагали, что ее стоит именовать родительницей, другие – матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить – сын Юлии» (*Ann.* I.4). Возможно, корни этого предложения кроются именно в приведенном выше эпизоде. Предлагаемый титул достаточно весомый и не мог возникнуть ни с чего, так как известно, что даровался он за какие-либо особые заслуги. Выглядит достаточно странным, что сенат предлагал именовать Ливию «матерью отечества». Возможно, это предложение было внесено как способ угодить Тиберию. Но так как положение Ливии в период правления Августа было достаточно высоким, то скорее стоит говорить, что ее возвеличивание – влияние авторитета мужа, но уж никак не сына, который не успел отличиться какими-нибудь особыми заслугами, чтобы сенат через нее старался выслужиться перед императором. Да и вряд ли сенат был столь мало осведомлен о том, что Тиберий боится увеличения влияния матери, чтобы сделать такой тактический промах. Следовательно, учитывая эти обстоятельства, предложение сената не было чем-то большим, чем просто предложением. Ограничивать почести Ливии, как, впрочем, и свои, – таким было официальное решение Тиберия (*Тас. Ann.* I.4). Вообще же его политика строилась по принципу уменьшения роли культа Августа в Италии, но в то же время создания своего культа с масштабами не меньшими, чем у культа Августа²⁶.

²⁵ Flory B. M. Op. cit. P. 299.

²⁶ Grether G. Op. cit. P. 234.

Помимо прочего, имеется изображение Ливии на монетах как времени Августа, так после его смерти. Так, монеты Августа со 2 г. до н. э. и до 14 г. н. э. на реверсе имеют изображение сидящей женщины, держащей в руках колосья и подобие скипетра, что крайне похоже на то, как император Клавдий представлял божественную Ливию²⁷.

Со смертью Августа культ Ливии не исчезает вовсе. Только теперь ему препятствует Тиберий. Как один из примеров можно привести провинцию Дальнюю Испанию. «Тогда же Испания Дальняя, направив послов в сенат, обратилась к нему с ходатайством дозволить ей по примеру Азии возвести храм Тиберию и его матери» (Тас. *Ann.* IV.37). Но Тиберий не удовлетворил эту просьбу, сославшись на то, что не хочет по примеру Августа обожествлять себя.

Так или иначе, Тиберию приходилось оказывать матери определенные почести, такие как выпуск монет. Как пример можно рассмотреть дупондий, датированный 22/23 г. На аверсе – изображение в профиль женской головы с диадемой и покрытой вуалью. Внизу надпись – *PIETAS*. Это – один из способов изображения Ливии (Г. Гарднер указывает на то, что Ливия на монетах Тиберия изображалась несколькими способами – *Salus Augustae*, *Pietas*, *Justitia*, при этом у *Justitia* голова на монете увенчана короной²⁸, что, по видимому, может быть свидетельством того, что такие монеты выпускались посмертно). На реверсе – в центре большие буквы *SC*, а по кругу – легенда: *DRUSUS-CAESAR-TI-AUGUSTI-F-TR-POT-ITER*²⁹, из которой становится ясно, что Тиберий посвятил Ливии монету этого типа. И это только один из многочисленных примеров. Г. Гретер также указывает на то, что монеты такого типа были распространены в некоторых греческих городах, к примеру, в Византии³⁰.

²⁷ Ibid. P. 227.

²⁸ Gardner P. A New Portret of Livia // JRS. 1922. Vol. 12. P. 33.

²⁹ См. рис. 1.

³⁰ Grether G. Op. cit. P. 234.

Тиберий несколько побаивался усиления влияния матери. Об этом говорят и Светоний, и косвенно Тацит (*Suet. Tib.* 50; *Tac. Ann.* I.4). И как в связи с этим отмечает Г. Гретер – сложившуюся политическую ситуацию можно было назвать «двойным принципатом», когда с одной стороны были ограничены амбиции матери-императрицы, а с другой стороны – Тиберия, что, в общем-то, не во вред было для империи в целом³¹.

Ливия умерла в возрасте 86 лет. Тиберий в это время в Риме отсутствовал, и не слишком торопился вернуться. Похороны были публичными, но без особых почестей. Тацит, Светоний и Дион Кассий указывают на то, что Тиберий практически тут же запретил культ матери. «Ее похороны не отличались пышностью, ее завещание долго оставалось невыполненным... Между тем Тиберий, ни в чем не нарушая приятности своей жизни и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату сослался на поглощенность делами и урезал как бы из скромности щедро определенные сенатом в память Августы почести, сохранив лишь немногие и добавив, чтобы ее не обожествляли, ибо она сама так хотела». (*Tac. Ann.* V.2). Так или иначе, Тиберию приходилось воздавать почести матери, к примеру такие как выпуск монет.

Но культ Ливии продолжал существовать еще довольно длительное время. Имеются свидетельства, что его популярность сохранялась примерно до времени Антонинов³².

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, нельзя отрицать тот факт, что в культе Августа Ливия занимала заметное место. Об этом говорят как нарративные источники (Тацит, Светоний), так и эпиграфические, и нумизматические данные. Но место ее в культе в большей степени было обусловлено особенностями религиозной политики Августа, когда культ императора начинает играть не столько религиозную, сколько пропагандистскую роль, и становится способом укрепления нового политического строя. Такая ситуация была особенно характерна для укрепления

³¹ Ibid. P. 235.

³² Ibid.

власти в восточных провинциях, где почитание правителя и его родственников не являлось нововведением императора. Во-вторых, нельзя сказать, что Ливия стала первой женщиной, удостоенной таких почестей. Почтение жен, и особенно матерей, выдающихся римлян существовало и раньше (пример тому мать Гракхов, Корнелия). Только во времена императора Августа это видоизменяется, приобретает новые формы. Что касается самого титула *AUGUSTAE*, то, как на это указывает Э. Бикерман, впоследствии он прибавляется к собственному имени, не имея за собой реальной силы и переставая играть роль титула как такового³³.

Рис. 1. Дупондий. Примерно 22/3 г. н. э.
PIETAS. DRVSVS CAESAR TI AVGVSTI F TR POT ITER вокруг SC.

³³ *Bickerman E. J. Diva Augusta Marciana // AJPh. 1922. Vol. 95. P. 369.*

САМОХВАЛОВА Н. Е.

**ОПИСАНИЕ ИНДИИ В *DE CHOROGRAPHIA*
ПОМПОНИЯ МЕЛЫ (III.61–71)**

Помпоний Мела (I в. н. э.) – автор сочинения, которое, согласно разным традициям, называется *De chorographia*, *Cosmographia* или *De situ orbis*. Это первый дошедший до нас географический труд, написанный на латинском языке. Считается, что сам Мела не был путешественником и составлял *De chorographia* на основе доступных ему источников преимущественно письменных¹. Среди несомненно использованных им – тексты Эратосфена, Посидония и Полибия. Напрямую или опосредованно, Мела был знаком и с «Историей» Геродота². Кроме того, он трижды

¹ Античная география. Книга для чтения / Сост. проф. М. С. Бондарский. М., 1953. С. 176.

² Был ли Мела напрямую знаком с одним из главных источников традиции описания Индии, «Историей» Геродота, неясно. А. Зильберман утверждает, что Мела, «без всякого сомнения», знал труд Геродота непосредственно (Pomponius Mela. *Chorographie* / Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman. P., 1988. P. XXXIII). Роджер Бетти (*Batty R. Mela's Phoenician Geography* // JRS. 2000. Vol. 90. P. 70–94) возражает Зильберману, замечая, что, как бы то ни было, мы, по крайней мере, не можем утверждать, что Мела Геродота не читал, и что, скорее всего, Мела ориентировался на некий источник, весьма близкий к «Истории» Геродота. Наличие общего более раннего источника у Геродота и Мелы, во всяком случае, относительно описания Скифии, предполагает Д. А. Щеглов (*Щеглов Д. А. Агафисы и гелоны у Геродота и Помпония Мелы: зависит ли Мела от Геродота или от более раннего описания Скифии? // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Часть 1. Тезисы докладов. М, 2005.*). Говорить о существовании некоего греческого источника, неизвестного нам и близкого по содержанию к Геродоту, позволяет и сопоставление текстов Помпония Мелы и Плиния Старшего. Впрочем, это отдельный и весьма спорный вопрос, и мы постараемся рассмотреть индийский «логос» Мелы, затрагивая эту проблему минимально, лишь в необходимом в данном случае объеме. В любом случае, влияние Геродота на Мелу,

ссылается на Гомера, дважды – на Ганнона и Корнелия Непота³. Таким образом, *De chorographia* за редким исключением составлено на материале греческих источников и тем самым дает нам возможность представить себе, как воспринимались накопленные греческими авторами сведения человеком, жившим в первой половине I в. н. э., и что казалось ему достойным упоминания.

Разумеется, по сравнению с Геродотом и Ктесием, родоначальниками традиции описания Индии как страны чудес, Помпоний Мела располагал более достоверными и подробными сведениями об этой стране. Так, он гораздо лучше них представлял себе, где находятся границы Индии (III.61⁴), какие у нее берега (61; 67–68) и какие реки там протекают (68–69). Это и понятно: походы Александра Македонского и многочисленные торговые экспедиции позволили много узнать о тех краях.

Однако, как известно, источником для литературного произведения является в первую очередь литературная традиция, как внутри избранного автором жанра, так и вне его, и уже во вторую очередь – окружающая автора реальность. «Желание писать приходит к писателю от ранее приобретенного опыта в истории литературы, – пишет Н. Фрай. – Литература черпает свои формы из самой себя⁵». Для *De chorographia* Мелы это тем более важно, что это произведение, основанное, прежде всего, на переработке сочинений других авторов. Попробуем доказать справедливость этого утверждения для Мелы и показать степень и формы влияния существовавшей литературной традиции на его рассказ об Индии.

прямое или косвенное, отрицать бессмысленно (см., например: *Gisinger F. Pomponius Mela // RE. 1952. Bd. 24. Sp. 2404*).

³ Подробное рассмотрение источников труда Помпония Мелы см.: *Silberman A. Op. cit. P. XXX–XLIII*.

⁴ В дальнейшем везде, где номера параграфов даются без номера книги, имеется в виду третья книга *De chorographia*.

⁵ *Frye N. The Educated Imagination. Bloomington, 1964. P. 15–16*. Цит. по: *Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. Перев. с фр. Б. Нарумова. М., 1997. С. 7*. Эта идея Фрая не оригинальна, она встречается в работах как многих критиков, так и многих писателей, и Цв. Тодоров упоминает многих из них (указ. соч. С. 28–29).

Описание Индии Мела начинает с ее географического положения (61), обозначает восточную (Восточное море), южную (Индийское море), северную (хребет Тавра), западную (Инд) границы. Далее следует перечисление основных представлений об Индии, причем некоторые особенности этой страны лишь упоминаются, а на некоторых Мела останавливается подробнее.

Прежде всего, он сообщает, что Индия – страна изобильная (*fertilis* – 62⁶) и богата как людьми, так и животными. Сказочное богатство Индии – это одна из основных черт образа этой страны, каким он предстает в произведениях греческих историков. Так, Геродот пишет, что «окраины ойкумены наделены лучшим» (αἱ δ' ἐσχαιαὶ κως τῆς οἰκεομένης τὰ κάλλιστα ἔλαχον – III.106), а Индия и есть восточная окраина ойкумены (πρὸς τὴν ἠὲ ἐσχάτη τῶν οἰκεομένων ἡ Ἰνδική ἐστι – *ibid.*).

Затем Мела развивает сообщение о животных, перечисляя самых удивительных из них. О муравьях, которые величиной не меньше самых больших собак (*formicas non minores maximis canibus* – 62), говорится впервые, насколько нам известно, у Геродота («величиной меньше собаки, но больше лисицы» – μύρμηκες μεγάθεα ἔχοντες κυνῶν μὲν ἐλάσσω, ἄλωπέκων δὲ μέζω – III.102). Далее эти муравьи становятся неотъемлемой частью рассказа об Индии, их упоминают Страбон (XV.1.44), Плиний Старший (*Nat. hist.* XI.111), Арриан (*Ind.* 15)⁷. Ктесий же, говоря об Индии, помещает золото в горы, делая хранителями этого золота грифов (Ctesias. 688. Frag. 45 FgrHist. = Phot. Codex. 72. Bekker. 46 b). А Мела, указывая

⁶ Слово *fertilis* имеет, помимо основного значения «плодородный», и значение «богатый, изобилующий». Именно такой перевод, на мой взгляд, правомерен здесь потому, что в данном случае речь идет о том, что Индия богата людьми и разными видами животных (*ceterum fertilis, et vario genere hominum aliorumque animalium scatet* – 62), а о плодородии почв говорится отдельно немного дальше, в том же параграфе. Впрочем, С. Апт понимает *fertilis* именно как «плодородный» (см. его перевод *De chorographia* в: Античная география. С. 230).

⁷ См. более подробно: Самохвалова Н. Е. Влияние литературной традиции на описание Индии в трудах античных историков и географов // *Antiquitas Juventae*. Саратов, 2005. С. 7–10.

на охраняющих золото муравьев, как на одну из диковинок Индии, поясняет их поведение, напоминая о сходном поведении грифов, и предполагая, таким образом, что грифы, стерегущие золото, – пример достаточно известный, чтобы с его помощью растолковывать менее известные читателю повадки муравьев⁸.

Образ сказочно богатой страны создается и при помощи мотива необычайной плодородности индийской земли, порождающей растения огромных размеров и чудесных свойств. Мела рассказывает о тех же растениях, что и Геродот: о деревьях, на которых растет шерсть (*lanas silvae ferant* – 62; у Геродота рассказ подробнее – III.106), и о тростнике, из которого делают лодки (Mela. III.62; Геродот и об этом говорит подробнее: III.98). Плодородие индийской земли характеризуется Мелой гиперболически: почва настолько тучная и плодородная, что мед здесь стекает с листьев (*tam pinguis alicubi et tam feracis soli, ut in eo mella frondibus defluant* – 62)⁹.

Несомненно, у народа, живущего в стране, столь отличающейся от привычного Меле Средиземноморья природными условиями, флорой и фауной, должны быть и другие нормы поведения. Мела, вслед за многими авторами, писавшими об Индии, отмечает, что эту страну населяет множество разнообразных племен, имеющих разные обычаи (*cultorum habitus moresque dissimiles* – 63). Они носят разную одежду: из растущей на деревьях шерсти, из льна, из птичьих перьев, из шкур животных; некоторые и вовсе не носят одежды, а некоторые только слегка прикрываются (*lino alii vestiuntur aut lanis quas diximus, alii avium ferarumque pellibus; pars nudi agunt, pars tantum obscena velati* – 63). Этот перечень представляет, по сути, практически все возможные варианты одежды (или ее отсутствия), то есть не столько является конкретной характеристикой способов

⁸ *Formicas <...> quas more gryporum aurum penitus egestum cum summa pernicie adtingentium custodire commemorant* (62). Ранее Мела упоминает этих грифов, описывая Скифию (II.1), куда и было принято их помещать; традицию в данном случае нарушает Ктесий.

⁹ Возможно, такая гипербола возникла на основе сведений о сахарном тростнике; ср. у Страбона (XV.1.20).

одеваться разных индийских племен, сколько показывает их многообразие.

Некоторые инды не убивают животных и не едят мяса¹⁰, другие питаются только рыбой (*quidam nullum animal occidere, nulla carne vesci optimum existimant, quosdam tantum pisces alunt* – 64)¹¹, а некоторые и вовсе едят своих ближайших родственников. Геродот тоже рассказывает о подобных обычаях: когда кто-нибудь заболевает, его убивают, потому что «из-за того, что он истощается от болезни, для них портится [его] мясо¹²» (αὐτὸν τηκόμενον τῇ νούσῳ τὰ κρέα σφίσι διαφθείρεσθαι – III.99). И хотя бедняга уверяет, что вовсе не болен (ὁ δὲ ἄπαριός ἐστι μὴ μὲν νοσέειν – *ibid.*), самые близкие ему люди (οἱ μάλιστα οἱ ὀμιλέοντες – *ibid.*) все-таки убивают его и, «убив, пируют» (ἀποκτείναντες κατεωχέονται – *ibid.*). Причем столь странного обычая придерживаются как мужчины, так и женщины (ἦν τε γυνὴ ἦν τε ἀνὴρ – *ibid.*). «А дожившего до старости съедают, принеся в жертву» (τὸν γὰρ δὴ ἐς γῆρας ἀπικόμενον θύσαντες κατεωχέονται – *ibid.*). Но из-за такого обычая редко кто доживает до старости, потому что любого заболевшего убивают (ἐς δὲ τούτου λόγον οὐ πολλοὶ τινες αὐτῶν ἀπικνέονται· πρὸ γὰρ τοῦ τὸν ἐς νοῦσον πίπτοντα πάντα κτείνουσι – *ibid.*). Упоминает Геродот и о племени, принадлежащие к которому люди «съедают [умерших] родителей» (τοὺς γονέας κατεσθίουσι – III.38).

У Мелы рассказ о людях, поедающих своих родственников, выглядит несколько иначе¹³. У него люди съедают своих ближайших

¹⁰ Ср. более подробный рассказ об обычаях этого племени: Hdt. III.100.

¹¹ Геродот сообщает, что это те же племена, которые делают лодки из тростника (III.98).

¹² Существующий перевод «Истории» Геродота Г. А. Стратановского (Геродот. *История*. М., 1970) представляется недостаточно точным. Используемые переводы текста Геродота принадлежат мне. Они не претендуют на литературность, поскольку выполнены исключительно в рабочих целях.

¹³ В данном случае нас, как было сказано выше, не интересует, кто был автором, переосмыслившим сообщение Геродота, сам ли Мела или же неизвестный нам автор некой греческой переработки Геродота. Раз Мела включил информацию в свой труд, значит, она казалась ему достойной того, а, следовательно, отражала его представления о мире, независимо от того, взята ли эта информация непосредственно из «Истории» Геродота или нет.

родственников (*proximos parentes* – 64), не дожидаясь, пока их мясо станет непригодным для еды, и, убивая их раньше, чем их истощат годы или болезнь (*priusquam annis aut aegritudine in maciem eant* – 64). Чем вызвана такая переработка рассказа Геродота? Здесь мы вступаем в область гипотез, которые невозможно ничем доказать. Возможно, автору (Меле или же его греческому источнику) показалось странным, что геродотовские племена едят мясо больных или старых людей, и он приписал им поедание ничем не зараженного мяса. Но, устранив то, что казалось нелогичным в рассказе Геродота, автор пришел к еще более нелогичному варианту: если ближайших родственников ели как можно скорее, чтобы не дать им заболеть, то возникает вопрос, как это племя за короткое время не истребило само себя? Впрочем, источником рассказа о таких обычаях мог быть и не Геродот.

Единственное, что мы можем утверждать, не руководствуясь исключительно домыслами, это то, что Мела следует геродотовской традиции в оценке чужестранных обычаев. У Геродота этому посвящены специальные рассуждения. Убийство больного вместо попытки его излечения, убийство стариков вместо оказания им всяческого почета и уважения, поедание трупов вместо похорон, – все это, несомненно, не соответствует традициям греков и поражает воображение. Но еще более шокирующими становятся все эти действия, если помнить, что исполняются они ближайшими родственниками убиваемого и поедаемого человека (а Геродот постоянно напоминает читателю об этом). Ведь в первую очередь родственники должны заботиться об участи близких и их достойном погребении, как это происходит, например, в трагедиях Софокла «Эдип в Колоне» или «Антигона». Таким образом, обычаи индов описываются Геродотом как совершенно противоположные греческим.

Однако, несмотря ни на что, каждый народ считает свои обычаи наилучшими (*νομίζουσι πολλόν τι καλλίστους τοὺς ἑωυτῶν νόμους ἕκαστοι εἶναι* – III.38), и если кто-нибудь предложил бы всем народам выбрать самые хорошие обычаи из всех, то, обдумав, каждый народ выбрал бы собственные (*ibid.*):

εἰ γὰρ τις προθείη πᾶσι ἀνθρώποισι ἐκλέξασθαι
κελεύων νόμους τοὺς καλλίστους ἐκ τῶν πάντων νόμων,
διασκεψάμενοι ἂν ἐλοίατο ἕκαστοι τοὺς ἑωυτῶν.

Чтобы доказать справедливость этой мысли, Геродот рассказывает о тех племенах индов, которые съедают умерших родителей. Оказывается, эти люди считают эллинский обычай сжигать покойников кощунственным и ни за какие деньги не согласились бы сделать то же со своими родственниками (III.38).

Таким образом, самым, пожалуй, удивительным для Геродота оказываются не разнообразные диковинки и чудеса Индии, а образ мыслей живущих в этой стране людей: они не только придерживаются совсем других обычаев, чем эллины, – эти люди не видят в своих обычаях ничего зазорного, более того, для них это единственно правильный и возможный способ поведения. Это же отмечает и Мела, но гораздо более кратко: есть своих родственников *fas et maxime pium est* (64).

Отражено в труде Мелы и свойственное греческим авторам представление об Индии как о стране, находящейся на самом краю ойкумены. За нею расположены земли, дальше которых человек попасть не может: Тапробан, о котором неизвестно, то ли это просто огромный остров, то ли начало второго мира (*Taprobane aut grandis admodum insula aut prima pars orbis alterius* – 70), и острова Солнца (71)¹⁴.

Как мы видим, в ту эпоху, когда «реальный географический опыт не оставлял более места для подобных фантазий»¹⁵, Мела обращается не столько к реальным географическим знаниям своего времени, сколько к традиции, сформировавшейся в литературе, посвященной Индии. Он суммирует греческие представления, меньше всего ориентируясь на современный ему уровень знаний¹⁶. Бо-

¹⁴ О традиции относительно Тапробана и островов Солнца см.: *Silberman A.* Op. cit. P. 297–298.

¹⁵ *Ельницкий Л. А.* Древнейшие океанские плаванья. М., 1962. С. 11.

¹⁶ Ср., например, *Naturalis Historia* Плиния Старшего.

лее того, он не просто упоминает основные черты образа Индии, но и местами усиливает их фантастический характер. Это значит, что Мела, создавая свой труд в русле существующей традиции, не стремится эту традицию изменить или опровергнуть, а, наоборот, продолжая, развивает ее в том же ключе, в котором она развивалась во времена Геродота и Ктесия. Таким образом, Мела стремится не к созданию как можно более правдивого описания реальности, а к созданию, прежде всего литературного произведения определенного жанра с опорой на уже вполне устоявшиеся к его времени традиции, связанные с этим жанром.

ЛАННИК Л. В. (САРАТОВ)

РИМ И ГЕРМАНЦЫ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

ри рассмотрении причин крушения Римской империи, особенно западной ее части, перед исследователем встает вопрос о причинах столь безоговорочного краха Империи как военной силы в IV–V вв. Действительно, если на Востоке римляне не сдавали ни одной провинции вне зависимости от ее значения без ожесточенной обороны (не считая эпизода с императором Иовианом в 363–364 гг. – Амн. Марс. XXV.7.13, Eutr. IX.17.1-2.), то Запад Империи не знал ни одного крупного сражения с «ордами» варваров в IV в., кроме битвы при Аргенторате в 357 г., которая не сравнима по числу участвовавших в ней даже с битвой при Араузионе с теми же германцами, произошедшей на четыре с половиной столетия ранее. К количеству побежденных врагов, называемых источниками, и титулам, которые принимали императоры после «блестящих» побед над варварами¹, следует относиться скорее скептически. В V в. римляне провели только одно действительно крупное сражение, не случайно получившее наименование «Битва народов» – с союзом племен под предводительством гуннов на Каталаунских полях, да и то большую часть войск антигуннской коалиции составляли уже фактически независимые от Рима варвары.

Многочисленные попытки еще со времен Аммиана Марцеллина объяснить поражения римлян чисто техническими причинами, например, отказом римской пехоты от тяжелого вооружения, либо отсутствием удачи не являются решением проблемы. Военная история неоднократно показывала, что главной составляющей боевой силы любой армии является не уровень вооружения, хотя он, без-

¹ *Ensslin W. The Senate and the Army // САН. 1939. Vol. XII. P. 90.*

условно, важен, а боевой дух (мотивированность) солдат и офицеров, а также грамотное командование. На истории создания Римской империи это особенно заметно. Г. Дельбрюк пишет, что римляне были не храбрее своих противников, но более дисциплинированными. Это утверждение верно лишь частично, да и сам германский историк здесь же признает, что даже очень хорошо обученная вооруженная часть небоеспособна, если она состоит из сплошных трусов, поэтому отказать римлянам в храбрости нельзя².

Именно превосходные моральные качества римских войск сыграли свою решающую роль в победе над Карфагеном, а затем без особых усилий – во всяком случае, несравнимых с теми, что пришлось затратить в борьбе с самнитами или этрусками – и эллинистическими государствами. В свою очередь, грамотное командование позволило завоевать достаточно скромными силами и впоследствии романизировать такие огромные регионы, как Галлия и Испания. Говорить о безоговорочном превосходстве в боевом духе германцев над римлянами и наоборот вряд ли возможно, во всяком случае, ситуация здесь неоднократно менялась. Попытки немецких историков сделать из древних германцев неизменных победителей Рима, отступавших только перед подавляющим численным превосходством врага, не выдерживают критики. Даже в кризисный для Рима IV в. цезарь Юлиан в сражении при Аргенторате продемонстрировал, что римляне могут громить втрое превосходящие силы германцев за счет устойчивости в бою и элементарной тактической грамотности командования³. Тем не менее, падение морали в армии в IV–V вв. было налицо.

Рассматривая римско-германские взаимоотношения, следует также иметь в виду разный уровень противников, не столько в экономическом и культурном плане, сколько в численности вооруженных сил. Никогда ни одно из германских племен и даже ранне-

² Дельбрюк Г. История военного искусства. Античный мир. Германцы. Смоленск, 2003. С. 266.

³ См. об этом также: Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997. С. 320.

средневековых государств, что бы ни утверждали римские источники, не могло позволить себе армию в 500 тыс. человек, каковая, по некоторым подсчетам, была у Римской империи во времена Диоклетиана⁴. Германцы представляли собой одну из самых сложных внешнеполитических проблем Рима на протяжении столетий, так как после окончательного отказа от завоевания Германии вплоть до Эльбы в 16 г. н. э. римские императоры встали перед перспективой долгосрочного сдерживания варваров. Это была однозначно стратегическая задача, которая требовала именно стратегического решения, то есть постоянного внимания к себе и последовательной программы действий. Ни того, ни другого римские императоры не обеспечили, зачастую считая приоритетными другие направления.

«Расквитавшись» с варварами за Тевтобургский лес, восстановив свой военный престиж в своих и вражеских глазах, в дальнейшем римляне действовали против германцев, как правило, тактически. Установив пределы своих владений и построив систему оборонительных сооружений, Империя на постоянные набеги реагировала краткосрочными контрперациями⁵, которые заканчивались, как правило, суровым наказанием непосредственных виновников разорения приграничных деревень в провинциях Галлии и Паннонии. Это вполне устраивало императоров и создавало иллюзию незыблемости подавляющего превосходства римлян. Однако уже во время Маркоманнских войн римляне смогли ощутить, насколько возросла мощь германцев, и Марк Аврелий продемонстрировал способность высшего руководства Империи принимать адекватные и своевременные решения (имеется в виду мобилизация ресурсов государства и последовательный разгром противника вплоть до образования новых провинций). Но с его смертью недолгий период римской военной инициативы миновал, в то время как германцы вынесли из опыта войны с Римом определенные уроки.

⁴ Лазарев С. А. Римская армия в период поздней империи // www.ancient-rome.ru/publik/lazarev/lazaro2.htm; Джонс А. Х. М. Указ. соч. С. 298.

⁵ Джонс А. Х. М. Указ. соч. С. 20.

Полный крах попыток решить «германскую проблему» минимальными средствами наступил с началом непосредственного переселения варваров в пределы Империи в IV в. Против этого длинные оборонительные линии и ограниченные пограничные контингенты были бессильны. Поставленные перед угрозой голода и вытесняемые со своих земель, германские племена были готовы на все, так как дрались за свое выживание. Римские солдаты, если они не были уроженцами земель непосредственно ими защищаемых, могли биться только за жалование, которое еще и годами задерживали, и из патриотических соображений, которые у них, по сравнению с героями эпохи Республики, практически отсутствовали.

Перед императорами встал вопрос о стратегии взаимоотношений с германцами, которые уже не защищали родную землю, как во времена Арминия, и не ограничивались грабежами, а желали приобрести новые земли и были согласны ради этого почти на любые условия. В IV столетии германцы уже приняли христианство, готовы были стать полноценными членами цивилизованного общества и инкорпорироваться в гигантскую Римскую империю, влившись в огромную общность «римских» граждан, большинство из которых не имели с Вечным городом ничего общего по происхождению и традициям. Более того, в одряхлевшей и разваливающейся на куски мировой державе германцы после некоторой романизации могли стать новым ее стержнем и опорой. В то время как жители Италии в 260-х гг. не могли защитить самих себя и тем более собрать воедино империю, «великие иллирийцы» – от Клавдия Готского до Диоклетиана – сумели возродить былую мощь и вновь перейти в наступление⁶. А были ли иллирийцы до римского завоевания цивилизованнее германцев IV в.?

Сами италийцы прекрасно понимали, что знамена Рима защищают уже совершенно другие по национальности люди, и в большинстве своем ради самосохранения были готовы к тому, что пред-

⁶ *Alföldi A. The Crisis of the Empire // САН. 1939. Vol. XII. P. 200.*

ставители окраин встанут во главе государства. Аврелий Виктор даже осмеливается утверждать, что Рим вообще возрос благодаря «доблести чужеземцев и заимствованным у других искусствам» (*Caes.* XI.13). Хотя, например, Лактанций, отражая взгляды некоторых слоев интеллигенции, с возмущением указывает на намерение императора Галерия (родом из прибрежной Дакии) сменить название Империи с «Римская» на «Дакская» (*De mort. pers.* XXVII.8). Т. Моммзен в подтверждение возможности германцев стать столпом Империи пишет, ссылаясь на Орозия, что после побед над римлянами вождь вестготов Атаульф уже подумывал о переименовании империи в «Готскую»⁷, то есть это было первое проявление идеи Карла Великого и Оттона I о Римской империи на германском «основании». Естественно, достоверность таких проектов, учитывая пристрастность обоих историков, сомнительна, но сама возможность выдвинуть такое предположение уже иллюстрирует создавшееся положение.

Таким образом, как возможный новый ресурс для поддержания целостности государства, германцами и особенно их воинскими контингентами интересовалось руководство Империи. Поголовно истреблять германских воинов вместе с женами и детьми, притом, что они могли стать верными и стойкими солдатами, талантливыми военачальниками, исправными налогоплательщиками и активными участниками общеимперского рынка⁸, просто не было смысла. С другой стороны, не уничтожать варварские племена, при желании остановить их и сохранить контроль над землями империи, было невозможно.

Постоянно меняющаяся этнополитическая обстановка в варварском мире, учитывая, что римляне в поздней Империи, как правило, совершенно не были осведомлены и не интересовались происходящим в Барбарикуме, за пределами их Ойкумены, требовала своевременных стратегических решений и иногда даже прин-

⁷ Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002. С. 553.

⁸ Randsborg K. Barbarians, Classical Antiquity and the Rise of Western Europe: An Archeological Essay // PP. 1992. № 137. P. 18.

ципиально новых ходов. На такие инновации римляне были способны. Например, Марк Аврелий пошел на создание беспрецедентного в римской истории слоя федератов. Однако постоянно вовремя и удачно принимать такие решения римляне не смогли или не захотели. Более того, уже в середине IV в. Констанций II и другие претенденты на власть сознательно шли на разграбление и постепенный захват Империи германцами, призывая их к этому в надежде ослабить и отвлечь конкурента, то есть за счет «германской проблемы» решались принципиально другие задачи. Юлиан Отступник был провозглашен восставшими воинами императором после того, как тот же Констанций II захотел с помощью победоносных галльских легионов справиться с персами, то есть вывести войска, защитившие, наконец, свои дома, на другой конец империи. Одна из немногих в истории Империи попыток действовать против германцев последовательно и стратегически была прервана и в итоге провалилась из-за желания в первую очередь решить проблемы на Востоке. Сам Юлиан, когда ему предложили воевать против готов, предпочел напасть на персов, заявив, что поищет себе лучших врагов (Аmm. Marc. XXII.7.7). С гибелью Юлиана плоды его успехов и большинство договоренностей с зарейнскими варварами пошли прахом.

Таким образом, римляне проиграли германцам стратегически, из-за отсутствия последовательной политики. О тактическом проигрыше, то есть о серии поражений на полях сражений, говорить не приходится. Широко известные, классические примеры поражений римлян в эпоху поздней империи, например, Адрианополь 378 г., по реальным последствиям своим не подходят в качестве существенных доказательств военной слабости римлян по сравнению с германцами. Действительно, ведь после решительной победы готы не смогли взять ни Адрианополь, ни Константинополь и вскоре по договору с Феодосием I согласились стать обыкновенными федератами, каких в Империи было много⁹. Кроме того, едва ли

⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 551.

можно согласиться с А. В. Банниковым, который пишет об исчерпании ресурсов римских провинций¹⁰. Галлия, о которой упоминает исследователь, даже после нескольких лет безнаказанных грабежей и разорения все равно была очень многолюдной по сравнению с германскими племенами, что позволило Франции остаться все же романской страной, несмотря на германское завоевание в V в. Не поэтому ли Валентиниан I¹¹ в ярости приказывал жечь живьем дезертиров и уклоняющихся от военной службы вместе с их укрывателями (СTh. VII.18.2.)? В случае малолюдности страны император вряд ли стал бы так делать. Имело место не оскудение провинций, а нежелание и неверие местного, вполне боеспособного по сравнению с жителями Италии¹² населения в возможность решения германской проблемы римской властью. Как справедливо отмечает Т. Моммзен, в римских походах этого времени против германцев было мало геройства¹³. Валентиниан I и его преемники пытались репрессиями предотвратить чрезмерную зависимость армии от германских отрядов и офицеров с помощью наборов в солдаты среди римлян, однако уже в 392 г., по-видимому, германцы-офицеры, убили за такую политику Валентиниана II¹⁴. Вывод многих исследователей о постепенном снижении численности населения представляется бесспорным, но должно было пройти еще несколько столетий, прежде чем численность германцев и населения Римской империи стала хотя бы сопоставимой.

Факт *стратегического* проигрыша римлян тем более показателен и парадоксален, что из двух противоборствующих сторон одна – германцы – вообще не имела понятия о стратегическом искусстве и не нуждалась в нем вообще, так как попросту стояла перед перспективой уничтожения, а вторая – римляне – действовала последовательно только эпизодически, ограничиваясь тактическими ак-

¹⁰ Банников А. В. Крушение римской оборонительной системы на Западе империи // SH. 2005. № V. С. 119.

¹¹ Assunta Nagl. Valentinian I // RE. 1948. 2. R. Hbd. 14. Sp. 2158-2204.

¹² Грант М. Крушение Римской империи. М., 1998. С. 43.

¹³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 543.

¹⁴ Seeck O. Arbogastus // RE. 1895. Hbd. 3. Sp. 416.

циями¹⁵, строго соразмерными действиям германцев, а зачастую вообще предпочитала уступить на данном участке фронта для достижения других целей.

Тем не менее, за долгую историю противостояния Рима и германцев можно выделить несколько стратегических приемов, последовательно применявшихся римскими военачальниками и правителями на германском фронте. Когда говорится об отсутствии своевременной римской реакции на действия германцев и нежелании действовать стратегически против варваров, следует также иметь в виду, что за несколько столетий римляне все же перепробовали во взаимодействии с северными соседями весь спектр мер: от поголовного истребления до инкорпорирования в Империю целых племен и до возникновения германской по происхождению элиты в римской армии и государстве. Таким образом, причина итогового крушения Римской империи на Западе – не в роковой консервативности и иммобильности военно-политического мышления римских императоров. Они не могут быть обвинены в полной устарелости и ограниченности своих методов. Вероятно, имело место несвоевременное или недостаточное применение инноваций, но никак не полное их отсутствие. Западную Римскую империю как военную силу погубил целый комплекс причин, важнейшими из которых являются утрата солдатами основных моральных качеств и мотивированности.

В данной статье будут рассмотрены испробованные пути решения римлянами германской проблемы за весь период их противостояния, то есть с 113 г. до н. э. до 476 г. н. э., хотя последняя дата является скорее традиционной. Последние принципиальные изменения в римско-германских взаимоотношениях на Западе произошли в 420–430-х гг., события 476 г. стали всего лишь оформлением итогов этих изменений.

Ужас римлян перед германцами был сопоставим с их страхом времен взятия Рима галлами. Не зря именно для противодействия

¹⁵ *Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B. C. to A. D. 378 // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 21.*

ордам кимвров и тевтонов была проведена одна из самых крупных военных реформ в истории античного Рима. Не случайно и Г. Мария после побед над германцами римский плебс считал третьим основателем города (Plut. *Mar.* 14.2). Если истребление и завоевание опаснейших врагов – галлов – до Цезаря казалось невозможным, то германцы, эти немногочисленные и бескомпромиссные враги, должны были быть стерты с лица земли. Включить их в систему «союзников римского народа» было невозможно, допустить соседство с такими дикими племенами – опасно. Так и произошло. Кимвры и тевтоны отошли в историю, оставшись только в памяти как пример сокрушительного германского натиска на Рим. Первая реакция Рима на угрозу германцев была однозначной – поголовное истребление. Основания для такой жестокости у римлян были, а действенность именно такого метода доказал пример Карфагена и Коринфа.

Однако необходимости в истреблении зарейнских германцев, с которыми Рим вновь столкнулся во время Галльских походов Цезаря, несмотря на всю их дикость, описанную Цезарем, не было. Необходимо было только нанести варварам несколько тяжелых поражений, чтобы заставить их оставаться за Рейном, не вмешиваясь в дела покоряемой римлянами Галлии. Цезарь так и поступил, разбив свевов и дважды переходя Рейн для нанесения превентивных ударов по германским племенам. Таким образом, уже в середине 50-х гг. была обозначена стратегическая задача для Рима на последующие столетия – оборона (желательно, активная) Галлии на Рейнском оборонительном рубеже. Стратегия активной обороны с контратаками была принята Цезарем и для Британии – пример тому два его похода в Британию без определенных завоевательных целей, совершенных с целью лишить галлов возможных союзников.

Г. Дельбрюк пишет, что римляне вынуждены были начать завоевание Германии, так как не видели другого способа обезопасить свои все более привлекательные богатством провинции от герман-

ских набегов¹⁶. Однако такое объяснение представляется сомнительным. Скорее, римляне после поражения легата М. Лоллия в 16 г. до н. э., наконец, осознали масштабы германской проблемы, а так как с завоеванием Норика и Паннонии общая граница с германцами еще более расширилась, то Рим приступил к систематическому решению задачи. Оборона была забыта, Империя перешла в стратегическое наступление, которое должно было завершиться образованием новой провинции за Рейном. Однако за несколько десятилетий выяснилось, что Германия не заканчивается на Альбице, а за этой рекой, которая могла бы стать для Рима новым Рейном¹⁷, живут еще более дикие, чем прирейнские германцы, племена. Наступление и покорение Германии, таким образом, не решало принципиальные задачи, а только присоединяло к Империи совершенно ненужные ей и неосвоенные земли. Избранная стратегия, учитывая продемонстрированную в Тевтобургском лесу доблесть варваров, не окупалась даже серебряными рудниками в Германии. Это побудило Рим искать другие пути.

Уже во времена Ариовиста стало понятно, что с ближайшими соседями удастся договориться, если заставить их уважать Рим как военную силу. Кроме того, можно было предоставить им возможность приобретать все необходимое торговлей и службой в легионах. Отдельные германские племена, наиболее долго контактировавшие с относительно цивилизованными галлами, оказались уже в конце I в. до н. э. готовыми к долговременному сотрудничеству с Империей на вассальной основе. Батавы, например, были верными союзниками Рима на протяжении столетий и к IV в. сильно романизовались. Восстание их под предводительством Юлия Цивилиса в 69–70 гг. н. э. не опровергает, а подтверждает тезис. Так как уже тогда германцы–батавы бились совместно с галлами и некоторыми солдатами из римских легионов за образование Галльского государства (*Imperium Galliarum*), не являясь уже по самосознанию частью Барбарикума (Тас. *Hist.* IV.60.). Такая же политика проводи-

¹⁶ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 278.

¹⁷ Millar F. Op. cit. P. 17.

лась по отношению к большей части убиев и хаттов: Рим сначала продемонстрировал свою силу, завоевав земли германцев, а затем позволил им продолжать жить на старых территориях с сохранением некоторой самостоятельности при условии признания и поддержки ими римского суверенитета. Однако далеко не все из германцев были согласны даже на формальное подданство Риму, Тацит вкладывает в уста Арминия фразу о том, что германцы между Альбисом и Рейном уже увидели «розги, и секиру, и *тогу* (курсив мой – Л. Л.)» (*Ann.* I.59). Это, по-видимому, выражает то, что низкий культурный уровень германцев первых веков противостояния не позволял им уважать и терпеть над собой представителей иной, более высокой цивилизации. Поэтому «батавский» вариант в большинстве случаев не мог быть применен; при установлении римского господства германцы сопротивлялись до последнего, а затем бежали и переселялись на свободные земли, не желая мирно контактировать с вчерашними врагами.

Стратегия привлечения варваров на свою сторону с помощью пожалования земли и принятия в ряды вспомогательных войск не могла использоваться повсеместно, поскольку не укрепляла авторитет римского оружия в глазах воинственных соседей, и могла быть применима только к самым цивилизованным из них. Да и союзники недешево обходились Риму, требуя хлеба, денег, роскошных подарков вождям, а главное, земли. Кроме того, привлечение вчерашних врагов на свою сторону автоматически означало признание невозможности победить их на полях сражений. Примерно такая же дилемма встала перед Римом и относительно даков. Домициан подарками и дипломатией пытался сделать из агрессивных соседей партнеров и одновременно щит против весьма возможных новых волн варваров. Однако Траян предпочел завоевание и тем перечеркнул все достижения Домициана¹⁸. Затем Рим еще около 170 лет с огромным трудом оборонял окруженную с трех сторон Дакию от вторжений и все-таки оставил ее одной из первых при

¹⁸ Longden R. P. The Wars of Trajan // САН. 1936. Vol. XI. P. 224.

Аврелиане, даже не позаботившись о полной эвакуации подданных¹⁹.

Прерванная в 16 г. н. э. попытка завоевания Германии оставила открытым вопрос о стратегических рубежах, которые Империя должна оборонять. Прежние рубежи – Рейн на всем его протяжении, верховья Дуная – не устраивали своей большой протяженностью и слабой связанностью друг с другом. Поэтому при Флавиях и ранних Антонинах римляне постепенно продвигаются на северо-восток, завоеывая и осваивая Декуматские поля, то есть ту территорию, которая могла быть сравнительно быстро освоена из-за более благоприятного, чем в других германских землях, климата, которая связывала кратчайшими путями римские провинции Германия Верхняя и Норик, которая могла быть заселена лояльными германо-кельтскими колонистами²⁰. Постепенное продвижение вперед завершилось окончательно при Адриане²¹. Дальнейшее освоение Германии Риму было экономически невыгодно, а никаких стратегических выгод внутренняя Германия, в отличие от Декуматских полей, не предоставляла. Вместе с захваченными территориями в римскую систему вошло еще некоторое количество германцев. Относительно остальных был избран путь сохранения по возможности длительного мира на основе удержания завоеванного.

Однако пока римляне постепенно пробовали разные методы против германской самостоятельности и непредсказуемости, германцы также не оставались теми же, какими их не без вымысла описал Цезарь. Перед варварами встал выбор, который они решили двумя путями: либо, как в свое время Сегест, стать верными союзниками Империи и важным звеном в римской администрации завоеванных областей, либо, как Арминий, попытаться максимально сплотиться против «тюрьмы народов», какой для них представав-

¹⁹ *Alfoldi A. The Invasions of Peoples from the Rhine to the Black Sea // CAH. 1939. Vol. XII. P. 152.*

²⁰ *Collingwood R. G., Stade K., Alfoldi A. The Latin West: Britain, Roman Germany, the Danube Lands // CAH. 1936. Vol. XI. P. 529.*

²¹ *Schonberger H. The Roman Frontier in Germany: An Archeological Survey // JRS. 1969. Vol. 59. P. 165–170.*

ла Римская империя. Под влиянием этого раскола в едином мире германских племен, а также в связи с существенным ростом населения, во II–III вв. происходит перегруппировка племен и их слияние в мощные племенные союзы под новыми именами – франки, аламанны, маркоманны и др. Осознание себя частью новой, куда более мощной группы племен давало германцам возможность попробовать Рим на прочность еще раз при другом соотношении сил²². Времена фразеи, использовавшейся в качестве основного оружия варваров, миновали, теперь германцы блестяще действовали конницей²³. Источник говорит об аламанных, что это племя, удивительно сражающееся на конях (Aug. Vict. Caes. XXI.2). Кроме того, на римские границы начинают выдвигаться племена, ранее жившие у берегов Балтийского моря, которые совершенно не имели умиротворяющего опыта взаимодействия с античной цивилизацией и так же, как когда-то свевы, надеялись добыть все необходимое огнем и мечом.

Римская администрация, по-видимому, пропустила важнейшие перемены в германском мире, поэтому сокрушительный удар маркоманнов в 160-х гг. явился для Марка Аврелия неожиданностью. Вновь выяснилось, что германцы совершенно не заинтересованы в сохранении *status quo*. Отсутствие в течение минимум 80 лет опыта большой войны против северных варваров заставило римские войска заново учиться воевать с противником, который не ставит перед собой классических военных задач, то есть не осаждают хорошо укрепленные города, не вступает в решительные сражения и легко отступает из завоеванных территорий при неблагоприятной обстановке. Марк Аврелий, понимая возросшие масштабы германской проблемы и всю опасность дальнейшей пассивности Рима, вновь возвращается к политике стратегического наступления вглубь Германии²⁴. Однако он осознает невозможность исключительно силового решения проблемы, поэтому создает из нероманизированных,

²² Collingwood R. G., Stade K., Alfoldi A. Op. cit. P. 539.

²³ Alfoldi A. The Invasions of Peoples... P. 161.

²⁴ Millar F. Op. cit. P. 13.

но готовых к романизации варваров новый слой защиты – федератов. Последние должны были германскими руками при относительной самостоятельности и существенных льготах в налоговом отношении погасить новый германский же напор, одновременно распространив римскую власть на территорию современных Чехии и западной Венгрии. Видимо, Марк Аврелий рассчитывал на постепенное мирное слияние федератов с остальным населением империи, в которой и так все большее влияние приобретали провинции. Примеры подобного исхода событий были известны, поэтому федераты оказались удачной новинкой, но они также слишком дорого обходились в земельном отношении. Кроме того, это было еще одно признание в собственном бессилии победить и завоевать, и еще один шаг в сторону признания германцев равноценными римским гражданам и римским солдатам.

Коммод прекратил имперское наступление, вернувшись к обороне, которая даже не была активной. Из достижений его отца сохранились лишь первые отряды федератов на дунайской границе и требование в мирном договоре к германцам очистить 16-тимильную приграничную зону²⁵. Последнее было еще одним методом предохранения от германцев, но оно явно не решало проблемы. Во-первых, для сверхмобильных германцев 16 миль не являлись существенным расстоянием, а, во-вторых, тогда следовало бы «зачистить» Германию вплоть до Саксонии, чтобы принять меры против подходящих на границы Империи из глубины Барбарикума новых волн варваров, например бургундов, а это, конечно же, было невозможно. «Демилитаризованная» или «неразделенная» зона могла, впрочем, помочь, но только против медленного и негласного переселения приграничных германцев на имперские территории, однако, по-видимому, это условие мирного договора быстро перестало соблюдаться.

С эдиктом Каракаллы многие романизированные германцы стали гражданами Империи. Недавние принципиальные враги римлян и

²⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 357.

их потомки вдруг стали ровней жителям Италии и римских колоний. Естественно, что германцы, оставшиеся вне римской системы, теперь также могли стать гражданами, при условии проживания на землях Империи. С этого момента натиск, благодаря кризису III века, становится непереносимым для ослабленных и мятежных римских пограничных частей. Общеимперские интересы забыты, а к 250-м гг. ставится вопрос о возможности вообще контролировать ситуацию на границах. Романизованные жители приграничных провинций принимают еще одно стратегическое решение – об образовании отдельных государств, которые бы решали конкретные внешнеполитические задачи без претензий на единовластие и тем более на гегемонию в Ойкумене. Опыт оказался удачным: во время существования Галльской империи 259-274 гг. ее территория последовательно и успешно защищалась от аламаннских набегов (Eutr. IX.9.1). Как только в Риме появился император, способный объединить Империю и восстановить надежность границ на всем ее протяжении – Аврелиан, Галльская империя полудобровольно прекратила существование и вошла в состав единого римского государства.

Военная реформа Диоклетиана–Константина основывалась на стратегии быстрого реагирования. Предполагалось, что в рамках обороны мобильные гвардейские части смогут быстро локализовать и ликвидировать германские прорывы. Однако как только после смерти Константина Великого вновь началась борьба за единовластие между его сыновьями и появившимися узурпаторами, мобильность частей была обращена против соперника в борьбе за власть, а германцы стали одним из способов уязвить оппонента. Этого население приграничных провинций не могло простить, поэтому, вероятно, со времен Констанция II, начинается кризис доверия к римской военной организации и нежелание сражаться под имперскими знаменами даже против своих непосредственных врагов. Федераты же согласны были защищать только свои земли, и они были совершенно равнодушны к проблемам других, даже соседних регионов. Осознавая неэффективность принимаемых ранее

мер при желании сохранить единство империи, императоры изменили политику. Начиная с правления Юлиана, реализуется стратегия признания переселения варваров на имперские территории *post factum*. Так как варварам нужна была только земля, которую они уже завоевали и отказывались возвращать при мирных переговорах, то договор с ними о сохранении формального римского суверенитета над землями уже германскими на деле устранял причину для конфликта. Именно поэтому франки, некоторая часть аламаннов и готов достаточно долго соблюдали мир и даже сражались за империю в конце IV–V вв., до тех пор, пока могли удерживать свои земли против новых волн миграций. Однако передача варварам стратегически важных приграничных земель означала окончательный развал старой системы обороны. Как справедливо указывает А. В. Банников, отказ, например, от Паннонии в пользу варваров в 388 г. сделал целый ряд провинций империи, в том числе Италию, беззащитными²⁶ – недаром даже императорская резиденция переместилась в труднодоступную из-за болот Равенну.

Единственным стратегическим выходом в этой ситуации являлось включение варваров в качестве оборонительного средства в римскую армию не отдельными контингентами, которые уже доказали свою доблесть на полях сражений, и не только в качестве пограничных частей. Целые племенные союзы должны были стать составляющей основной легионов, которыми будут командовать и с их побеждать те же германцы, но во имя империи²⁷. Это удалось лишь частично, например франк Арбогаст, гот Гайна²⁸ и вандал Стилихон успели побыть чуть ли не главными защитниками Римской империи²⁹. Но допуск варваров в элиту произошел слишком поздно, так как этому до последнего сопротивлялись многие позднеримские императоры³⁰. Во-первых, к началу V в. в движение

²⁶ Банников А. В. Указ. соч. С. 125.

²⁷ Лазарев С. А. Указ. соч.

²⁸ Seeck O. *Gainas* // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 487.

²⁹ Буданова В. П. Варварский мир эпохи переселения народов. М., 2000. С. 55.

³⁰ Грант М. Указ. соч. С. 131.

пришел весь племенной мир Центральной и Восточной Европы, а не только германцы и тем более приграничные германцы; во-вторых, варвары менялись значительно быстрее Рима и некоторые из них уже были готовы к образованию собственных ранних государств и принятию христианства, как это было у готов в середине IV в., что лишало Римскую империю статуса единственной государственной системы и цивилизации, где германцы могут реализовать себя на новом уровне. Наоборот, теперь римляне желали видеть у себя германцев в качестве власти, так как это хотя бы гарантировало защиту³¹.

Германцы и римляне после принятия христианства были равны, все они стали «правоверными», но век одних еще только наступал, а других – безвозвратно прошел. Империи не хватило времени на «обработку» германцев. Последовательно перепробовав все пути, от поголовного истребления до полного слияния в рамках единого государства, Рим упустил время, когда еще можно было инкорпорировать молодые этносы в свою систему в качестве «младших братьев» с тем, чтобы их руками поддержать одряхлевшую державу. В конце IV – начале V в. германцы, наоборот, стали использовать остатки римской администрации для своих целей³². «Иллирийцами» аламанны, готы, франки так и не стали, а иных методов борьбы против более активных варваров, кроме превращения их в стержень государства, у цивилизованного Рима в конце его истории не осталось.

³¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 388.

³² Буданова В. П. Указ. соч. С. 110.

РОЗЕНБЛЮМ Е. М. (МОСКВА)

**АНТИЧНАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И ХРИСТИАНСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО
НА ПРИМЕРЕ СВ. ИГНАТИЯ И АНАКСАРХА**

История взаимоотношений между языческой цивилизацией, с одной стороны, и молодым христианством – с другой, имеет первостепенное значение как для истории Церкви, так и для истории поздней античности. Предметом данной статьи является один из аспектов этих взаимоотношений: связь между античной языческой традицией почитания героев и христианским культом мучеников. Эта связь, насколько мне известно, не освещена в отечественной историографии, за исключением констатации сходства некоторых чисто внешних форм¹.

Внимания заслуживает общий спор, который длится в историографии уже более полувека: о восприятии античной традиции ранним христианством. В ходе этого спора были высказаны две точки зрения. Согласно первой из них, христианство восстало против античной языческой культуры, отрицая все ее ценности и достижения². Вторая точка зрения состоит в том, что христианство не отвергло, а преобразило языческую культуру, очистив и освятив ее; и в этом – преображенном – виде античная культура стала органичной частью культуры христианской³.

¹ См., напр.: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Сокр. перев. с ит. В. П. Гайдука. М., 1987. С. 232.

² См., напр.: *Лебедев А. П.* Христианский мир и эллино-римская цивилизация. СПб., 2005. С. 6. Я даю ссылку на переиздание работы А. Лебедева, жившего на рубеже XIX–XX вв.

³ См., напр.: *Азимов А.* Римская империя / Перев. с англ. М. К. Якушина. М., 2004. С. 104; *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви: в 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 215–216. Я. Буркхард по этому вопросу занимает промежуточную позицию: *Буркхард Я.* Век Константина Великого / Перев. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2003. С. 117.

Я считаю, что вторая точка зрения в гораздо большей степени подтверждается источниками. Поскольку перечисление всех иллюстрирующих ее примеров не входит в цель настоящей работы, я напомним лишь, что в начале Евангелия от Иоанна Бог–Сын назван термином греческой философии – Логос (Ин. 1:1). Этот термин в синодальном тексте Библии переведен как «Слово», что не передает того широкого ассоциативного ряда, с которым он был связан в греческом оригинале⁴.

Второй точки зрения – о том, что христианство вобрало в себя античную культуру – придерживался в своей фундаментальной, не утратившей актуальности и поныне, «Истории Христианской Церкви» М. Э. Поснов: «Идея могущественного и возвышенного, как ее показали особенно восточные народы, – идея эстетически прекрасного, как выразили ее греки, идея общественной пользы, права и справедливости, как ее развили римляне, – все это положительные результаты приготовления язычников ко Христу, все это должно было найти свое освящение в истинно Святом, который мог освятить всех и возвысить все над земным»⁵.

Иначе считал Р. Ю. Виппер. Для него вполне очевидно, что христиане – враги Римской Империи. «Никто из представителей смежных специальностей, ни один из историков, изучавших общее развитие Римской империи или судьбы отдельных провинций, ни один из историков греческой и римской литературы, ни один из историков философии и права никогда не интересовался вопросом о том, откуда взялись последователи Христа, которые объявили непримиримую войну всей античной культуре», – пишет он в начале своей книги «Рим и раннее христианство»⁶.

⁴ О значении термина «Логос» в античной философии см., напр.: *Аверинцев С. С. Логос // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 321–322.*

⁵ *Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). М., 2005. С. 26.* В данной работе я использую последнее переиздание этой классической работы, впервые изданной в сокращенном виде в 1937 г., а в полном – в 1964 г.

⁶ *Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М., 1954. С. 9.*

Той же точки зрения придерживалась Ю. К. Колосовская: «...В то время как граждане, приверженные римским традициям, считали для себя обязательным радеть о городе, о его общественных постройках, о храмах богов, что и объединяло их в общину римских граждан и что было их общим делом, для других – христиан – все это не имело никакого значения. Отрицая прежние идеалы, христиане ставили себя вне гражданской общины. Человек открыто вступал в противоречие с государством, с его религией, нравственностью и моралью»⁷.

Однако, в историографии 1990-х гг. нашла свое продолжение точка зрения не только Р. Ю. Виппера, но и М. Э. Поснова. Так, например, В. И. Уколова пишет: «В сущности, римский патриотизм оборачивался неизбежной тягой к универсализму. Римский универсализм – предчувствие единства человечества, что так тонко прочувствовало и так органично восприняло христианство, отринувшее языческое прошлое “Вечного Града”, но перелившее его вечность в предвосхищение другого “Вечного Града” – небесного»⁸.

Итак, в историографии XX в. существует спор о том, отвергло христианство античную культуру или же восприняло и преобразило. Надеюсь, что эта работа сможет подтвердить еще раз вторую точку зрения.

В этой статье я попытаюсь рассмотреть связь между героической традицией и мученичеством с новой точки зрения, сравнив «Послание к римлянам» св. Игнатия Антиохийского и описание смерти философа Анаксарха в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского.

«Послание к римлянам» св. Игнатия Антиохийского – это источник, широко используемый историками Церкви. Например, М. Э. Поснов и А.-Г. Аман делают на его основании выводы о роли

⁷ Колосовская Ю. К. Христианские общины позднеримского города на Дунае // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 226.

⁸ Уколова В. И. Поздний Рим: Пять портретов. М., 1992. С. 46.

Римской Церкви во II в.⁹, а последний еще и дает подробную характеристику деятельности св. Игнатия, используя весь корпус его посланий¹⁰.

Труд «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского является одним из основных источников по истории античной философии. Без его использования не обходится ни один серьезный труд на эту тему или комментарий к античным философским источникам¹¹.

В то же время, насколько мне известно, в историографии пока не предпринимались попытки сравнить содержащиеся в этих двух источниках описания гибели св. Игнатия и Анаксарха.

Отвечая язычникам на упреки в том, что христиан побуждают к мученичеству упрямство и предрассудки, Тертуллиан пишет в своем знаменитом «Апологетике»: «Но у вас подобная отчаянность и готовность умереть ради приобретения славы и известности превозносится как доблесть... Анаксарх, когда его забивали до смерти пестом для измельчения ячменя, говорил: “Толки, толки оболочку Анаксарха, ведь самого Анаксарха ты не толчешь!” – о, величие души философа, который нашел в себе силы шутить даже над таким своим концом... О, дозволенная слава, ибо она человеческая! Ей в ее презрении к смерти и ко всевозможной жестокости не приписываются ни гибельные мечтания, ни отчаянное упрямство; настолько ей позволено страдать за родину, за Империю, за дружбу, насколько ей не разрешено страдать за Бога» (*Apol.* 50.4, 6, 10; здесь и далее Тертуллиан цитируется в перев. А. Ю. Братухина)¹².

Итак, мы видим, что уже во II в. в сознании христиан существовала преемственная связь между языческими героями и христи-

⁹ См.: *Поснов М. Э.* Указ. соч. С. 135; *Аман А.-Г.* Повседневная жизнь первых христиан 95–197 / Перев. с фр. В. Д. Балакина. М., 2003. С. 62.

¹⁰ *Аман А.-Г.* Повседневная жизнь... С. 197–200.

¹¹ См., напр.: *Гусейнов А. А.* Античная этика. М., 2004. С. 196–231; *Никольский Б. М.* Комментарии // Марк Туллий Цицерон. *О пределах блага и зла.* Парадоксы стоиков. М., 2000. С. 245–418.

¹² В опущенных фрагментах цитируемой фразы Тертуллиан перечисляет еще шесть языческих героев.

анскими мучениками. По этой причине любопытно сравнить описание смерти героя в языческом источнике и смерти мученика в источнике христианском. Я предпринял такую попытку сравнения на примере упомянутого Тертуллианом философа Анаксарха и одного из самых ранних Отцов Церкви, св. Игнатия.

Св. Игнатий принял смерть в Риме, куда его специально для этого доставили из Антиохии. Пока его везли в столицу, он написал несколько посланий, в которых говорится о его грядущем мученичестве (Euseb. *Hist. Eccl.* III.36.2–6). Особенный интерес для нас представляет его «Послание к римлянам».

А.-Г. Аман дает св. Игнатию такую характеристику: «Язычник по происхождению, Игнатий сформировался под влиянием философов. Его послания выдают грека, для которого греческий язык служит выражением его души и чувств, его культуры и мыслей»¹³.

Св. Игнатий жил в первой половине II в. и не мог быть знаком с сочинением Диогена Лаэртского, который жил столетие спустя. Но при этом вполне возможно, что Игнатий, весьма сведущий в философии, знал обстоятельства гибели Анаксарха, например, потому, что был знаком с книгами, которые послужили Диогену Лаэртскому источниками.

Анаксарх был философом, и у него были весьма хорошие отношения с Александром Македонским. Он жил при царе, «чтобы приобщить его к образованию и мудрости» и тот оказывал ему всяческие почести (Arr. *Anab.* IV.11.6, перев. М. Е. Сергеев; Plut. *Alex.* 8). Анаксарх уговорил Александра вступить в Вавилон, несмотря на предсказание халдеев, что там его ждет смерть (Diod. XVII.112; Just. XII.13). При этом философ, названный софистом (Plut. *Alex.* 28; Arr. *Anab.* IV.9.7), льстил своему повелителю: после убийства Клита Анаксарх говорил, что всякий поступок царя справедлив (Plut. *Alex.* 52; Arr. *Anab.* IV.9.7). Арриан пишет даже, что Анаксарх побуждал Александра принимать божеские почести (*Anab.* IV.10.5–7), но в этом он оказался одинок. По сообщению же Плу-

¹³ Аман А.-Г. Указ. соч. С. 197.

тарха, Анаксарх смеется над мнимой божественностью царя (*Alex.* 28), а Диоген Лаэртский даже пишет, что «ему с легкостью удавалось образумить человека: так, когда Александр возомнил себя богом, Анаксарх его разубедил» (IX.60, здесь и далее Диоген Лаэртский цитируется в переводе М. Л. Гаспарова). В то же время, Диоген Лаэртский пишет: «Один индеец попрекнул Анаксарха, что нехорошо другого поучать, а самому плясать под царскую дудку» (IX.63).

Никокреонт был правителем Кипра, подчинившимся Александру (*Diog. Laert.* IX.58; *Plut. Alex.* 29). Когда Анаксарх сказал царю на пиру, что следует подать на стол голову сатрапа, этим он, по мнению Диогена Лаэртского, намекал на Никокреонта (IX.58); последний после смерти Александра отомстил философу. Плутарх (*Alex.* 28) также приводит это высказывание Анаксарха, но трактует его иначе, не усматривая в нем намека ни на кого конкретного.

Светская образованность св. Игнатия позволяет нам не только сравнивать два текста – описание смерти Анаксарха и послание св. Игнатия, – но и говорить, что один сюжет связан с другим. «Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, *сокрушение* (ἀλεσμοί) всего тела, лютые муки дьявола придут на меня, – *только бы достигнуть мне Христа* (здесь и далее курсив мой – Е. Р.)» (*Ignat. Rom.* V.3)¹⁴, – пишет святой. Удивление вызывает образ тела, которое целиком сокрушают (в греческом оригинале – размалывают). У нас нет данных о такой жестокой казни мучеников, да и самого св. Игнатия везли в Рим, чтобы отдать на растерзание зверям. Тем не менее, св. Игнатий, ожидая встречи с Богом, которая последует за земными мучениями, сравнивает свое тело с размалываемым зерном. В том же послании это сравнение встречается второй раз: «Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым» (*ibid.* IV).

¹⁴ Здесь и далее св. Игнатий цитируется в переводе прот. П. Преображенского.

Этот странный образ становится понятен, если вспомнить гибель языческого философа Анаксарха. Диоген Лаэртский так пишет о ней: «Он его [Никокреонт Анаксарха – *E. P.*] схватил, бросил в ступу и приказал толочь железными пестами» (IX.59). Далее греческий писатель приводит эпиграмму, время создания которой неизвестно: «Так его, Никокреонт! пестами *толки* Анаксарха! / Шкура его под пестом – *сам он при Зевсе давно* / Будет срок – и тебя разотрет Персефона чесалкой, / Молвив такие слова: “Сгинь, негодяй–зернотер”» (ibid. IX.59)¹⁵. Итак, в эпиграмме на смерть Анаксарха мы видим то же, что и в послании св. Игнатия: тиран обрекает на смерть философа (здесь уместно привести такую характеристику Анаксарха: «Прозвище ему было Счастливчик, потому что он был чужд страстей и умерен в образе жизни» (ibid. IX.60) – т. е. Анаксарх вел такую жизнь, какую подобает вести христианину), который, пройдя через мучения, обретает небесное блаженство. А, кроме того, становится понятен вызывающий удивление образ зерна, перемалываемого в муку.

Итак, проведенное мною сравнение показывает, что не только для Тертуллиана, но и для св. Игнатия существовала связь между языческими героями античности и христианскими мучениками. Это и не удивительно, ведь, по словам Тертуллиана: «Мы из ваших. Христиане делаются, а не рождаются» (*Apol.* 18.4). Странно было бы ожидать, что люди, по рождению и воспитанию принадлежащие к античной культуре, приняв, будучи уже взрослыми, христианство, окажутся чуждыми всему тому, к чему привыкли с детства.

¹⁵ Следует отметить, что прямой текстуальной связи не прослеживается. В приводимой Диогеном Лаэртским эпиграмме используется глагол πτίσσω – толочь, раздроблять, размалывать (Ср.: *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 1101), а св. Игнатий говорит об ἀλεσμοί, что означает то же самое (*Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. s. v. ἄλεσις. Кроме того, Никокреонт назван в эпиграмме словом μύλωνος – мельник (Ср.: *Вейсман А. Д.* Указ. соч. С. 830), а св. Игнатий называет себя σίτος – хлеб (на поле, в зерне), жито, пшеница (ср.: там же. С. 1182). Тем не менее, на мой взгляд, это не является веским аргументом против существования зависимости одного текста от другого.

Св. Игнатий, ожидая мученичества, соотносил себя с Анаксархом, но он, несомненно, в гораздо большей степени соотносил себя с Христом. В этом, я полагаю, проявлялась одна чрезвычайно важная для древнего Рима черта: в римской культуре очень велико было значение рассказов о подвигах, совершенных в прошлом. «Такие рассказы назывались “примерами” – *exempla*, они были известны каждому с детства, использовались в речах – как учебных, в риторических школах; так и реальных, публичных, и оказывали мощное воздействие на подрастающее поколение. В утверждении нравственных принципов, лежавших в основе подобных “примеров”, видел вообще смысл исторических сочинений Тацит»¹⁶. Но в то же время, как пишет Е. М. Штаерман, рассуждая о позднеримских религиозных поисках, «жажда найти такой образец, за которым можно было следовать, была очень велика и усиливалась по мере того, как с разложением “римского мифа” теряли власть над умами героические примеры “предков”. Но, конечно, ни Сильван, ни Геракл, ни Митра в качестве таких примеров не могли соперничать с Христом»¹⁷. Я полагаю, что эта античная жажда образца не только приводила людей в Церковь, но и делала их мучениками, поскольку только мученичеством можно было в максимальной степени повторить привлекавший их *exemplum* Христа. Языческие герои и философы, как показано в настоящей статье, тоже могли выступать в роли таких *exempla*.

Разумеется, все вышесказанное не отменяет фундаментального различия между ранними христианами и их современниками-язычниками. Приведенные мною описания гибели св. Игнатия и Анаксарха не идентичны, хотя бы потому, что пропасть разделяет Зевса и «Единого Бога, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого», но, тем не менее, в них заметно определенное сходство.

¹⁶ Кнабе Г. С. Образ Рима в сочинении Тита Ливия // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 449.

¹⁷ Штаерман Е. М. От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима: в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 208.

Еще одно важное отличие мучеников от языческих героев приводит в своей статье «Мученичество и миссия» один из крупнейших богословов XX в. Х.-У. фон Бальтазар: «Есть Тот, кто прежде самого моего существования претерпел совсем иное мученичество, нежели то, которое я, или кто-либо другой, или даже сам Сократ, могли бы претерпеть. Мученичество за меня, ради меня, вместо меня – взамен меня, должного пострадать... Поэтому для верующего христианина дело выглядит таким образом, что его жизнь основана на заместительной смерти... Но как иначе может он всерьез отблагодарить за себя, как не следуя за своим Господом по пройденному Им пути?.. Он умирает не за идею... Он умирает за Того, кто еще раньше умер за него»¹⁸.

Итак, мы показали, что христианские мученики воплощали древнеримское стремление повторить героические *exempla* прошлого. При этом они ориентировались, кроме Христа, на языческих героев. Христианскими героями называет мучеников Августин: «Если бы это допускало церковное словоупотребление, мы назвали бы их (мучеников – *E. P.*) более изящным именем: своими героями (*Hos multo elegantius, si ecclesiastica loquendi consuetudo pateretur, nostros heroes vocaremus – De civ. Dei. X.21*)»¹⁹.

¹⁸ Бальтазар Х.-У фон. Мученичество и миссия // Новая Европа: Международное обозрение культуры и религии. 2003. № 16. С. 7.

¹⁹ Переводчик не указан. Цит. по изданию: Блаженный Августин. О граде Божием. М., Минск, 2000.

ФИОНИН П. П. (КАЗАНЬ)

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА ДИОКЛЕТИАНА В СОЧИНЕНИЯХ ЛАКТАНЦИЯ И ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА

именем Диоклетиана в римской истории связаны начало введения системы домината и преследование христиан, названное последними Великим гонением. Начиная с IV в. личность этого императора воспринимается неоднозначно: на протяжении многих веков в оценке Диоклетиана сменяли друг друга образ реформатора и образ губителя «добрых людей». В языческой традиции симпатии однозначны; христианская же историография изобилует обличениями и обвинениями в адрес Диоклетиана. Тем не менее, и в трудах церковных историков можно обнаружить различные нюансы в трактовке его образа. Некоторые из них станут предметом исследования данной статьи.

Мы рассмотрим только два произведения, которые стояли у истоков христианской традиции описания Диоклетиана: сочинение Лактанция «О смерти гонителей»¹ и исторический труд Евсевия Памфила «Церковная история»². Они интересны нам в первую очередь тем, что написаны современниками этого императора и при этом его идейными противниками, которые, однако, отнюдь не обязательно воспроизводили в своих произведениях взгляды на Диоклетиана, характерные для широких кругов христианского населения империи. Кроме того, некоторые различия в описании образа «тирана-гонителя» этими христианскими историками могут быть вызваны разными перипетиями жизни авторов, на чем следует остановиться отдельно.

¹ Лактанций. О смертях преследователей (*De mortibus persecutorum*) / Перевод с латинского языка, вступительная статья, комментарии, указатель и библиографический список В. М. Тюленева. СПб., 1998.

² Евсевий Памфил. Церковная история. СПб., 2005.

Фирмиан Цецилий Луций Лактанций родился в языческой семье около 250 г., предположительно в Северной Африке, обучался риторике у Арнобия, который в то время не был еще христианином. В 290 г. Лактанций был приглашен в Никомедию ко двору императора Диоклетиана латинским ритором. Большинство исследователей сходятся на том, что именно там он и принял христианское вероисповедание³. Скорее всего, еще года два после начала гонений на христиан он жил в Никомедии⁴. Далее его педагогическая деятельность продолжилась в Трире при дворе Констанция, а потом и Константина, у старшего сына которого он был учителем риторики. Сочинение *De mortibus persecutorum* Лактанций написал приблизительно в 314–315 гг.

Евсевий родился в Кесарии Палестинской в первой половине III в. Он получил хорошее образование. После эдикта Диоклетиана против христиан от 23 февраля 303 г. Евсевий скитался по Палестине, Египту и Финикии. В течение нескольких лет Евсевий и его учитель Памфил находились вместе в тюремном заключении. Памфил погиб мученической смертью, а Евсевий в знак глубокого уважения к своему учителю и «брату во Христе» добавил к своему имени, как он сам признается в «Книге о палестинских мучениках», «имя... трижды вожденное» (*De mart. Pal.* XI. I). После эдикта Галерия 311 г., отменяющего гонения, Евсевий перебрался в Тир. Там он, по всей вероятности, около 313 г. был посвящен в сан предстоятеля кесарийской церкви. За свою проарианскую позицию он был в 324 г. осужден и низложен православным Антиохийским синодом. Однако на Великом Никейском соборе 325 г. Евсевий не только добился оправдания и восстановления на епископском столе Кесарии, но и сыграл видную роль: он произнес приветственную речь императору Константину и удостоился чести сидеть по правую руку от него. После Никейского собора авторитет Евсевия быстро

³ См.: Тюленев В. М. Введение // *Лактанций. О смертях преследователей*. С. 9–10 и прим. 1 (с библиографией).

⁴ Тюленев В. М. *Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох*. СПб., 2000. С. 10.

растет, и к концу правления Константина он становится самым влиятельным епископом в империи. Свой авторитет Евсевию Кесарийскому удалось сохранить и после смерти Константина, которого он пережил всего на два года⁵.

Идея о том, что тираны, ведущие недостойный образ жизни, должны испытывать всяческие беды как искупление за недостойную форму правления, была высказана еще «отцом истории» Геродотом (I.32; III.40–43, 80)⁶. С тех пор эта идея была воспринята античной литературой. Во II в. н. э. тему государей и тиранов вновь поднял Дион Хризостом. По Диону, тиран – это худший из всех в народе. Он относится к своему народу с презрением, действует исключительно при помощи насилия, и народ является жертвой в его руках⁷. И Лактанций, и Евсевий имели прекрасное образование и довольно успешно пользовались риторическими приемами в описании Диоклетиана и тетрархов как тиранов. В то же время, согласно традиции описания хороших государей, Констанций и Константин наделяются историками всеми лучшими человеческими качествами.

Таким образом, мы видим описание гонителей христиан, созданное по образцу описания тиранов в античной литературе, только определяющим критерием становится отношение императора не к народу, а к христианам. Но трактовки личности и деятельности «тирана» Диоклетиана у Лактанция и у Евсевия несколько различны.

Евсевий Памфил практически не останавливается на личных качествах императора и тетрархов, образ жестокого правителя создается им за счет детального описания пыток и казней, которым

⁵ *Кривушин И. В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 5–6.

⁶ *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 114.

⁷ *Вальденберг В. Е.* Политическая философия Диона Хризостома // ИАН. 1926. № 15–17. С. 1549; подробнее о взглядах Диона Хризостома на царскую власть и тиранию см.: *Шалимов О. А.* Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I-го – начале II века н. э. М., 2000. С. 62–100.

последователей Христа подвергали по его повелению, а также постоянным упоминанием присутствия и участия Диоклетиана в жестоких сценах уничтожения христиан: «Мученики терпели это не только в то время, пока правитель их допрашивал и занимался ими, а в течение почти целого дня, когда он переходил к другим, а первых предоставлял надзору своих помощников: не сдастся ли кто-нибудь побежденный пытками» (*Hist. Eccl.* VIII.10.6). Усилению образа способствует особенно яркое и драматичное изображение автором массовых сцен пыток. Рассказ о гонениях напоминает описание военных действий, поэтому героизм и стойкость христиан, погибающих подобно храбрым воинам на поле сражения, создают наглядный контраст с бессильной злобой врага. Восприятие образа жестокого правителя в «Церковной истории» лишается тем самым каких-либо полутонов.

В сочинении Лактанция не все столь однозначно. У этого автора, разумеется, также присутствуют общие места в описании тирана Диоклетиана. Так, Лактанций обвиняет его в том, что тот «не мог терпеть вольности римского народа» (*De mort. pers.* XVII.2) и даже прямо говорит о тиранической власти Диоклетиана (*tyrannica potestas* – XVI.7). Но в описании Диоклетиана особый акцент делается на его робости или боязливости (*timiditas*) и жадности (*avaritia* – VII.2), а не на жестокости. Именно эти пороки заставляют Диоклетиана действовать под давлением коварного и злого «варвара» Галерия, сам же он постоянно пытается сопротивляться тиранической политике своего Цезаря. В данном случае Диоклетиан занимает пассивную позицию и, по мнению Лактанция, в этом и есть его вина, тогда как активную злую силу представляет Галерий. Это видно как в случае издания эдиктов против христиан, так и в случае отставки Диоклетиана и назначения новых Цезарей. Так, гонения на христиан Диоклетиан начинает под давлением своего окружения, причем в более мягкой форме, чем оно требовало. Лактанций пишет, что когда Диоклетиан «не мог противиться ни друзьям, ни цезарю, ни Аполлону, он попытался хотя бы несколько ограничить задуманное, чтобы все провести без кровопролития»

(XI.8). В разговоре двух тетрархов Диоклетиан предстает как носитель идей раннего принципата, когда со вздохом говорит: «Не лучших ты мне предлагаешь людей, нельзя им поручить попечение о государстве» (XVIII.14). В противоречие с образом тирана вступает отношение к Диоклетиану как в его непосредственном окружении, так и в народе: во время болезни императора «по дворцу поползли... стенания, и всем городом... овладело безумие», а по его выздоровлении «лица домочадцев и судей просияли радостью» (XVII.5). Да и его деятельность, которую Лактанций в начале описания Диоклетиана передает словами: «Всю землю он как алчностью своей, так и боязнью довел до гибели» (VII.2), историк оценивает несколько иначе в контексте более позднего разговора императора с Галерием. Диоклетиан говорит: «Я изрядно потрудился и постоянно, пока правил, заботился, чтобы государство пребывало в благоденствии. Если же что случится противное тому, в том уже нет моей вины» (XVIII.15). Никаких собственных комментариев к этому мнению Диоклетиана Лактанций не приводит. Таким образом, историк, по крайней мере, отчасти, снимает с Диоклетиана непосредственную вину за его преступления против христиан.

В чем же причина однозначности мнения Евсевия и полутонов в сочинении Лактанция?

По всей вероятности, это связано с тем, что для Евсевия Диоклетиан – фигура несколько абстрактная, не имеющая личного соприкосновения с автором. Евсевий составляет свое мнение о Диоклетиане по его эдикту и делает это как пострадавший, потерявший своего наставника, которым, судя по взятому им имени, он очень дорожил. Для Евсевия в его бедах виновна власть того времени: у него не существует разницы между Диоклетианом и Галерием, они являются единым символом враждебной христианству власти, и поэтому никаких личных симпатий и оправданий политике этого императора у него нет.

Что же касается Лактанция, то идущее именно от него мнение о первоочередной виновности Галерия в гонениях на христиан

иногда разделяется и современными авторами⁸. А. Христенсен считает, что для Лактанция была очень важна идея о Божьей каре преследователей и следствием этого явилось возложение вины на императора Галерия, чья смерть была столь ужасной⁹. Но такая точка зрения объясняет лишь гиперболизацию историком фигуры Галерия, но не его отношение к Диоклетиану. И здесь снова следует обратиться к биографии Лактанция.

К сожалению, о жизни Лактанция в Никомедии мы почти ничего не знаем, но вполне возможно, что именно его пребывание при дворе Диоклетиана могло сформировать какое-то определенное личное отношение к этому императору и к остальным тетрархам, в том числе и Галерию, которого он изображает наиболее жестоким правителем и виновником всяческих бед. Известно, что на службе у Диоклетиана состояло немало христиан, на что имеется прямое указание Евсевия (VIII.1.2–4). Вероятно, далеко не все они, как убеждает пример самого Лактанция, подверглись репрессиям. Пятнадцать лет жизни при дворе Диоклетиана, видимо, сформировали неплохое личное отношение историка к этому императору. То обстоятельство, что Лактанций, будучи христианином, пережил гонения, находясь при императорском дворе Диоклетиана, и покинул его в 305 г., т. е., видимо, уже после отставки Диоклетиана, сохранив высокое положение при Константине, не могло не наложить отпечаток на отношение историка к Диоклетиану. Можно предположить, что именно личное восприятие Лактанцием императора повлияло на создание образа этого правителя: при всех общих риторических пассажах описания тирана, в сочинении этого автора проскальзывает сочувствие к императору и не вполне соот-

⁸ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 2. С. 145; ср.: Jones A. H. M. *The Later Roman Empire (284–602)*. Baltimore, 1986. Vol. I. P. 71. Против: Буркхард Я. Век Константина Великого. М., 2003. С. 239–241.

⁹ Christensen A. S. *Lactancius the Historian. An Analysis of the De mortibus persecutorum*. Copenhagen, 1980. P. 79; ср.: Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 52.

ветствующая каноническому описанию тирана оценка его нравственных качеств и государственного мышления¹⁰.

Позднеантичные авторы-язычники (Евтропий, Аврелий Виктор, авторы *Scriptores historiae Augustae*) единодушно рисуют образ энергичного, практичного и мудрого правителя, обладающего большим авторитетом в своем окружении. Что же касается христианских историков, то их настроило на неприятие положительного образа императора Диоклетиана великое гонение. Для изображения тирана Диоклетиана первыми христианскими авторами были использованы риторические приемы описания «плохих» императоров. Этот факт еще раз подтверждает, что Евсевий Памфил и Лактанций были людьми, воспитанными на образцах классической риторики. Большое количество риторических приемов описания тирана, вполне понятное в условиях общего негативного отношения христиан к Диоклетиану, скрыло исподволь выражаемое не вполне однозначное отношение Лактанция к этому императору. Вслед за Лактанцием и Евсевием поздние христианские авторы поддерживали описание Диоклетиана-тирана. По всей видимости, утвердившееся в дальнейшем доминирование христианской идеологии повлияло на то, что другие описания императора Диоклетиана его современниками до нас не дошли. Так, например, Флавий Вופиск в жизнеописании императоров Кара, Карина и Нумериана упоминает сочинение некоего Клавдия Евстения, «бывшего секретарем у Диоклетиана» (SHA. *Car.* XVIII.5). Возможно, именно из этого труда им почерпнута панегирическая характеристика тетрархов (XVIII.4): «Эти четверо государей всего мира – храбрые, мудрые, милостивые, очень благородные, одинаково мыслящие о государстве, относившиеся с чрезвычайным почтени-

¹⁰ Такие примеры, хотя они и не очень многочисленны, существуют (см. выше наиболее значительные из них). Так, Лактанций говорит о том, что Диоклетиан иногда все же совершал «нечто благое», а, творя зло, по крайней мере, знал, что оно достойно порицания (XI.5). Начиная преследования с поджога церкви в Никомедии, император не допустил того, чтобы сгорела часть города (XII.4). С некоторым сочувствием относится автор к «немощному старцу», рассказывая о событиях накануне его отречения (XVIII).

ем к римскому сенату, умеренные, друзья народа, совершенно безупречные, почтенные, набожные – такие государи, каких мы всегда себе просили» (перев. С. Н. Кондратьева). Разумеется, подобные характеристики были едва ли возможны в историографии более позднего времени. Таким образом, Диоклетиан на долгое время стал заложником христианской риторики.

V A R I A

БОГАТОВ М. А. (САРАТОВ)

В ОТСУТСТВИИ ПРАЗДНИКА:

онтологические основания экономики Аристотеля и Маркса

анная статья представляет собой значительно сокращенные тезисы одной из лекций, прочитанных автором в январе 2005 г. в рамках курса повышения квалификации работников среднего образования. Именно этим объясняется значительное отсутствие в тексте необходимого при иных обстоятельствах научного аппарата текста. Автор сознательно идет на риск утраты академического уровня изложения ради приближения нижеследующего *текста* к тому, что *звучало* на лекции. В связи с этим данный текст можно рассматривать в качестве эссе.

[Обоснование экономикой]. Экономика остается на сегодняшний день одним из немногих, не утративших пока своих позиций вследствие всевозможных «идеологических крушений» принципом, опираясь на который гуманитарные дисциплины – такие как история, философия, социология и пр., – могут еще выстраивать механизм понимания собственного предмета. Скажем, если уже не имеет смысла столь рьяно отстаивать версию объяснения гражданских войн назревающими перед революционной ситуацией классовыми конфликтами, то, тем не менее, можно попытаться объяснить мотивы и причины их экономической составляющей той или иной эпохи. Мы не будем касаться здесь всех возможных трудностей, перед которыми с неизбежностью окажется такое доверие экономике как принципу понимания в итоге, но остановимся лишь на одном из неприметных аспектов происходящего. Объяснять что-либо (в прошлом, настоящем, будущем времени, на метафизическом уровне) при помощи экономики – это значит предполагать, что если содержание экономики (экономик) в разные времена даже и было различным, то, тем не менее, форма или сам принцип экономиче-

ской жизни всегда оставался тем же самым. Именно эта его тождественность самому себе на протяжении всей истории, можно даже сказать, эта внеисторичность экономических принципов, позволяет помещать рубрику «экономической составляющей» как в исследовании истории Древней Греции, так и в футуристические прогнозы развития мегаполисов.

Далее нам бы хотелось указать на некоторую проблематичность подобного понимания равенства экономических принципов, якобы бытующих на протяжении истории, причем сделать это не с исторических, а с онтологических позиций. В самом деле, как можно исторически усомниться в тождественности экономических принципов самим себе, если любое историческое видение с неизбежностью основывается на этой тождественности?

[Экономика как наука и экономика как предмет]. Итак, мы желаем обратиться к принципам экономики, чтобы, оказавшись на определенной глубине, мы сменили перспективу обычно навязываемого взгляда на другую, и именно через нее нам и должно открыться новое измерение для понимания происходящего вокруг.

Для начала нам необходимо разделить *экономику как науку* и *экономику как объект этой науки*. Мы прекрасно должны себе отдавать отчет, что это совершенно разные вещи. Экономика как наука получила свое название и была изначально дисциплинарно закреплена в качестве *политической экономии*. Эта наука, как известно, получает свое развитие в Англии, и здесь мы можем упомянуть имя Адама Смита (1723–1790) и его работу «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Итак, у нас формально обозначена некая дисциплина – политическая экономия. Но здесь мы должны обратить внимание на еще один аспект.

Сегодня, например, на стыке комплекса физических наук все громче заявляет о себе междисциплинарная наука *синергетика*. Эта новая дисциплина призвана упорядочить все, что существует вокруг нас, полагая, что весь мир во всех его областях устроен определенным образом по нескольким основным положениям-законам. Предполагается, что везде эти принципы имеются, нужно только

уметь их вычлениить из той сферы особенного, в которую они вплетены. Так вот, когда синергетика стала утверждаться на академическом уровне, сразу же возникла потребность выявить ее собственную историю – *историю* синергетики. Мы можем условно назвать такой способ создания истории чего-либо историей, создаваемой задним числом. Сразу же заговорили о том, что, оказывается, мы можем встретить синергетические прозрения и положения в работах доскоратиков, Платона и Аристотеля. Дополнительно указываются параллели с восточным мышлением, индийским наследием в философии. Итак, новое начинает переписывать историю под себя. Ситуация аналогична той, в которой в свое время оказалась политическая экономия.

Естественно, этой молодой дисциплине было достаточно легко убедить всех вокруг, что экономика, взятая в качестве объекта новой науки, существовала всегда и везде. Здесь, в качестве убедительности, легко было сослаться на труд Аристотеля “Экономика”, труд по управлению домашним хозяйством. Но в подобной ссылке столько же справедливости, сколько в том, что тот же Аристотель – приверженец синергетики, науки второй половины XX века. *Дело в том, что политическая экономия представляет свой предмет таким образом, что он позволяет ей самой быть наукой.* Но такой экономики – ни науки, ни ее объекта в современном, претендующем на неизменность значении – до XVII века не существовало.

Экономика как объект, изучаемый политической экономией возникает одновременно с последней – в эпоху промышленных революций. Но что же было до этого? Ведь слово действительно древнегреческое. Это слово говорит об управлении домашним хозяйством и об управлении в самом широком смысле этого слова. Вполне был бы адекватен перевод этого слова на английский язык в качестве *management*. Но и здесь мы уже промахиваемся мимо смысла, поскольку само слово «менеджмент» сегодня напрямую ассоциируется с управленческой и экономической действительностью. Круг опять замыкается, но не факт, что этот круг существовал всегда.

Что же нам нужно сделать, чтобы пробиться к принципам экономики? Ведь сама экономика о своих принципах неизбежно и с необходимостью умалчивает. Еще Маркс говорил о том, что капитал, который определяет всю экономическую действительность, действует таким образом, чтобы механизмы его действия оставались скрытыми – как для носителей капитала, так и для тех, кто находится под его игом. Если мы еще вспомним, что по Марксу экономическая действительность – это базис всей общественной действительности, то увидим, что как раз *все, что существует есть лишь до тех пор, пока нам не известен механизм, принцип этого существования*. Позднее Зигмунд Фрейд построит на основании этого положения принцип психоаналитической терапии: пациент болен лишь до тех пор, пока не понимает, что у него за болезнь и каким образом она функционирует.

Итак, предположим, что перед нами всегда – лишь поверхность происходящего в экономической жизни. Мы живем в эпоху техники, и нашей задачей является попытка преодолеть собственными силами автоматизм и механицизм, который вторгся в человеческое существование. Экономика как наука и как дисциплина возникают именно тогда, когда ручной труд в мастерских сменяется на машинный в мануфактурах. Что это: историческая случайность?

Но случайно ли то, что, когда мы сегодня говорим об экономическом процветании или кризисе, и, бросая взгляд в сторону, в область искусства, отмечаем его технизацию и автоматизацию? Вряд ли. Можно сказать, что *эпоха техники как историческая действительность и экономика как объект дисциплины экономики каким-то образом существенно связаны друг с другом*. Наша ближайшая задача – увидеть то основание, на котором и эпоха техники, и экономизация действительности выступят перед нами двумя сторонами одной и той же медали.

[Формальность экономики и абстрагирование в эпоху техники]. Каким образом увидеть это основание? Попробуем подойти к нашей проблеме через определение автоматизма как технического вообще. Когда мы действуем автоматически, мы можем сказать, что

мы действуем *несмотря на*, как бы игнорируя собственное существование того, в отношении чего мы автоматически действуем. Так вот, экономика – это именно такая же отрасль игнорирования того, что входит в ее действительность.

Для пояснения игнорирования, приводящего к автоматизации в отношении с действительностью, обратимся к понятию Маркса «эквивалентная форма товара». Предположим, что у нас есть топор и кусок шерсти, которые на рынке могут быть обменены друг на друга в силу одинаковости их стоимости. Но *это две совершенно разные вещи*. Как же это возможно? Если мы ответим на этот вопрос, то поймем, почему греки *не* были экономистами в нашем смысле слова; почему мы не можем в нашем смысле называть экономистом Аристотеля, несмотря на то, что у него есть труд с таким названием.

Аристотель бы сказал, что у шерсти – своя сущность, а у топора – своя. Сущность – это категория не количественная, а качественная. И именно поэтому сущности не могут быть одинаковыми у разных вещей, поскольку сравнимо лишь количественное. Топор нужен для того, чтобы им рубить деревья, а шерсть – чтобы из нее шить теплую одежду.

Маркс говорит, что существует некая эквивалентная форма товара. Еще не разобравшись с тем, что имеется в виду под этим понятием, мы можем сразу же увидеть, что, если речь идет о *форме*, то нас совершенно не интересует *содержание*. Нам не важно «что», нас интересует «как». Именно эта *форма позволяет нам оперировать вещами*, в то время как содержание заставляет обратиться именно к этой одной вещи, выявляя ее уникальность. Но *в экономической действительности не должно быть ничего уникального*.

Оперирование вещами, при котором игнорируется то, что есть вещи по своей сути (по содержанию) – это первый шаг к *автоматизации* нашего отношения к миру, это первый шаг к эпохе техники. Мы здесь отвлекаемся от тех вещей, которые нас окружают, и смотрим на них под другим углом зрения. Говоря более серьезным языком, отвлекаясь от сущности вещей, мы *абстрагируемся* от них: *мы абстрагируем сущность вещей* и, в то же время, мы *абстрагируем*

собственную сущность, если последнюю понимать как неким образом связанную с вещами.

Так вот, *эпоха техники и эпоха экономической действительности – это эпоха абстракции* в прямом значении слова. Латинское слово *abstrahō* переводится как «уведение в сторону с прямого пути».

Мы сегодня живем в таком мире абстрактного. К примеру, только в нем возможен такой феномен как *мода*. Конечно, на первый взгляд, мода имеет мало отношения как к экономике, так и к технике. Но, если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что, во-первых, есть такое стремление: *быть модным*. Во-вторых, мы видим, что в моде, как и в технике, постоянно идет наращивание каких-то незначительных мощностей, которые, в принципе, не являются жизненно необходимыми. Возьмем, к примеру, такое понятие как *дизайн*. *С позиции сущности вещи дизайн ее никак не изменяет*. Дизайн лишь касается того, *как* вещь выглядит, оставляя в стороне (абстрагируя) то, что эта вещь есть. Так вот, сегодня, как ни странно, для нас главным становится дизайн вещи, т.е. именно ее несущественное, абстрагированное от нее, лишь внешне ей принадлежащее. Незначительное для нас подменяет сегодня самое существенное в вещи. Именно в подобном процессе находит свое основание экономика. Попробуем рассмотреть это подробнее.

[Нарушение баланса между формой и содержанием в понимании вещи]. Обратимся к Аристотелю. Характеризуя любую существующую вещь, сущее, мы можем выделить ее **содержание** («*что*») и **форму** («*как*»). Как мы уже только что выявили, *экономика находит свое осуществление в области формы («как»)*, ей необходим формальный взгляд на вещи, абстрагированный от их содержательности. Только тогда мы сможем обменивать друг на друга не одинаковые по существу вещи, а это значит – только тогда возможна экономика как экономическая действительность. Экономика зарождается в эпоху революций, когда консерватизм вступает в полемику с либерализмом. Так вот, *консерватизм базируется именно на неабстрактном взгляде на вещи: у всех уже все есть; новое излишне*. Либерализм получил признание, и мы сегодня живем в совершенно

ином мире; точнее, мы видим мир совершенно иначе: мы не можем сказать, что у нас все уже есть. Наоборот, мы отовсюду слышим слова – и готовы к ним присоединиться, – что у нас ничего нет, что нам всегда чего-то не хватает.

Существующий во времена Аристотеля баланс между формой и содержанием за последние триста лет – со времен зарождения эпохи техники, – окончательно сместился на сторону формы. Теперь именно на формальном и абстрактном лежит полный груз действительности, а вопрос о сущности вещи, о ее «что» поднят в небо, будучи списан в ведение никому не нужной философии.

Характеризуя сущность любой вещи, Аристотель выделял четыре критерия, собрав воедино которые, мы высказываем – что есть та или иная вещь. Это *материя, форма, цель (то—ради—чего), начало* [изменения]. В качестве примера Аристотель приводит статую; последовательно у нас выходит: *каменный (1) человек (2), которым любуются (статуя) (3), задуманный и изготовленный скульптором (4)*. Уже по этим четырем критериям мы можем судить о том, где таится возможность перехода к формализации вещей, к экономической действительности технической эпохи. Цель (то—ради—чего) и начало [изменения] есть именно два формальных критерия, по которым мы можем сравнивать именно эту вещь с другой. Если мы посмотрим на эти два критерия с позиций экономической теории, то увидим в цели – *потребителя*, а в начале – *производителя*. Здесь уже таится экономика в современном, а не аристотелевском смысле этого слова. С другой стороны, эта форма сущности вещи не есть та форма, о которой мы говорили выше, поскольку от статуи нельзя отвлечь форму человека, чтобы она по существу не перестала бы при этом быть собой, статуей. Перед нами снова будет комок глины или причудливо отесанная каменная глыба. Все это – простые, элементарные вещи, благодаря которым мы можем ставить сложные вопросы.

Итак, экономика *возникает тогда, когда мы абстрагируем из сущности вещи ее содержание и начинаем форму вещи рассматривать в качестве ее содержания*. Процесс формализации к экономическому по-

ниманию вещей необратим, подтверждением чему служит история. Мы не можем поставить в нарушенном балансе между формой и содержанием вещи знак равенства, а если, все же, мы это захотим сделать, то это будет равенство в одну сторону, в пользу экономики. Назовем эту необратимость *экономизацией истории*. Отсюда мы можем проследить процесс вырождения гуманитарного знания, которое ориентируется на сущность того, что есть: оно остается позади тем больше, чем активнее экономизируется действительность. Любой вопрос о сущности сегодня может быть сведен к римской сентенции *qui prodest?*, однако понятой не по римскому праву, но по нашему экономическому смыслу.

[Понятие эквивалентной формы товара К. Маркса]. Теперь нам необходимо выявить, что такое эквивалентная форма товара. Это вещь, рассмотренная с позиции ее *меновая стоимости*. Как известно, стоимость товара делится на две: меновую и потребительскую. Потребительская стоимость хлеба, например, состоит в том, чтобы его съесть, т.е. использовать его по своей потребности, ради которой этот товар и производился. Когда же мы покупаем, например, золотое украшение, чтобы перепродать его или выменять на что-то другое, определяющее значение для нас имеет не потребительская, но *меновая* стоимость. Возвращаясь к только что рассмотренному, мы можем легко убедиться, что меновая стоимость имеет непосредственное отношение к форме, к абстрагированию от содержания вещи, она и есть собственно экономическое понятие – в отличие от потребительской стоимости. Здесь любопытно отметить, что с позиций человеческой мысли, потребительской стоимостью обладают вещи и для животных, например, мясо для хищника. В то же время меновая стоимость – исключительно человеческий удел. И, с этой позиции, экономика есть исключительно человеческая сфера. Аристотель называл человека «политическим животным», мы же с полным правом можем назвать человека еще и «экономическим животным». Более того, исходя из современных реалий, последнее куда справедливее: мы можем со-

вершенно пассивно относиться к политике, но просто обречены на участие в экономической сфере.

Маркс говорит: «эквивалентная форма товара есть форма его непосредственной обмениваемости на другой товар»¹. На первый взгляд, это чрезвычайно простое определение: мы берем одну вещь и непосредственно обмениваем ее на другую. Но возникает вопрос: как это возможно, если иметь перед глазами еще и содержательный аспект вещи?

Этот вопрос равнозначен вопросу, который ставит Маркс: сколько стоят десять фунтов золота²? Первое, что приходит в голову, это ответить, что десять фунтов золота стоят столько-то денег. Но мы должны учитывать тот момент, что во времена Маркса все денежные единицы, в свою очередь, обеспечивались золотом³. Еще имеет хождение золотая монета. Золото стоит денег, деньги стоят золота – круг замыкается. Поэтому, когда Маркс спрашивает, сколько стоят десять фунтов золота, он указывает нам тем самым на дно экономики, на ее произвольность. В итоге не остается ничего иного, как сказать, что десять фунтов золота стоят столько-то потому, что мы решили, что они столько стоят. Других оснований у этого произвола, кроме нашего решения, не имеется. Мы, можем, ко-

¹ Маркс К. Капитал. М., 1988. Т. 1. С. 65.

² Там же. С. 106: «Эквивалентная форма – деньги, т. е. товара не включает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото непосредственно обмениваемо на другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, десять фунтов золота. Как и всякий товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах».

³ Сегодня, как известно, государства отказались от обеспечения денег золотым запасом. Сегодня обеспечение денег одной страны получается из соотношения их с курсом других валют. В этом смысле можно привести замечательное прорицание Маркса: «Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты [т. е. золотую массу ее как вещи] от ее номинального содержания [т. е. ее эквивалентной формы], отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заменить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами» (там же. С. 136). Это точно характеризует сегодняшнюю ситуацию, когда имеют хождение «электронные деньги», и, более того, исключительно «электронные товары».

нечно, подвести этот произвол под объективный закон: десять фунтов золота будут стоить столько, сколько стоит труд на них потраченный. Но это опять произвол, в чем Маркс, кстати говоря, не признается.

Товар, взятый в качестве вещи, имеющей не только формальный, но и содержательный аспект, не позволяет обменивать ее на другой товар. Если мы вспомним про экономизацию истории, то можем сказать, что *сегодня все вещи могут быть представлены в качестве товаров*. Более того, *они уже не могут не быть представлены таким образом*.

Советская философия и экономика говорили о том, что этот процесс экономизации истории можно повернуть вспять, приписывая ему при этом место в будущем. Но это – иллюзия. Процесс необратим, чем больше проходит времени, тем меньше содержательности вещей мы видим вокруг. *Любая вещь станет товаром*. Если мы этого еще не наблюдаем, то либо мы чего-то не видим, либо до нее еще, что называется, «руки не дошли».

Пример формального видения мы можем привести следующий. Правда, в нем, речь будет идти не о необратимом превращении вещи в товар, но об обратимом превращении вещи в число. Когда мы хотим научить ребенка счету, и кладем перед ним на стол три яблока, то наша затея удастся только в том случае, если ребенок абстрагируется от того, что перед ним – вкусные яблоки, которые можно съесть. *Он должен отвлечься от потребительской стоимости (содержания), чтобы увидеть меновую (в данном случае под ней можно понимать не «обмениваемость», но «сравнимость» – это первое, а это – второе и т. д.)*. Яблоки – это не то, что считают, яблоки – это то, что едят. Именно про это надо забыть. Вещь должна стать носителем невещного – в данном случае числа. Это исключительно формальный процесс. Математика именно поэтому – чистая формальная дисциплина. И экономика тоже. У нее иная степень «чистоты», и мы теперь понимаем почему: потому что здесь абстрагировано *содержание вещи в пользу формы товара*.

Итак, чтобы экономика перешла из разряда теоретических размышлений в сферу действительности, необходимо, чтобы окончательно победил формальный взгляд на мир, чтобы человек научился видеть товары там, где он до этого видел вещи.

Обратимся к Марксу: «Никакой товар не может относиться к самому себе как к эквиваленту, и, следовательно, не может сделать свою собственную наружность выражением собственной стоимости»⁴. Экономическая сфера, таким образом, – это сфера отношений к чему-либо, а не самих вещей. *Экономика – это то, что между вещей, а не сами вещи. Между вещей – это значит абстрагирование от вещей.*

С этой позиции рынок – это тот институт, который берет на себя это абстрагирование: на рынке все вещи превращаются в товары. Точно так же и поведение людей определяется этой экономической формальностью. Мы можем сказать, что этика как область человеческих отношений сегодня становится экономикой. И если Маркс еще определял надстройку культуры над базисом экономической определенности, то сегодняшний мир решает избавиться от этой надстройки вовсе: для чего нужна культура там, где она является вторичной?

Человек не идет простым путем: чем больше он экономизируется, тем меньше в нем от животного. Когда животное хочет есть, оно ищет еду. Когда человек хочет есть, он ищет способ заработать на еду; он отвлекается – абстрагируется – от того, что он хочет (есть) именно тогда, когда ему это более всего необходимо.

Товар лишается трех способов существования вещи, сменяя их на один: действительность. Товар в действительности есть лишь то, что должно быть продано, что продается. И ничего более. Все остальное, что сверх этого – лишь реклама, лишь повод для продажи. И мы даже не можем назвать эту действительность товара его возможностью в том смысле, что у товара есть возможность быть проданным или не быть. Нет, никакой возможности не быть проданным у товара нет. В экономике не действуют плюс и минус

⁴ Маркс К. Капитал. С. 66.

математики, где отрицательное число – тоже число: отсутствие денег – не деньги. Если товар не продается, то это – не товар.

[Соотношение экономического и эстетического в эпоху техники]. Итак, экономика нами необходима в прямом смысле слова: мы не можем ее обойти. Но необходима ли она нам? Это, несмотря на кажущуюся простоту, не такой уж и простой вопрос. Это решающий вопрос, в зависимости от ответа на который, мы определяем свою человечность сегодня.

На прошлой лекции у нас шла речь о преодолении мира автоматизма, была поднята тема возвращения человека к самому себе. В качестве решающей силы в этом противостоянии была указана сила искусства. Теперь мы должны посмотреть: как обстоит дело с искусством в связи с экономическим взглядом на мир.

Как мы помним, Хайдеггер говорил о том, что мы можем преодолеть технику через искусство, совершенно не случайным образом связывая надежду на это преодоление с античной Грецией. Сейчас нам стала видна существенная связь технического с экономикой. Соответственно, речь идет о том, что искусство способно каким-то образом вклиниться в этот необратимый процесс экономизации истории – не для того, чтобы его притормозить, но для того, чтобы повернуть его в другом направлении. В каком именно – это непредставимо, поскольку любое планирование и прогнозирование принадлежит как раз к сфере экономики и техники. Просто отметим пока, что искусство таит в себе некую непросчитываемую и неисчислимую возможность трансформации современности. И не более.

Так что такое искусство с точки зрения экономики? Гегель в своих «Лекциях по эстетике» предлагает нашему вниманию следующую схему: **практика – искусство – теория.**

Практическое обращение с вещами предполагает их потребление. То есть, здесь речь идет о содержании вещей, или, как мы уже выяснили, о *потребительской стоимости*. Здесь вещь полностью потребляется.

Теоретическое обращение с вещами предполагает сведение их ко всеобщему, отвлечение от их единичности, абстрагирование к форме. К примеру, когда мы говорим о виде животных, то отдаем себе отчет в том, что нет такого животного, которое было бы видом животных; мы понимаем, что вид существует лишь в каждом конкретном своем представителе. Но тем не менее, мы отвлекаемся от этой конкретности в целях познания/употребления. Ситуация вполне аналогичная примеру с яблоками и числами. То есть, здесь речь идет о *меново́й стоимости*. Здесь вещь как таковая вообще не интересует нас, мы оперируем отношением между вещами, апеллируем к свойствам вещей, и они нас интересуют лишь как носители этих свойств и отношений.

А вот искусство, помещенное между этими двумя способами) отношений с вещами, предстает очень странной вещью. Не помещается ли искусство куда-то в середину между такими полюсами, между которыми, в принципе, ничего среднего быть не может? Мы не можем непосредственно потребить произведение искусства так, как мы носим одежду и вкушаем пищу. Более того, у нас нет необходимой потребности в том, чтобы произведение искусства как таковое было. В то же время, у нас нет и теоретической потребности в том, чтобы произведение искусства было.

К примеру, когда мы читаем роман, можно сказать, что мы его потребляем. Но это иной род потребления, нежели это представлено в практическом обращении с вещами. Мы не съедаем его, не изнашиваем. *Когда мы потребляем произведение искусства, оно остается самим собою.* В то же самое время, мы не сводим произведение искусства ко всеобщему. Хотя, стоит отметить, что, если, например, речь идет о филологической работе, то здесь присутствует теоретическое обращение с искусством. Однако мы не можем назвать такое отношение тем, что востребовано самим искусством. Скорее, речь идет о социальной и культурной заинтересованности в том, чтобы с искусством все больше теоретически обращались. Произведение искусства здесь не раскрывается, рассмотрению подлежат лишь его свойства и отношение его с чем-то другим. Поэтому, можно сказать,

что социальная и культурная заинтересованность должна быть нами отделена от той, в которой заинтересовано само искусство. Интерес, которого требует к себе искусство, мы можем назвать эстетическим интересом.

Произведение искусства, с одной стороны, нами потребляется. Это безусловно так, и это дает место экономическим отношениям в сфере искусства. Но в последнем случае упускается из виду следующее: *произведение искусства может быть нами потреблено лишь тогда, когда мы предоставляем ему возможность остаться самим собою.*

В этом положении мы видим присутствие и теоретического обращения (остаться самим собою) и практического (потребление). Однако, только поверхностный взгляд может предположить, что такое положение получается из простого сложения двух обращений. Нет, здесь речь идет о *совсем ином качестве.*

Когда мы читаем роман и ожидаем там что-то увидеть (т. е. у нас присутствует теоретический и практический интересы), то мы, конечно, можем увидеть в этом случае в нем что угодно, – кроме самого романа. А чтобы он присутствовал сам, нам необходимо отказаться от наших собственных ожиданий, дать ему явиться таким, каков он есть. Выходит, что, если мы захотим выразить сущность искусства в экономических терминах, мы получим совершенно неэкономическую закономерность: искусство потребляется именно тогда, когда оно не потребляется. Экономика не допускает таких формулировок: товар всегда есть товар. Поэтому так понятое искусство действительно может составить альтернативу экономическому миру.

Чтобы спасти сущность человека от технизации и экономизации, мы должны смочь отвлечь свой взгляд от мира как рынка, т. е. абстрагироваться от той абстракции, которой, по сути, является экономическое мировоззрение. И именно искусство может помочь нам в этом.

Свидетельством тому служит нравственное становление человека, который становится собой – т. е. человеком, – через обращение к произведению искусства. Здесь человек остается один на

один с миром – посредством формы искусства. Такой мир не может быть миром обмана и хитрости. Все, что есть в мире – есть перед тобой. У произведения искусства в его эстетическом измерении совершенно отсутствует та самая изнанка, о которой мы говорили применительно к экономической действительности, когда капитал действует до тех пор, пока скрыт механизм его действия.

Насколько действительна эта возможность спасения через искусство? Вопрос также непростой, однако все говорит против искусства: насколько оно может быть действительным там, где действительно иное ему, где действительна лишь экономика? И мы видим иную тенденцию: чтобы стать действительным в мире экономики, искусство становится экономическим. Искусство снижает планку: мы называем искусством все, что к нему не относится: искусство одеваться, искусство готовить, искусство потреблять, искусство украшать и т.д. Но, понятно, что такое искусство не может быть нами рассмотрено в качестве альтернативы необратимой экономизации истории.

Проблема снижения планки искусства в эпоху экономизации и технизации во многом схожа с проблемой искусственного интеллекта. Когда в 60-е и 70-е гг. подняли проблему: может ли машина обладать интеллектом, этот вопрос значил одно. Сегодня, этот вопрос мало кого интересует, поскольку изменился сам смысл интеллекта. Конечно же, машина может обладать интеллектом, и, как следствие, появляются такие товары как стиральная машина с режимом интеллектуальной стирки. Но разве об этом спрашивали в середине XX века? Чтобы машина обладала интеллектом, нужно назвать интеллектом механизм калькулятора. Чтобы искусство прижилось в экономической и технической сферах, нужно назвать им всякое практическое и бесполезное умение. Но это – не интеллект, это – не искусство. Прогресс всегда идет за счет отупения своих собственных критериев.

Искусство понимает лишь тот, кто обращен к нему. Но это замкнутый круг: планка завышается тем, кто и так ее поднял до невообразимого уровня. Искусство сегодня существует исключительно за счет такого самоподстегивания, которое не может быть объ-

яснено экономическими терминами. *Искусство никогда не может быть объяснено ими.*

[Постмодернизм и экономика: точки соответствия]. Если учитывать, что культура XX века, именуемая постмодернистской, идет по пути экономизации, все более и более переводя вещи в бытие товарами, то Маркс во многом может быть назван первым постмодернистом. Вообще говоря, три мыслителя XIX–XX вв. чрезвычайно сильно повлияли на становление того, что мы можем назвать постмодерном: это Маркс, Ницше и Фрейд.

Рынок, как формальность в обращении с миром, легко может быть представлен в *символическом* виде. Можно даже сказать, что меновая стоимость вещей – это их символическая стоимость, означающее. В пользу этого понимания говорит только что отмечавшийся нами вопрос о цене золота. Потребительская стоимость с этой позиции, – это означаемое. А если процесс экономизации необратим, то все больше утрачивается связь между означающим и означаемым; исторически на нашу долю остается лишь символическая реальность, которая не имеет больше соотношения с тем, что ею обозначается. Поэтому все существующее вокруг нас может быть представлено в качестве символов. Символов чего? Выходит, что уже ничего; перед нами символы самих себя. Это – чистый произвол знаков, который получает в постмодерне название *симулякра*. Наиболее развитую теорию симулякров мы находим у Жана Бодрийяра.

Такова же ситуация с Фрейдом: он в психологии – то же, что Маркс в экономике. Фрейд указывает на несостоятельность традиционного представления о существовании человеческого **Я** и **Мира**. Все, что до того называлось миром, у Фрейда прячется в структуру Бессознательного. Само Я больше не представляет самостоятельной (субстанциальной) силы – отныне оно само лишь результат процессов Бессознательного и Сверх-Я. Мы не будем сейчас вникать в тонкости психоанализа. Нас интересует то обстоятельство, что само Бессознательное (т. е. прежний Мир) – исключительно символическая реальность. Действительность Мира Фрейдом сменяется на символичность Бессознательного. Т. е., речь идет о точно

такой же формализации, о таком же абстрагировании, с которым мы имели дело при рассмотрении экономизации истории. Товар является символом другого товара; выражение этой его символичности – это эквивалентная форма товара.

Чистота психоанализа как терапевтической процедуры и чистота экономики как науки требуют одного и того же: отказа от содержания, от реальности в пользу формальности, абстракции. Все работают на экономику, но где она сама? А ее нет – *она порождается в этом самообосновывающем всеобщем служении*. Чистый символ, который реальнее и действительнее всех вещей. Господство абстракции. Но если римская абстракция уводила в сторону, то эта абстракция не уводит никуда. Или, точнее, ведет в никуда.

Экономика в своем господстве уже даже не ратует за соблюдение собственных законов. Примеры тому приводит тот же Бодрийяр. Когда, например, сегодня человеку дается отпуск, то вместо того, чтобы отдохнуть от работы, он, наоборот, будучи целиком человеком экономическим, не знает, что называется, «куда себя деть». Отпуск становится двойной работой: надо работать над свободным временем. Раньше время, свободное от работы, – это время, когда ты становишься самим собой. Но кем ты становишься, когда в тебе нет ничего, кроме твоей работы? Несчастливым работником. Экономика сегодня – это отсутствие праздника. Имеется в виду не календарного (формального), под которым можно было бы понимать бездействие, ничегонеделание и пр., но содержательного, существенного праздника. Даже здесь уже – в отсутствии праздника для нас и в присутствии его для греков – скрывается ответ на вопрос: почему Аристотель не был экономистом.

Вот здесь сказывается тотальность экономического господства. Мы обратились к этим принципам для того, чтобы происходящее предстало перед нами еще одной гранью своей действительности. Конечно же, предмет не исчерпан, но и это нам позволяет чуть глубже ставить вопросы и ожидать чуть более существенных ответов.

КУТИНОВА Т. М. (САРАТОВ)

ФАНАГОРИЙСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ АНАПСКОГО МУЗЕЯ*

а сегодняшний день общая численность керамических клейм, найденных в Фанагории и ее окрестностях, составляет свыше 3000 экземпляров¹. Значительная часть из них (около 1500 оттисков) хранится в Институте Археологии в Москве, остальные пополнили фонды как столичных, так и периферийных музеев. Так, порядка 1000 клейм, выполненных на амфорах и черепицах, находится в ГМИИ и ГИМе, около сотни – в Эрмитаже. Единичные штампы из Фанагории есть также в Краснодарском и Таманском музеях, и даже в Музее амфор Дома детского и юношеского творчества г. Москвы, созданном А. Абрамовым. Однако из всех периферийных музейных коллекций наиболее значительная выборка, насчитывающая 82 экз., представлена в фондах Анапского музея-заповедника «Горгиппия». Подавляющее большинство этих клейм (72 экз.) было собрано во время разведок в 1992 г. на городище Фанагории археологами-любителями, остальные штампы поступили в музей после инспекции памятника в 1998 г.

В состав анапской выборки входят 62 амфорных и 20 черепичных оттисков.

Амфорные клейма принадлежат основным Средиземноморским и Причерноморским центрам, поставлявшим свою продукцию в Северное Причерноморье на протяжении позднеклассического и эллинистического периодов:

* Работа выполнена в рамках проекта «Керамические клейма Азиатского Боспора» при финансовой поддержке фонда «Киммериды».

¹ Кутинова Т. М. Керамические клейма из Фанагории (история формирования коллекции) // *Antiquitas Juventae*. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2005. С. 174.

Фасос	9
Менда	2
Гераклея	2
Синопа	18
Родос	29
Херсонес	1
Неопределенные центры	1

I. Средиземноморские центры.

Клейма *Фасоса* насчитывают 9 экземпляров, 7 из которых удалось надежно определить хронологически. По-видимому, одним из самых ранних является квадратный анэпиграфный штемпель с головой барана, отнесенный И. Гарланом к группе В его хронологии (390–380-е гг. до н. э.) в качестве «дополнительного» к серии эпонимных безэмблемных оттисков². Однако не исключено, что это клеймо может быть более ранним и датироваться в широких границах V в. до н. э.³

К «раннему» периоду систематического клеймения фасосской тары относятся еще пять оттисков, два из которых – трехстрочные безэмблемные клейма магистратов Леог(---)⁴ и Ктесия⁵, – уверенно датируются концом 90-х – 80-ми гг. IV в. до н. э., а остальные принадлежат различным эпонимам (Аристеиду, Арис(---)), работавшим в промежутке между 370–345 гг. до н. э. Единственное клеймо «позднего» периода – предположительно магистрата Прексиполия – датируется в пределах 70-х гг. III в. до н. э.⁶

² *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Timbres Protothasien et Thasien anciens. Paris, 1999. Vol. I. № 289.

³ *Кутунова Т. М.* Керамические клейма VI–V вв. до н. э. из раскопок Фанагории // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 403–404.

⁴ *Garlan Y.* Op. cit. № 156.

⁵ *Ibid.* № 117–138.

⁶ *Avram A.* Histria. Les résultants des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. Thasos. Bucarest, 1996. P. 66.

Мендейская продукция представлена двумя клеймами, одно из которых оттиснуто штампом с выполненной ретроградно монограммой NI (см. рис. 1–1), а второе представляет собой колечко, довольно часто встречающееся на амфорах этого центра. Такие малоинформативные клейма в настоящее время не поддаются точному хронологическому определению, хотя, по данным С. Ю. Монахова, по крайней мере некоторые из них могут датироваться второй половиной IV в. до н. э.⁷

Клейма **Родоса** составляют самую многочисленную группу выборки. Однако из 29 оттисков точному хронологическому определению поддаются только 12⁸. Остальные из-за плохой сохранности можно датировать лишь приблизительно. Наиболее ранними являются два клейма эпонимов II группы Эвкла и Агесиппа. Последнее выполнено штампом, не встречавшимся ранее в Северном Причерноморье (см. рис. 1–2), но по аналогии со штемпелем того же чиновника, в котором вместо ломаной сигмы стоит лунарная⁹, может датироваться 20-ми гг. III в. до н. э. Пять оттисков III хронологической группы, принадлежащих эпонимам Энесидему, Атанодоту (2 экз.), Калликрату и владелице гончарной мастерской Никагиде, датируются 50–70-ми гг. II в. до н. э.

Единственный штемпель IV группы (сер. II в. до н. э.) был выполнен на амфоре, изготовленной в мастерской фабриканта Питогена. Наконец, V группа представлена четырьмя оттисками магистратов Алексиада (2 экз.), Эсфила и Тимодика, деятельность которых осуществлялась в 30–40-х гг. II в. до н. э.

Неопределенный центр. Одно клеймо выборки, выполненное на ручке амфоры из грубой коричневой глины с небольшой приме-

⁷ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999. С. 304–306; *его же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. С. 92–93.

⁸ Finkelsztein G. Chronologie détaillée et révisée des éponomes amphorique rhodiens, de 270–108 av. J.-C environ. Oxford, 2001.

⁹ IOSPE. № 478–84.

сью слюды и мелкого песка, не удалось уверенно атрибутировать (см. рис. 1–3).

II. Причерноморские центры.

Большинство **синопских** штемпелей, составляющих третью часть от общего числа амфорных клейм выборки (18 экз.), удалось надежно датировать. Здесь присутствуют оттиски практически всех хронологических групп синопского клеймения¹⁰, за исключением первой. Ко II группе относится 2 экз., принадлежащих астиномам Эпиелпу и Эсхину 2. III хронологическая группа представлена единственным экземпляром магистрата Апатура, а IV группа – 3 экз. клейм астиномов Гестиея, Эсхина 4 и Деметрия, сына Теогнета. Наиболее многочисленной оказалась V хронологическая группа, состоящая из 7 экз. К ней относятся штемпеля Поликтора, сына Деметрия (2 экз.), Гиппона, сына Дионисия (2 экз.), Антипатра, сына Никона, Питохреста, сына Аполлонида, а также оттиск Гераклеида, сына Микрия, выполненный новым штампом (см. рис. 1–4).

Оба **гераклеийских** клейма, представленные в выборке, относятся к периоду магистратского клеймения, охватывающему весь IV в. до н. э.¹¹. Один штемпель, в котором уверенно читается имя магистрата Гераклеида, датируется серединой этого столетия. Второе клеймо оттиснуто неизвестным ранее штампом (см. рис. 1–5). Имя чиновника в нем сбито, однако, по сохранившемуся имени «фабриканта» Атгеса, работавшего при эпонимах III–IV хронологических групп, клеймо может быть датировано в широких пределах второй – третьей четверти IV в. до н. э.

Единственное **херсонесское** клеймо коллекции принадлежит астиному 1Б хронологической группы Теогену (конец IV в. до н. э.)¹². В Фанагории херсонесские оттиски встречаются крайне редко.

¹⁰ *Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope // *Histria*. Bucarest; P., 1998. Vol. VIII.

¹¹ *Кас В. I.* A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heraklea Pontike // *The Cauldron of Ariantas*. Aarhus, 2003.

¹² *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 99, № 60.

Таким образом, надежное хронологическое определение получили всего 37 амфорных клейм выборки (60%). Именно плохая сохранность большинства оттисков – явный показатель того, что они долгое время подвергались воздействию погодных условий – является отличительной особенностью коллекции. Хуже всего сохранились родосские штемпели, надписи в которых выполнены в низком рельефе.

Все клейма можно распределить по трем периодам:

К I периоду (рубеж V–IV вв. – 275 г. до н. э.) относятся 15 оттисков: Фасос (7 экз.), Менда (2 экз.), Гераклея (2 экз.), Херсонес (1 экз.), а также синопские штемпеля I–III хронологических групп (3 экз.).

II период (275–190 гг. до н. э.) характеризуется, прежде всего, появлением на северопричерноморских рынках продукции Родоса¹³ и стабильным поступлением синопского импорта вплоть до 190 г. до н. э., когда практика систематического клеймения тары в Синопе прерывается. К этому периоду относятся 7 родосских и 10 синопских оттисков выборки.

На протяжении III периода (II–I вв. до н. э.) в Северное Причерноморье продолжает поступать в первую очередь родосское вино, продукция Книда и Коса, тогда как импорт из других производственных центров практически прекращается. В анапской коллекции присутствует всего 5 родосских штемпелей этого периода.

Таким образом, процентное соотношение между хронологически определенными клеймами первого, второго и третьего периодов составляет 40,5%, 46% и 13,5% соответственно, что не характерно для других «фанагорийских» коллекций – см. табл. 1, где приведены данные за 1936–50 гг.¹⁴, 1985–86 гг.¹⁵ и 2002–03 гг.¹⁶

¹³ Кац В. И. Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса // АМА. 2002. Вып. 11. С. 160.

¹⁴ Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // Материалы и исследования по археологии СССР. № 57. М., 1956. С.

раскопок памятника. Две последние выборки приблизительно совпадают, и не только по составу, но и по процентному соотношению представленных в них клейм: штемпели V в. до н. э. составляют порядка 10–12% от общего числа оттисков, а среди клейм позднеклассического и раннеэллинистического периодов преобладают фасосские, синопские, гераклеийские и родосские (по убывающей).

Иной характер носит анапская выборка, где наблюдается явное преобладание штемпелей Родоса над клейменной продукцией других производственных центров. Это и понятно: ведь коллекция формировалась в результате случайных поверхностных сборов с довольно обширной территории, и естественно, что ее костяк составили поздние родосские клейма, залегавшие в более высоких слоях и извлеченные на поверхность во время раскопки или в результате размывания почвы. Иными, сугубо психологически объясняется незначительный процент гераклеийских оттисков в выборке. При просмотре материала, лежащего на поверхности, исследователи обращают внимание, прежде всего на крупные фрагменты черепиц и амфорных ручек, которые, как правило, и подвергались маркированию. Стенки же сосудов просматриваются выборочно. А именно на них оттискивалась основная масса клейм Гераклеи.

Фанагорийская коллекция из Анапы по своему составу схожа, в большей степени, только с выборкой за 1936–50 гг.¹⁵: и в той, и в другой самыми многочисленными группами являются родосские оттиски, которые в процентном отношении значительно превосходят клейма остальных центров. Вторую позицию занимают синопские штемпели, и уж потом – фасосские. Такая схожесть двух выбо-

¹⁵ Каталог клейм из раскопок «Южного города», составленный А. Б. Колесниковым, приложен к отчетам фанагорийской экспедиции за 1985–86 гг. // ИА РАН. Р-1, № 11165.

¹⁶ Раскоп «Верхний город». Экспедиция ИА РАН под руководством В. Д. Кузнецова.

¹⁷ Шелов Д. Б. Указ. соч. С.

рок, вероятно, свидетельствует если не об одинаковых, то, по крайней мере, о близких условиях их формирования. Не исключено, что коллекция, опубликованная Д. Б. Шеловым, пополнялась не только за счет раскопок памятника, но и в результате археологических разведок, активно проводившихся в первые годы систематических раскопок этого памятника.

Черепичные клейма. В нашей коллекции насчитывается 20 штемпелей, выполненных на керамидах. Привозная клейменная черепица представлена единственным экземпляром синопского производства, который принадлежит астиному I хронологической группы Гиситею I, занимавшему должность в середине IV в. до н. э.¹⁸

Остальная черепица (19 экз.) – местного боспорского производства. Чуть больше половины оттисков выполнены уже известными штампами IV–II вв. до н. э.¹⁹, восемь черепичных клейм прочитать не удалось.

Очевидно, что «фанагорийская» выборка из Анапы не может считаться репрезентативной, поскольку, как уже было сказано, она формировалась в результате случайных сборов, хотя при составлении наиболее целостной картины торгово-экономических связей Фанагории необходимо учитывать и ее. Эта коллекция является прекрасным примером того, как опасно делать далеко идущие выводы на основании материалов, полученных исключительно в ходе археологических разведок. Они не только не позволяют уверенно и надежно определить хронологические границы существования памятника, но и могут предоставить неполные и искаженные сведения о его внешнеэкономических и, в какой-то степени, политических связях.

¹⁸ *Conovici N.* Op. cit. P. 24.

¹⁹ См. *Анохин В. А.* История Боспора. Киев, 1999. С. 188 сл. Рис. 61–62, № 49, 102, 131 (2 экз.), 136, 140 (4 экз.), 147, 152.

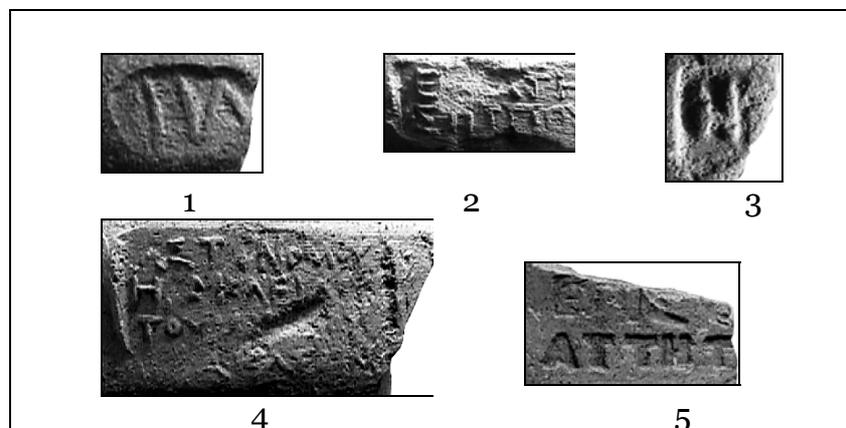

Рис. 1. Клейма, оттиснутые редкими и неизвестными ранее штампами (1 – Менда, 2 – Родос, 3 – неопределенный средиземноморский центр, 4 – Синопа, 5 – Гераклея).

Таблица 1

Амфорные клейма из Фанагории.

Центр производства	Раскопки 1936-50 гг.		Разведки 1992 г., инспекция 1998 г.		Раскопки 1985-86 гг.		Раскопки 2002-03гг.	
	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%
Хиос	–	–	–	–	12	5,6	17	9,2
«Протофасос»	–	–	–	–	1	0,5	4	2,1
Лесбос	–	–	–	–	–	–	1	0,5
Самос	–	–	–	–	1	0,5	1	0,5
Фасос	56	10,0	9	14,5	49	22,8	59	32,2
«Круг Фасоса»	–	–	–	–	–	–	1	0,5
Аканф	–	–	–	–	3	1,4	–	–
Менда	–	–	2	3,2	8	3,7	12	6,5
Гераклея	42	7,5	2	3,2	27	12,5	23	12,5
Синопа	64	11,4	18	29	26	12,1	32	17,4
Кос	14	2,5	–	–	4	1,9	1	0,5
Родос	299	53,4	29	46,8	52	24,2	22	12,0
Книд	19	3,4	–	–	8	3,7	1	1,5
Херсонес	3	0,5	1	1,6	2	0,9	2	1,0
Солоха II	–	–	–	–	2	0,9	–	–
Неопределенные центры	63	10,3	1	1,6	20	9,3	7	3,8
Итого	560		62		215		183	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAe – Antiquitas Aeterna

SH – Studia historica

АМА – Античный мир и археология

ВДИ – Вестник древней истории

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

AHR – The American Historical Review

FgrHist – Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin – Leiden, 1923–1958. Тl. I–III.

AJA – The American Journal of Archaeology

AJAH – American Journal of Ancient History

AJPh – The American Journal of Philology

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies

CAH – The Cambridge Ancient History. 1st ed.

CAH² – The Cambridge Ancient History. 2nd ed.

CPh – Classical Philology

CQ – Classical Quaterly

CR – Classical Review

EHR – The Economic History Review

GR – Greece and Rome

HSCP – Harvard Studies in Classical Philology

HZ – Historische Zeitschrift

Inscr. Cret. – Inscriptiones Creticae

IstMitt – Mitteilungen des Deutschen Archeologischen Instituts. Istanbulische Apteilung

JAOS – Journal of the American Oriental Society

JHS – The Journal of Hellenic Studies

JRS – The Journal of Roman Studies

JSJ – Journal for the Study of Judaism

JSP – Journal for the Study of the Pseudepigrapha

PCPhS – Proceedings of the Cambridge Philological Society

PP – Past and Present

RAL – Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche

RE – Real Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft

SVA – Die Staatsverträge des Altertums

SVF – Stoicorum Veterum Fragmenta

TAPA Transactions of the American Philological Association

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алипов Павел (PAIrov@mail.ru), V курс, РГГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. И. Е. Ермолова.

Богатов Михаил (M_Bogatov@mail.ru), аспирант философского факультета СГУ. Науч. рук. – д.ф.н. проф. Б. И. Мокин.

Георгиев Павел, аспирант, КГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. Е. А. Чиглинцев.

Кутинова Татьяна, аспирантка, СГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. В. И. Кац.

Ланник Леонтий (Leo-Lannik@yandex.ru), V курс, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. Н. Парфенов.

Леус Владимир (Leus1983@mail.ru), аспирант, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Михайлова Татьяна (robinrobin@mail.ru), IV курс, МГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. Н. В. Брагинская.

Мишура Елена (drug_Mishura@mail.ru), III курс, МГУ. Науч. рук. – д.ф.н. проф. Т. А. Михайлова.

Никольский Андрей (ANikolskyant@mail.ru), соискатель, Астраханский технический университет. Науч. рук. – к.и.н. доц. Е. В. Смыков.

Розенблюм Евгений (roseusflor@yandex.ru), III курс, РГГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. И. Е. Ермолова.

Руденко Максим, аспирант, Астраханский технический университет. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Савинов Александр (Alexandr_Savinov@list.ru), аспирант, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Самохвалова Наталия (Natalija-kl@rambler.ru), IV курс, МГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. А. В. Подосинов.

Семенов Сергей (se-cret@yandex.ru), соискатель, Самарский государственный университет. Науч. рук. – д.и.н. проф. И. Г. Гурин.

Сироткина Светлана (svetlychok@mail.ru), IV курс, КГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. О. Л. Габелко.

Смирнов Святослав (SmirnovSV3@yandex.ru), IV курс, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Соколов Игорь, IV курс, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Тейтельбаум Евгений (EugTeit@yahoo.com), V курс, КГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. О. Л. Габелко.

Трофимов Максим (MaxTrofimov@list.ru), аспирант, Пермский педагогический университет. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. М. Строгецкий.

Фионин Павел, (PashaFin@mail.ru) IV курс, КГУ. Науч. рук. – к.и.н. доц. Н. Ю. Бикеева.

Юрин Алексей, IV курс, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. И. Кащеев.

Чемодурова Светлана (SvChemodurova@mail.ru), IV курс, СГУ. Науч. рук. – д.и.н. проф. В. Н. Парфенов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
ГРЕЦИЯ	5
<i>Савинов А. А.</i> (Саратов) Hdt. I. 19–22: К вопросу о достоверности источника	7
<i>Сироткина С. Ю.</i> (Казань) Афины и Спарта в Священной войне	14
<i>Георгиев П. В.</i> (Казань) Народоправство или демократия? Особенности отечественных переводов «надгробной речи» Перикла в «Истории» Фукидида	23
<i>Руденко М. Н.</i> (Астрахань) Завоевательные планы Александра Великого и возникновение оппозиции в македонской армии в 334–330 гг. до н. э.	29
<i>Соколов И. Ю.</i> (Саратов) К вопросу о вспомогательном подразделении в коннице Александра Великого	42
<i>Семенов С. В.</i> (Самара) Внешняя политика Литты в середине III в. до н. э. и его борьба за гегемонию в центральной части Крита	56
<i>Юрин А. И.</i> (Саратов) Македония после битвы при Пидне	59
<i>Тейтельбаум Е. Г.</i> (Казань) Взгляды Полибия на участие полководца в сражении	70
<i>Смирнов С. В.</i> (Саратов) Ореол могущественного правителя: К вопросу о культе царя Антиоха IV Эпифана	82
<i>Михайлова Т. А.</i> (Москва) Перемена облачения в «Повести об Иосифе и Асенеф»	96
РИМ	110
<i>Никольский А.</i> (Астрахань) <i>Vos Luca.</i> К вопросу о тактическом использовании боевых слонов в период Пунических войн	111

<i>Леус В. А.</i> (Саратов)	
Сципион и Геркулес -----	125
<i>Трофимов М. П.</i> (Пермь)	
Восстания рабов на Сицилии в «Исторической Библиотеке» Диодора-----	136
<i>Алипов П. А.</i> (Москва)	
Основная функция римского наместника (на материале I в. до н. э.) -----	144
<i>Мишура Е. С.</i> (Москва)	
Постфилософские попытки восстановления системы составных патронимических имен у галлов под властью античной культуры-----	161
<i>Чемодурова С. Н.</i> (Саратов)	
Штрихи к портрету Ливии Августы-----	167
<i>Самохвалова Н. Е.</i> (Москва)	
Описание Индии в <i>De chorographia</i> Помпония Мелы (III. 61–71) -----	178
<i>Ланник Л. В.</i> (Саратов)	
Рим и германцы: Пути решения проблемы-----	186
<i>Розенблюм Е. М.</i> (Москва)	
Античная героическая традиция и христианское мученичество на примере св. Игнатия и Анаксарха -----	203
<i>Фионин П. П.</i> (Казань)	
Образ императора Диоклетиана в сочинениях Лактанция и Евсевия Памфила -----	212
VARIA-----	220
<i>Богатов М. А.</i> (Саратов)	
В отсутствии праздника: Онтологические основание экономики Аристотеля и Маркса -----	221
<i>Кутинова Т. М.</i> (Саратов)	
Фанагорийские клейма из Анапского музея -----	238
Список сокращений -----	246
Сведения об авторах-----	248

Научное издание

ANTIQUITAS IUVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под редакцией *Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина*

Работы изданы в авторской редакции

Художник *Е. С. Ульянова*

*(при оформлении использованы изображения
с греческого килика VI в. до н.э., пренестинской цисты
и этрусских зеркал IV–III вв. до н.э.)*

Ответственный за выпуск *О.Н. Бунин*
Оригинал-макет подготовил *С.Н. Берднов*

Подписано в печать 13.04.06. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Академия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,55 (13,5). Уч.-изд. л. 10,73. Тираж 150.

ООО Издательство “Научная книга”.
410054, г. Саратов, ул. Б-Садовая, 127.
Лицензия ИД-№000125 от 30 августа 1999 г.